ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЯН ФЛЕМИНГ

ЭРЛ С. ГАРДНЕР

ДЕЙН КИЙН

Бриллианты вечны

Ян Флеминг

Ян Флеминг. Бриллианты вечны
Глава 1. Алмазная трубка открывается
Глава 2. Достоинства драгоценного камня
Глава 3. Горячий лед
Глава 4. Что здесь происходит?
Глава 5. Опавшие листья
Глава 6. В пути
Глава 7. Шеди Трик
Глава 8. Глаз, который никогда не спит
Глава 9. Горькое шампанское
Глава 10. «Студиллак» в Саратого
Глава 11. Ши Смайл
Глава 12. Конец дела
Глава 13. Грязелечебница
Глава 14. Мы не терпим ошибок
Глава 15. Улица мира
Глава 16. «Тиара»
Глава 17. Благодарю за прогулку
Глава 18. Под прикрытием ночи
Глава 19. Спектрвилл
Глава 20. Пламя из трубы
Глава 21. Ничто так не сближает, как близость

Глава 22. Любовь и соус «вернез»
Глава 23. Работа отходит на второй план
Глава 24. Смерть так неумолима
Глава 25. Алмазная трубка закрывается

Ян Флеминг
Бриллианты вечны

Глава 1. Алмазная трубка открывается

Из небольшого отверстия с сухим шорохом, выставив вперед клешни, выполз большой скорпион-пандинус.

Снаружи был маленький участок плоской земли, и скорпион остановился на нем, поднявшись на четыре пары ног.

Он был готов к немедленному отступлению: все нервы и мускулы его напряглись и скорпион

ловил колебания воздуха, которые должны были подсказать ему, что делать дальше.

Лунный свет, льющийся через заросли кустарника, отбрасывал сапфировые отблески на твердое отполированное тело, тускло отражался на белом фоне жала, которое выдавалось наружу из хвоста, изогнутого параллельно плоской спине скорпиона.

Жало медленно вернулось в свою оболочку и нервы ядовитых желез расслабились. Скорпион решился. Жадность победила страх.

В двенадцати дюймах, у подножия песчаного бархана маленькая бабочка старалась добраться до лучшего пастбища, которое находилось в зарослях кустарника, но бросок скорпиона вниз по склону был настолько стремителен, что у нее не было времени расправить крылья. Бабочка замахала лапками в то время, как острые клешни обхватили ее тело и сверху в нее вонзилось жало. Через мгновение она была уже мертва.

Убив бабочку, скорпион некоторое время стоял неподвижно. За это время он изучал землю и воздух — нет ли опасных колебаний. Убедившись в том, что ему ничто не угрожает, он разжал клешни и вонзил челюсти в тело бабочки. А потом в течение часа пожирал свою жертву.

Колючий кустарник, под которым скорпион убил бабочку, был заметен на большом расстоянии среди степи, расстилавшейся на протяжении сорока миль на юге Кассидугу, в юго-западной части Французской Гвинеи.

По всей линии горизонта протянулись холмы и джунгли, но здесь, на площади более чем двадцать квадратных миль, была почти пустыня, и среди тропических зарослей только один этот колючий кустарник вырос почти до высоты одноэтажного дома.

Кустарник рос недалеко от перекрестка трех африканских государств. Он находился во Французской Гвинее, но только в десяти милях от самой северной точки Либерии и в пяти милях восточнее границы Сьерра-Леоне. За этой границей, вокруг Сафалку, расположились большие алмазные копи. Они принадлежали африканскому национальному концерну и находились под британской опекой.

Часом ранее, сидя в своей норе, среди корней большого колючего кустарника, скорпион был потревожен колебаниями воздуха. Сперва были легкие взмахи крыльев бабочки, которые ему хорошо знакомы, но потом последовала серия непонятных глухих звуков, за которыми раз-

дался сильный удар, заваливший часть норы скорпиона. Затем начались мягкие, ритмичные колебания земли, которые были настолько регулярны, что вскоре перестали настораживать. После небольшой паузы слабые шорохи от движения бабочки возобновились, и это оказалось для нее розовым. Шум крыльев бабочки заслонил от скорпиона все остальные посторонние звуки, и он выполз на льющийся лунный свет.

Теперь, когда скорпион наслаждался телом бабочки, прозвучал сигнал его собственной смерти, сигнал, состоящий из колебаний, далеко выходящих за пределы восприимчивости чувствительных органов слуха скорпиона. В нескольких футах от скорпиона тяжелая рука с обкусанными ногтями мягко подняла зазубренный кусок камня.

Не было никакого шума, но скорпион почувствовал над собой движение воздуха и моментально собрался: его тело напряглось, жало выпрямилось и превратилось в жесткий хвост, близко посаженные глаза уставились на врага. Тяжелый камень упал на скорпиона.

— Черный ублюдок!

Человек смотрел, как раздавленное насекомое металось в предсмертной агонии, потом зевнул

и присел в песчаной впадине перед зарослями кустарника. Он находился здесь уже около двух часов.

Шум мотора, которого ждал человек, стал громче. Человек встал и посмотрел вверх. Он увидел вертолет неуклюжей формы и черного цвета, который быстро приближался с востока. На мгновение лунный свет блеснул во вращающихся лопастях винта. Человек вытер руки о свои грязные шорты и направился к месту, где из укрытия выступало наклоненное колесо мотоцикла.

Под сидением находился кожаный ящик для инструментов. Человек вытащил из него небольшой тяжелый пакет, который сразу же засунул под рубашку. Потом достал четыре дешевых электрических фонарика и направился туда, где в пяти-десяти ярдах от кустарника была ровная площадка земли размерами с теннисный корт. На трех концах этой посадочной площадки он установил фонарики и включил их. Потом, держа четвертый фонарик включенным, стал на четвертый угол.

Вертолет медленно двигался по направлению к нему. Не более чем в ста футах от земли большие лопасти винта, казалось, вообще перестали вращаться, и вертолет выглядел, как неуклюжее

насекомое.

Вертолет замер, слегка покачиваясь. Из кабины высунулась рука, и луч фонарика скользнул по человеку на земле. Фонарик с вертолета сигналил: точка, тире. Буква «А». Человек на земле просигналил в ответ буквы «В» и «С», поставил четвертый фонарик на землю и отошел в сторону, закрывая глаза рукой от пыли.

Вертолет мягко приземлился между четырьмя огнями. Грохот мотора закончился выстрелом выхлопа, хвостовой винт повернулся в обратную сторону, а лопасти главного винта сделали несколько медленных оборотов и полностью остановились.

В наступившей тишине начал стрекотать кузнечик, в зарослях кустарника где-то совсем близко раздался взволнованный щебет какой-то птицы.

Спустя некоторое время, достаточное для того, чтобы улеглась пыль, пилот распахнул дверь кабины, выбросил маленькую алюминиевую лестницу и быстро спустился на землю. Он подождал около вертолета, пока тот, другой, не обошел все четыре угла посадочной площадки, не собрал и не погасил все фонарики.

Пилот опоздал на полчаса и ему ужасно не хо-

телось выслушивать выражения недовольства от человека, который его встретил. Пилот презирал всех африканцев, а этого в особенности. Для пилота избранных воинских частей, все они были расой ублюдков, лицемерных, глупых и грубых. Конечно, у этого парня была очень рискованная работа, но ведь это было ничто по сравнению с управлением вертолетом на протяжении пятисот миль над джунглями, да еще ночью, и еще нужно прибавить столько же на обратный путь.

Когда человек приблизился к пилоту, тот приветствовал его, протянув руку.

— Все в порядке?

— Надеюсь... Но вы снова опоздали, и я теперь только-только сумею перебраться через границу до восхода солнца.

— Неисправность магнето. У всех у нас есть свои заботы. Благодарение Богу, что в году тринадцать полнолуний. Ну, ладно, если у вас есть что-нибудь для меня, мы погрузим это на вертолет. Давайте и я полечу обратно.

Ничего не говоря, человек с алмазных копий сунул руку под рубашку и протянул пилоту аккуратный и тяжелый сверток.

Пилот взял его. Сверток был пропитан потом контрабандиста и пилот опустил его в карман

своей опрятной полотняной рубашки. Потом тщательно вытер руки о шорты.

— Порядок, — сказал он и повернулся к машине.

— Одну минуточку, — произнес контрабандист, и в его голосе слышались сердитые нотки.

Пилот обернулся и посмотрел на него. Он подумал: «Это голос слуги, который собирается выразить недовольство едой».

— Да. В чем дело?

— Работа на рудниках становится слишком опасной. И мне это совсем не нравится. Из Лондона приехал какой-то крупный агент. Его зовут Силлитоу. Говорят, что он нанят алмазной корпорацией Франции. Было введено много новых правил и все наказания удвоены. Это сильно напугало некоторых из моих подручных. Я вынужден быть безжалостным… Один из них каким-то образом упал в дробилку. Все это создает напряженную обстановку, поэтому мне приходится платить больше, дополнительные десять процентов, но они все еще не удовлетворены. В один из ближайших дней сотрудники службы безопасности собираются забрать одного из моих людей. Это опасно. Вы ведь не знаете этих черных свиней! Они не смогут выдержать настоящей

порки, — он быстро взглянул в глаза пилоту и отвел взгляд. — К тому же, я вообще сомневаюсь, что хотя бы один из них выдержит хороший удар бича. Может быть, и я…

— Да? — спросил пилот. Он помолчал. — Вы хотите, чтобы я передал эту угрозу АВС?

— Я никому не угрожаю, — поспешно проговорил человек. — Я просто хочу, чтобы они знали, что работать становится все труднее. Они должны знать об этом обязательно. Они должны знать о Силлитоу. Послушайте, что сообщил наш председатель в своем годовом отчете. Он сказал, что наши шахты теряют более двух миллионов фунтов стерлингов из-за контрабанды и что ИДЕ и само правительство должно пресечь это. А что это значит? Это прежде всего значит, что надо остановить меня…

— И меня… — мягко сказал пилот. — Итак, что же вы хотите? Больше денег?

— Да, — упрямо сказал человек. — Я хочу получать большую долю. Двадцать процентов. Или мне придется выйти из игры.

Он пытался прочесть на лице пилота, какое впечатление произвело на него это заявление.

— Хорошо, — безразлично ответил пилот. — Я передам ваше сообщение в Дакар. И если они

этим заинтересуются, я полагаю, что сообщение будет немедленно направлено в Лондон.

Он помолчал, подумал.

— Но это меня уже не касается. И если бы я был на вашем месте, — пилот впервые отбросил сдержанность, — то не очень бы давил на этих людей. Они могут быть гораздо более жестокими, чем Силлитоу или любое правительство, о котором я когда-либо слышал. Именно на этом конце алмазной трубки за последние двенадцать месяцев умерло три человека. Один за то, что был желтым, двое за то, что брали из пакета. И вы знаете об этом. С вашим предшественником произошел забавный случай. Ужасно забавно хранить меленит под кроватью… А он так обо всем заботился.

Несколько мгновений они стояли молча и смотрели друг на друга. Контрабандист пожал плечами.

— Ладно, — сказал он. — Только передайте им, что мне здесь приходится очень тяжело. И чтобы продолжать дело, требуются большие деньги. Они должны понять это, и если у них есть чувство здравого смысла, они прибавят мне еще десять процентов. Если же нет… — он не докончил фразу и повернулся к вертолету.

— Пошли! Я дам вам баллон с газом.

Десять минут спустя пилот взобрался в кабину и втащил за собой лестницу. Перед тем, как захлопнуть дверь, он поднял руку.

— До встречи, — сказал он. — Увидимся через месяц.

Человек, стоящий на земле, вдруг почувствовал себя одиноким.

— Проваливай! — сказал он, взмахнув рукой. — Все будет хорошо.

Он отступил назад и закрыл глаза от пыли.

Пилот опустился в кресло и застегнул ремни. Он нащупал ногами педаль руля, педаль винта и, удостоверившись, что тормоза колес были включены, быстро перевел рычаг управления шага винта прямо вниз, включил зажигание и нажал стартер. Удовлетворенный работой мотора, он ослабил винтовой тормоз и мягко закрутил дроссельный клапан на рычаге управления шагом винта. За окном кабины медленно поворачивались длинные лопасти винта, и пилот заглянул назад на крутящийся хвостовой винт. Поудобнее устроился в кресле и стал ждать, пока на указателе скорости винта не появилась цифра двести, он ослабил тормоза колес и медленно потянул рычаг шага винта вверх. Прямо под ним лопасти

винта наклонились и стали резать воздух. Он еще больше закрутил дроссельный клапан и машина, грохоча, медленно поднялась над землей, пока не достигла ста футов, после чего он дал лево руля и быстро перевел рычаг управления.

Вертолет, покачиваясь, набрал скорость и высоту и двинулся на восток, стараясь уйти от лунного света. Человек на земле следил, как удалялись алмазы на сто тысяч фунтов, которые его люди украли у добытчиков.

Украденные камни он вынимал из-под языков в то время, когда они сидели в зубоврачебном кресле, а он грубо опрашивал их, где и что у них болит. Вот так, продолжая говорить о больных зубах, он вынимал камни из их ртов и подносил к свету. А потом говорил, пятьдесят, семьдесят пять, сто. И всегда они кивали головами и брали деньги, потом прятали деньги под одеждой и выходили из кабинета с пакетиком таблеток для отвода глаз. Они были вынуждены соглашаться на его цены, потому что у них не было никакой надежды сбыть украденные алмазы.

Когда шахтеры выбирались из копий, хотя бы раз в год, чтобы навестить свое племя или похоронить умершего родственника, они проходили длинную процедуру обследования от рентгена до

касторки. И если их ловили с алмазами, картина получалась очень грустной. И в то же время было так легко пойти на прием к зубному врачу. А бумажные деньги не просвечивались рентгеном.

Человек выкатил свой мотоцикл на узкую тропинку и направился к пограничным холмам Сьерра-Леоне. Теперь их можно было легко различить. У него оставалось совсем мало времени, чтобы добраться к рассвету до долины Слез. Он скорчил гримасу при мысли о том, что ему придется заниматься любовью после такой изнурительной ночи, но он был вынужден делать это. Денег было недостаточно, чтобы заплатить за алиби, которое она ему предоставляла. Ей было нужно его тело. А потом еще десять миль до клуба, для того, чтобы там позавтракать и перебросится обычными шутками с друзьями.

— Хорошо провели ночь? Я слышал, что у нее самая привлекательная внешность во всей округе. Скажите, док, что вы делаете в полнолуние?

Но каждая посылка с алмазами на сто тысяч фунтов стерлингов означала для него тысячу фунтов вклада на его счет в лондонском банке. Чудесные, живительные деньги… Игра стоила свеч! Но не следовало играть слишком долго. Нет, как только он будет иметь двадцать тысяч

фунтов, он сразу же и окончательно бросит это дело. А что дальше? Его мысли были наполнены мечтами.

Человек на мотоцикле старался ехать как можно быстрее, чтобы удалиться от зарослей колючего кустарника, откуда начинала свой путь алмазная тропа самых крупных контрабандистов в мире. Начинала, чтобы кончиться в пяти тысячах миль от этого места.

Глава 2. Достоинства драгоценного камня

— Не преувеличивайте, — сказал М.

Джеймс Бонд снова взял лупу и на этот раз ему удалось надежно укрепить ее в глазной впадине правого глаза.

Хотя был конец июля и комната освещалась солнечным светом, М включил настольную лампу и направил ее луч на Бонда. Бонд взял алмаз, граненый под бриллиант, и направил на него луч лампы, поднося камень к глазу. Когда он поворачивал его между пальцами, в глаза ему плеснули все цвета радуги и ослепили его. Он вынул лупу и стал придумывать подходящие выражения.

М насмешливо посмотрел на него.

— Красивый камушек?

— Замечательный! — ответил Бонд. — Он, должно быть, и стоит очень дорого?

— Несколько фунтов за каждую грань, — сдержанно ответил М. — Это маленький кусочек кварца. А теперь посмотрите еще.

Он взглянул на лист бумаги, лежащий перед ним на столе, и выбрав камень, обернутый папи-

росной бумагой, передал его Бонду. Тот положил обратно в коробку кусочек кварца и взял протянутый ему камень.

— Вам легко, сэр, — улыбнулся он М, — у вас есть шпаргалка.

Он снова вставил лупу в глаз и поднес к нему камень.

«Теперь, — подумал он, — нет никакого сомнения». Этот камень имел тридцать две грани вверху и двадцать четыре внизу — гранение на бриллиант. В нем было около двадцати карат, он был небесно-голубого цвета, и все цвета спектра отражались и преломлялись в его глубине, проникая в глаз, подобно цветным иголкам.

Левой рукой он взял подделку из кварца и положил ее рядом. По сравнению с ослепляющей прозрачностью алмаза он выглядел безжизненным и тусклым. И цвета радуги, которые видел в нем Бонд несколько секунд тому назад, казались ему теперь грубыми и блеклыми.

Бонд положил кусок кварца обратно в коробочку и взглянул на алмаз. Теперь ему стала понятна страсть, которую вызывали в людях бриллианты в течение веков. Они порождали почти сексуальную страсть к ним у тех, кто держал их в руках, обрабатывал их и торговал ими. Они

подавляли своей красотой, настолько чистой, что в ней трудно было усомниться. Божественное превосходство, перед которым все другие вещи выглядели не более, как жалкое и неумелое подражание, как вот этот кусочек кварца. За эти несколько минут Бонд сердцем воспринял миф об алмазах и знал, что никогда не забудет того, что увидел в этих камнях.

Он положил алмаз на бумагу и выронил лупу на ладонь. Потом посмотрел в следящие за ним глаза М.

— Да, — сказал Бонд, — я все понял.

М опустился поглубже в кресло.

— Именно это и имел в виду Джекоб, когда я обедал с ним вчера в «Алмазной корпорации», — прознес М. — Он мне сказал, что если я собираюсь вступить в алмазный бизнес, я должен понять, что в действительности стоит за этим. Это не миллионы получаемых денег или алмазный фонд, предохраняющий от инфляции, не сентиментальная мода на алмазы в обручальных кольцах и тому подобное. Он сказал, что человек должен понять страсть к алмазам. Он просто показал мне то, что я показал вам сейчас. — М слабо улыбнулся Бонду. — Надеюсь, что вы меня поняли. Я так же, как и вы, был восхищен сначала

этим кусочком кварца.

Бонд ничего не ответил.

— А теперь давайте посмотрим остальное, — сказал М.

Он указал на несколько бумажных пакетиков, лежащих перед ним.

— Я сказал, что хочу получить некоторые образцы и, кажется, они не возражают против этого.

М снова взглянул на лист бумаги, открыл пакет и передал его Бонду.

— Камень, который вы только что рассматривали, самый лучший — «Прекрасный бело-голубой», — он указал на большой алмаз, лежащий перед Бондом. — Теперь посмотрите на этот кристалл в десять карат. Отличный камень, но стоит только половину стоимости «Прекрасного бело-голубого». Вы увидите, что в нем есть тончайший след желтого цвета, «Кайр». Следующий имеет небольшой коричневый оттенок, по описанию Джекоба. Но черт меня побери, если я могу различить его! Сомневаюсь, что это смог бы сделать кто-нибудь другой, за исключением эксперта.

Бонд послушно взял большой кристалл, и в течение четверти часа М показывал ему всю коллекцию драгоценных камней, вплоть до замечательной серии разноцветных: красных,

желтых, зеленых и фиолетовых. Под конец М передал ему пакет маленьких камней, которые были или с изъяном, или маркированные, или белого цвета.

— Это промышленные алмазы. Они не считаются камнями высокого качества. Используются только для изготовления инструментов и тому подобного. Но не пренебрегайте ими. Америка купила их на пять миллионов фунтов, а это только один из рынков сбыта. Бронстиен сказал мне, что именно такие камни использовались при проходке туннеля Сен-Готард. И дантисты тоже используют их при починке наших зубов. Это самое твердое вещество в мире. Служит вечно.

М вынул трубку и начал набивать ее табаком.

— А теперь вы знаете об алмазах столько же, сколько и я…

Бонд откинулся назад в кресло и посмотрел на мерцающие камни, лежащие на красной кожаной поверхности стола. Его интересовало, что все это означает… М чиркнул спичкой о коробок, и Бонд наблюдал за тем, как он поднес спичку к трубке и зажег табак. Потом М положил спичечный коробок в карман.

Бонд взглянул на свои часы. Было одиннадцать тридцать. Он с удовольствием подумал о сто-

ле, заваленном делами службы безопасности, которые он оставил час назад после вызова по красному телефону. Он предчувствовал, что ему не придется больше заниматься этими делами.

Серые глаза задумчиво посмотрели на него. М вынул трубку изо рта.

— Как давно вы вернулись из отпуска?

— Две недели, сэр.

— Неплохо. Как провели время?

— Отлично. К концу немного наскучило.

— Я посмотрел ваши записи, — сказал М. — И ваш последний медицинский осмотр. Он показывает, что вы в хорошей форме. — М помолчал. — Дело в том, — продолжал он, — что у меня для вас есть довольно сложное задание. Хотелось бы удостовериться, что вы сможете выполнить его, а в нужный момент позаботиться и о себе.

— Конечно, сэр. — Бонд был слегка удивлен.

— Не стройте иллюзий по поводу этой работы, 007, — резко проговорил М. — Если я говорю, что она трудная, не считайте меня мелодраматичным. На свете существует много ловких людей, с которыми вам до сих пор не приходилось сталкиваться, и которые могут быть замешаны в этом деле. И многие из них обладают достаточной ловкостью и силой. Так что не обижайтесь, если

я не сразу ввел вас в курс дела.

— Простите, сэр.

— Тогда хорошо, — М отложил свою трубку и, положив руки на стол, подался вперед. — Я расскажу вам всю историю, и тогда вы сами решите, возьмете ли это дело или нет.

Немного помолчав, он продолжал:

— Неделю назад меня навестило одно высокопоставленное лицо, которое привело с собой постоянного секретаря министерства торговли. Дело касалось алмазов. Кажется, большинство из тех, которые в мире называют алмазами высшего качества, находится на британской территории. Мне рассказывали, что девяносто процентов всей торговли алмазами ведется в Лондоне «Алмазной корпорацией», — М пожал плечами. — Не спрашивайте меня, почему англичане в начале века взяли этот бизнес в свои руки и умудрились сохранить его до настоящих дней. Сейчас это составляет около пятидесяти миллионов фунтов стерлингов в год. И это самая большая возможность получения долларов, которая у нас имеется. Так что, когда с этим происходит что-то неладное, правительство начинает беспокоиться. Как раз это и случилось.

М резко взглянул на Бонда.

— По крайней мере, на два миллиона фунтов стерлингов алмазов переправляется из Африки каждый год контрабандным путем.

— Это большие деньги, — спокойно сказал Бонд. — Как же они идут и куда?

— Говорят, что в Америку, — ответил М. — И я с этим согласен. Это самый большой рынок в мире. Их гангстеры как раз такие люди, которые могут вести работу именно в таком масштабе.

— Почему же рудная компания не остановит это?

— Они делали все, что могли, — ответил М. — Вы, вероятно, читали в газетах, что компания Де Бирс наняла нашего друга Силлитоу, когда он покинул МИ-5, и сейчас он там работает с нашими сотрудниками службы безопасности. Я убежден, что в своем отчете он предложил множество светлых идей, но казначейство и министерство торговли не очень-то впечатлительны. Они считают, что это слишком серьезное дело, чтобы им руководило множество отдельных рудных компаний, какими бы эффективными они ни были. И у них есть одна очень веская причина для того, чтобы самим принять действенные меры.

— Что же это, сэр?

— Как раз сейчас в Лондоне находится большой

пакет контрабандных камней, — сказал М и глаза его блеснули. — Этот пакет собираются переправить в Америку, и специальный отдел знает, кто это должен осуществить. Это стало известно одному из агентов Рони Веленса в Сохо. Одному из его отрядов призраков, как он любит их называть. Он направился прямо в казначейство и министерство торговли. После этого министры побывали у премьера и сообщили ему обо всем. И премьер-министр дал разрешение поручить это дело службе безопасности.

— А почему не специальному отделению МИ-5, сэр? — спросил Бонд, заметив, что М затрагивает межведомственные вопросы.

— Конечно, они могли бы арестовать курьера, как только он с грузом будет пытаться покинуть страну. — нетерпеливо ответил М, — но это не остановит дальнейших операций. Эти люди не болтливы. И к тому же, их курьеры всего лишь мелкие пешки. Они, вероятно, получают товар от незнакомого человека где-нибудь в парке или в другом подобном месте. А на той стороне передают таким же образом. Единственный путь добраться до истоков такого бизнеса, это проследить за алмазной трубкой в Америке и уже там узнать, куда она ведет. Боюсь, что ФБР не очень-то

и поможет нам, потому что Америке этот бизнес вреда не причиняет. Только Англия несет значительные убытки. Америка выходит за сферу полномочий полиции и МИ-5. Так что выполнить эту работу может только служба безопасности.

— Да, я понимаю, — сказал Бонд, — но имеется ли у нас что-нибудь для начала?

— Вы когда-нибудь слышали об Алмазном доме?

— Конечно, сэр, — ответил Бонд. — Крупные американские ювелиры в Нью-Йорке на 46-й стрит, в Париже на Рю де Риволи. Эти фирмы возникли очень быстро вскоре после войны.

— Да, — продолжал М. — Это как раз те люди. У них также имеется небольшое учреждение и в Лондоне, на Хаттон Гарден. Все они — крупные покупатели на ежемесячных выставках Алмазной корпорации. Но за последние три года они стали покупать все меньше и меньше, хотя каждый год продают очень много ювелирных изделий. Казначейство отметило это. Но я ничего не могу им предъявить. Здесь у них свой человек, отвечающий за этот бизнес, но странно, что бизнес так мал. Этого человека зовут Руфус В. Сайс. О нем очень мало данных. Он обедает каждый день в американском клубе на Пикадилли, играет

в гольф, не пьет и не курит. Живет в «Савойе». Образцовый гражданин. — М пожал плечами.

— Что же я должен делать, сэр? — спросил Бонд, глядя на М.

— У нас встреча с Веленсом в Ярде, — М взглянул на часы, — ровно через час, в два. Они собираются арестовать курьера и ввести вас в дело. Вы будете вместо него.

Пальцы Бонда сжали ручку кресла.

— А зачем?

— А затем, — ответ М прозвучал, как нечто само собой разумеющееся, — вы станете заниматься контрабандой алмазов в Америку. В этом и заключается идея. Так что же вы об этом думаете?

Глава 3. Горячий лед

Джеймс Бонд закрыл за собой дверь кабинета М. Он улыбнулся мисс Монни и прошагал через ее приемную в кабинет начальника штаба.

Начальник штаба, худой, расслабленный человек, приблизительно такого же возраста, как и Бонд, положил ручку и откинулся в кресле. Он следил за тем, как Бонд автоматическим движением достал из заднего кармана брюк плоский портсигар и, подойдя к открытому окну, взглянул на Реджин-стрит.

В движениях Бонда была задумчивая медлительность, которая как бы ответила на вопросы начальника штаба.

— Итак, вы приняли это предложение?

Бонд повернулся.

— Да, — ответил он.

Он закурил сигарету и через дым его глаза смотрели прямо на начальника штаба.

— Только скажите мне, Билл, почему старик так заинтересован в этой работе? Он даже узнал о результатах моего медицинского обследования. О чем он так беспокоится? Раньше он не был та-

ким. Америка более или менее цивилизованная страна. Так что же его беспокоит?

— Разве это входит в обязанности начальника штаба — знать, о чем думает М?

Его сигарета погасла и он снова зажег ее, а спичку бросил через плечо. Потом оглянулся, чтобы определить, попала ли она в корзину для бумаг, и улыбнулся Бонду.

— Постоянная практика, — сказал он. — Есть много вещей, которые беспокоят М. И вам это известно не хуже меня. СМЕРШ, немецкие дешифровщики, китайское опиумное кольцо, власть мафии. Он с уважением относится и к американским гангстерам. Вот и все. А алмазный бизнес выглядит чудесным занавесом, чтобы ввести вас в игру против гангстеров. Он меньше всего предполагал, что ему придется столкнуться с ними. У него и без этого достаточно дел. Вот и все, что я знаю и что может интересовать вас по поводу этой работы.

— В американских гангстерах нет ничего особенного, — возразил Бонд. — Они не американцы. Большинство из них итальянские бездельники с монограммами, любовью к спагетти и вонючим фрикаделькам.

— Совершенно верно, — согласился началь-

ник штаба, — но дело в том, что за ними стоят и более крупные шишки. Например — наркотики. Миллион наркоманов. Откуда они достают наркотики? А азартные игры? Двести пятьдесят миллионов долларов в год в Лас-Вегасе. Но ведь существуют тайные притоны в Майами, Чикаго. Всем этим владеют гангстеры. Несколько лет назад Бакси Сигал лишился головы только потому, что хотел погреть руки на операции «Лас-Вегас». И он был достаточно проучен... Это огромные операции, ведь азартные игры в Америке — грандиозная арена деятельности. Больше, чем сталь или автомобили... И они заботятся о том, чтобы дела шли гладко. Если вы мне не верите, то возьмите копию доклада Кафауэра. А теперь вот эти алмазы. Шесть миллионов долларов в год — очень неплохие деньги. Можно вполне дать голову на отсечение, что все это очень здорово продумано и защищено.

Начальник штаба сделал паузу. Он взглянул на высокую фигуру в темно-синем костюме спортивного покроя и на упрямые светлые глаза на загорелом лице.

— Вероятно, вы не читали доклад ФБР о преступности в этом году? Интересно — тридцать четыре убийства каждый день. Около ста пяти-

десяти тысяч американцев, убито за последние двадцать лет...

Бонд недоверчиво взглянул на своего собеседника.

— Да, на самом деле, черт побери! Возьмите сами эти доклады и прочитайте! И тогда вы поймете, почему М хотел удостовериться в том, что вы подходите для этого дела, прежде чем вводить вас в игру. Вы должны работать на гангстеров, поняли?

Лицо Бонда вытянулось.

— Продолжайте, Билл, — сказал он. — Если это все, то я предлагаю вам пообедать со мной. Я отвезу вас в ресторан к Скоттам.

Начальник штаба отбросил все сомнения, которые разделял со своим шефом, и последовал за Бондом, резко захлопнув за собой дверь.

Позднее, ровно в два часа, Бонд здоровался со щегольски одетым человеком со спокойными глазами. Стены его старинного кабинета слышали больше секретов, чем любая другая комната в Скотланд Ярде. Бонд еще раньше познакомился с мистером Веленсом в деле Муерекера и им не нужно было терять время на предварительные разговоры.

Веленс бросил ему через стол несколько фото-

графий. На всех был изображен молодой человек довольно приятной наружности, с коротко подстриженными темными волосами, невинно улыбающимися глазами и лицом головореза.

— Вот этот парень, — сказал Веленс. — Он достаточно похож на вас, чтобы вы могли сойти за него у тех, кто имеет лишь его описание. Симпатичный парень. Питер Франк. Из хорошей семьи. Школа и тому подобное. Затем он ступил на неправильный путь, да так и продолжал по нему идти. Основное его занятие — кражи со взломом в городских окрестностях… Возможно, что он был несколько лет тому назад замешан в деле князя Виндзора в Сенингдайе. Раз Али два он был арестован, но за недостатком улик ему не могли пришить дело. В Сохо он познакомился с двумя девицами из секретной службы и страстно увлекся одной из них. Странно, что эта девица им также увлеклась. Она считала, что может направить его на правильный путь. Но когда он рассказал ей о своей работе, она передала его нам. Все это произошло случайно… как будто это была дьявольская шутка…

Бонд кивнул.

— Обманщики никогда других не принимают всерьез. Я думаю, что в своей собственной стране

он вряд ли стал так распространяться о своей работе.

— Ни за что на свете, — согласился Веленс, — иначе мы бы давно схватили его. Он согласился провезти контрабанду за пять тысяч долларов. Это дело оплачивается после доставки. Моя девушка спросила у него, не будут ли это наркотики, а он засмеялся и ответил: «Нет, лучше этого. Горячий лед». Так что у него алмазы или?... Завтра вечером у Трафальгарского дворца он должен будет войти в контакт со своими сообщниками. В пять часов в своем номере девушка по имени Кейс скажет ему, что он должен будет делать, и она будет сопровождать его.

Веленс поднялся и начал ходить по комнате вдоль стены, которая была вся оклеена фальшивыми пятифунтовыми банкнотами.

— Эти контрабандисты всегда работают парами, когда переправляют большой груз. Они никогда полностью не доверяют курьеру, и люди на другом конце хотят, чтобы были очевидцы на случай, если на таможне случится что-нибудь неладное. Поэтому организаторы не опасаются провала, даже если курьер и проболтается.

Большую партию переправляет курьер. Таможня. Сопровождающие лица... Бонд затушил

сигарету в пепельнице, стоящей на столе Веленса.

Как часто в ранние годы своей службы он сам неоднократно являлся составной частью такого процесса. Через Страсбург — в Германию, через Негорелое — в Россию, через Симптон — в Пиренеи… Напряжение. Сухой рот. Сжатые ладони. И теперь, отойдя от всего этого, он вновь ввязался в такую игру.

— Да, я понимаю, — проговорил Бонд, отгоняя воспоминания. — Но все же, как выглядит общая картина? У вас есть четкий план? Для какой операции предназначался Франк?

— Алмазы определенно идут из Африки, — глаза Веленса были непроницаемы. — Вероятно, не из шахт Великобритании. Скорее всего, это утечка из Сьерра-Леоне или из Либерии, возможно, из Франции, так как этот пакет появился в Лондоне. Но, возможно, что Лондон является частью алмазной трубки. — Веленс перестал ходить по комнате и повернулся к Бонду. — Теперь мы знаем, что пакет идет в Америку. Потом эти алмазы попадут в какой-нибудь законный бизнес и будут проданы наравне с другими камнями. — Веленс немного помолчал. — Вы не возражаете, если я вам дам небольшой совет? Обычно во всех таких

делах слабым местом является оплата подчиненных. Как они собираются заплатить пять тысяч долларов Питеру Франку? Кто должен заплатить? Конечно, если он успешно выполнит работу. Дали бы ему возможность снова участвовать в ней? Если бы я был на вашем месте, то проследил бы все эти пункты. Сосредоточьте все силы на том, чтобы узнать, кто платит, и постарайтесь пройти дальше, вдоль алмазной трубки к боссам. Если вы им понравитесь, вам не трудно будет сделать это. Хороших курьеров не так уж легко найти, и даже крупные боссы могут быть заинтересованы в новобранцах.

— Да, — задумчиво сказал Бонд, — в этом есть смысл. Основное заключается в том, чтобы без осложнений вступить в контакт с группой в Америке. Будем надеяться, что эта работа не оборвется на таможне. Я буду выглядеть глупо, если там меня задержат. Но я надеюсь, что у этой женщины, Кейс, уже продуман безопасный способ транспортировки товара. А теперь, какой же первый шаг? Как вы собираетесь заменить мной Питера Франка?

Веленс снова стал шагать взад и вперед по комнате.

— Мы собираемся сегодня вечером забрать

Франка и держать его до конца операции. А что касается вас, то вы должны встретиться с мисс Кейс.

— Она что-нибудь знает о Франке?

— Только его описание и имя, — ответил Веленс. — Во всяком случае, мы так думаем. Я даже сомневаюсь, знает ли она человека, с которым он был в контакте. Все они действуют вдоль трубки. Каждый действует независимо от другого, и если в трубке появляется утечка, она не препятствует продолжению общей работы.

— Вы что-нибудь знаете об этой женщине? — спросить Бонд.

— Только паспортные данные. Американское подданство. Двадцать два года. Родом из Сан-Франциско. Рост пять футов шесть дюймов. Профессия… просто незамужняя женщина. За последние три года в Англии была двенадцать раз. Возможно, бывала и чаще, но под другими фамилиями. Всегда останавливается в отеле у Трафальгарского дворца. Детектив отеля сказал, что она не часто выходит, и у нее бывает мало посетителей. Никогда не живет дольше двух недель. И никогда не доставляет беспокойств. Это все. Не забывайте, что при встрече с ней вы должны рассказать о себе хорошую легенду, вполне

объясняющую, почему вы занялись таким делом и все прочее.

— Я подумаю об этом.

— Можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

Бонд отрицательно покачал головой. Ему казалось, что он сам должен подумать обо всем. Когда он войдет в алмазную трубку, все остальное будет лишь вопросом его сообразительности. Потом он вспомнил о ювелирной фирме.

— Что предприняло казначейство по поводу Алмазного дома? Вам что-нибудь известно о нем и его хозяевах?

— Действительно, я не говорил об этом, — в голосе Веленса чувствовалось признание своего промаха. — Я проверил главу дома, этого Сайса, но ничего не получил, кроме паспортных данных. Африканец сорока пяти лет, алмазный делец и так далее. Часто ездит в Париж. За последние три года он бывал там раз в месяц. Возможно, у него там девушка. Что еще вам сказать? Почему бы вам самому не сходить туда и не посмотреть на него? Все это трудно передать словами.

— Что же мне делать? — спросил Бонд.

Веленс не ответил. Он включил селектор.

— Да, сэр? — послышался металлический голос.

— Соедините по второму каналу с Данквайерсом и Любиниро, а потом соедините меня с Алмазным домом — дельцами по драгоценным камням в Хаттон Гарден. К телефону попросите мистера Сайса.

Веленс подошел к окну и взглянул на реку. Он вынул из кармана зажигалку и бездумно постучал ею по столу. Послышался стук в дверь, и секретарь Веленса просунул голову.

— Сержант Данквайерс, сэр.

— Попросите его, — сказал Веленс, — но не впускайте Любиниро, пока я не позвоню.

Секретарь распахнул дверь и в комнату вошел человек в штатском с малозапоминающимися чертами лица. У него были редкие волосы, он носил очки и черты его бледного лица имели доброе выражение, а весь вид его был скромным и незаметным. Он был похож на клерка из конторы.

— Добрый день, сержант, — сказал Веленс. — Это капитан Бонд из министерства обороны.

Сержант вежливо улыбнулся.

— Я хочу, чтобы вы с капитаном Бондом совершили поездку в Алмазный дом на Хаттон Гарден. Он будет сержантом Джеймсом из вашего штаба. Я думаю, что алмазы из дела «Эскорт» находятся на пути в Аргентину через Америку. Вы расспро-

сите мистера Сайса о некоторых алмазах. Может быть, он что-нибудь слышал о них. Конечно, вы понимаете, что все должно выглядеть естественно, и вы должны быть предельно вежливы. Смотрите ему прямо в глаза. Не давайте повода для недовольства или подозрения… Затем извинитесь и уходите. Надеюсь, что выполнив это дело, вы о нем забудете? Хорошо? Есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, сэр, — флегматично ответил сержант.

Веленс сказал что-то по телефону, и через минуту в кабинет вошел болезненного вида человек, одетый очень изящно. В руке он держал маленький кожаный чемоданчик.

— Добрый день, сержант. Входите и взгляните на моего друга.

Сержант вошел, и, встав рядом с Бондом, повернул его к свету. Два проницательных черных глаза тщательно изучали его лицо в течение некоторого времени. Потом человек сделал шаг назад.

— Не могу ничего гарантировать по поводу шрама более чем на час, стоит жара. Все остальное в порядке. Кем он должен быть, сэр?

— Он должен быть сержантом Джеймсом, членом штаба сержанта Данквайерса. — Веленс

взглянул на часы. — Только на три часа. Хорошо?

— Хорошо, сэр. Я могу приступать?

Получив в ответ кивок Веленса, человек провел Бонда к креслу у окна. Потом, поставив свой чемоданчик на пол около кресла, опустился на одно колено и раскрыл его. Затем в течение десяти минут его легкие пальцы были заняты лицом Бонда.

Бонд, подчинившись неизбежному, слушал, как Веленс говорил с Алмазным домом.

— Его не будет до трех тридцати? В таком случае, пожалуйста, передайте мистеру Сайсу, что двое моих людей заедут к нему в три тридцать. Да, мне кажется, что это достаточно важно… Конечно, это только формальность. Обычное наведение справок. Я предполагаю, что это займет у мистера Сайса не более десяти минут… Очень вам благодарен… Да, заместитель комиссара Веленс… Правильно. Скотланд Ярд… Да, спасибо… До свидания.

Веленс положил трубку и повернулся к Бонду.

— Секретарь сказал, что Сейс вернется не раньше трех тридцати. Вам следует быть там в три пятнадцать. Никогда не повредит сначала осмотреться.

— Ну, как?

Сержант Любиниро протянул Бонду зеркало. На него смотрело незнакомое лицо. Немного седины в висках. Шрам полностью исчез. Изменились очертания уголков глаз и рта. Появились слабые тени под скулами. Придраться было не к чему. Все это добавляло что-то неуловимое к внешности того, кто перестал быть Джеймсом Бондом.

Глава 4. Что здесь происходит?

Сидя в патрульной машине, сержант Данквайерс был погружен в свои мысли. Они молча ехали вдоль Стрэнда, потом по Чабсери, Лайн в Халборн Затем повернули налево, на Хаттон Гарден, и машина остановилась около изящного белого портала здания лондонского Алмазного дома.

Бонд проследовал за своим компаньоном через тротуар к парадной двери, в центре которой находилась отлично отполированная дощечка, на которой было выгравировано: «Алмазный дом» и ниже «Руфус В. Сайс, вице-президент европейского отделения».

Сержант Данквайерс позвонил, и приятного вида молодая еврейка открыла им дверь и провела через покрытый толстым ковром вестибюль в обитую деревянными панелями приемную.

— Мистер Сайс ожидается с минуты на минуту, — сказала она и вышла, закрыв за собой дверь.

Приемная была шикарно обставлена, но из-за топящегося камина в ней стояла тропическая жара. В центре темно-красного ковра, под цвет

пламени, стоял круглый столик красного дерева и шесть таких же кресел, которые по мнению Бонда, стоили не меньше тысячи фунтов. На столе лежали несколько журналов и несколько экземпляров «Кимберли Диамонд Ньюс». Глаза Данквайерса загорелись, когда он их увидел. Он сел в кресло и стал перелистывать страницы июньского номера.

На каждой из четырех стен комнаты находились картины в золотых рамах с изображением цветов. Ощущение как бы трехмерного пространства в этих картинах привлекло внимание Бонда, и он подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть одну из них. Это оказалось не картиной, а композицией из свежесрезанных цветов, стоявших в нише за стеклом, обрамленным бархатом цвета меди. Другие «картины» представляли собой то же самое, а четыре вазы, в которых тоже стояли цветы, были очень красивы.

В комнате было тихо. Только гипнотизирующе тикали большие настенные часы да еще из-за двери, расположенной напротив входа, раздавались мягкие голоса.

Послышался щелчок, дверь на дюйм приоткрылась, и голос, несколько приглушенный, с сильным иностранным акцентом стал уго-

варивать: «Но, мистер Гранспек, зачем же так жестоко! Мы все же должны как-то зарабатывать на жизнь, не так ли? Я говорю вам, что мне этот чудесный камень стоил десять тысяч фунтов. Десять тысяч! Вы мне не верите? Но я клянусь вам!» Потом наступила пауза, и голос в последний раз предложил цену: «Ну, хорошо, кончим, прошу вас!».

Послышался смех: «Вилли, ты порядочный тип, и рад был бы помочь тебе, но этот камень стоит не более девятисот фунтов, и я дам тебе за него еще сто, только ради тебя. Теперь иди и обдумай все хорошенько. Ты не получишь лучшего предложения».

Дверь открылась, и американский бизнесмен в пенсне и с плотно сжатым ртом вытолкнул, как на сцену, маленького встревоженного еврея с большой красной розой в петлице. Они были очень удивлены, увидев, что в приемной кто-то есть, и бормоча извинения, не обращаясь ни к кому конкретно, американец почти бегом провел своего спутника в холл. Дверь за ними захлопнулась.

Данквайерс взглянул на Бонда и подмигнул.

— Это и есть подноготная всего алмазного бизнеса, — сказал он. — Это был Вилли Веренс, один

из наиболее известных оценщиков в «Стрито». Я предполагаю, что другой человек был скупщиком Сайса.

Он опять занялся своими журналами, а Бонд, противясь желанию закурить сигарету, снова стал изучать цветочные «картины».

Внезапно тишина нарушилась упавшими в камине дровами и часами, пробившими полчаса. Дверь отворилась, и крупный темноволосый человек сделал два шага в комнату, переводя взгляд с одного на другого.

— Сайс, — резко проговорил он. — Что здесь происходит? Что вы хотите?

Дверь позади человека оставалась открытой, и сержант Данквайерс обошел его с вежливой миной, закрыл дверь и вернулся на свое место на середине комнаты.

— Я сержант Данквайерс из специального отдела Скотланд Ярда, — проговорил он тихим и миролюбивым голосом. — А это, — он указал на Бонда, — сержант Джеймс. Я провожу обычный опрос об украденных алмазах. Комиссар подумал, — его голос стал бархатным, — что вы, возможно, сможете помочь мне.

— Так, — произнес мистер Сайс, презрительно глядя то на одного, то на другого из этих низко-

оплачиваемых сыщиков-полицейских, которые имели наглость отнимать у него время. — Вы можете продолжать!

В то время, как сержант Данквайерс продолжал тоном, который не мог бы показаться угрожающим и нарушителю закона, заглядывая при этом время от времени в маленькую записную книжечку, и излагая историю, изобилующую такими выражениями, как «совсем недавно» или «нам стало известно». Бонд внимательно изучал самого Сайса, что возмущало того не меньше, чем некоторые оттенки речи сержанта Данквайерса.

Мистер Сайс был крупным, плотным человеком, крепким, как кусок кварца. У него было квадратное лицо, углы которого подчеркивались короткими, очень жесткими, подстриженными под щетку волосами. Бакенбарды он не носил. Брови у него были черные и прямые, а под ними виднелись два черных глаза с очень пристальным неподвижным взглядом. Он был чисто выбрит, и его губы казались прямой и широкой линией. На квадратном подбородке была глубокая впадина, скулы выдавались вперед. Одет он был в просторный черный однобортный костюм, белую рубашку и очень тонкий черный галстук с золотым зажимом в виде копья. Его длинные

руки свешивались по сторонам тела и заканчивались полусогнутыми кистями, покрытыми черными волосами. На ногах были надеты черные полуботинки, очень дорогие, по-видимому, сорок третьего размера.

Бонд сделал вывод, что этот жестокий и влиятельный человек прошел множество тяжелых испытаний, прежде чем достиг настоящего положения.

— …Это как раз те камни, в которых мы заинтересованы, — закончил в это время сержант. Он снова обратился к своей записной книжечке. — Один двадцатикаратный — «Висселтон», два чисто-голубых, примерно по десять карат каждый. Один тридцатикаратный желтый — «Премьер-ми-нистр», один пятнадцатикаратный — «Том Кейн», и два пятнадцатикаратных — «Кейн Юнион». — Он помолчал, потом отвел взгляд от своей записной книжечки и очень пристально посмотрел в темные глаза Сайса. — Проходили ли какие-нибудь из них через ваши руки, мистер Сайс, или через руки служащих вашей фирмы в Нью-Йорке? — мягко спросил он.

— Нет, — решительно ответил мистер Сайс. — Не проходили. — Он повернулся к двери, которая находилась позади него, и открыл ее. — А теперь,

всего хорошего, джентльмены!

Больше не церемонясь с ними, он решительно вышел из комнаты, и они услышали, как он быстро поднялся вверх по лестнице. Наступила тишина.

Безо всякого разочарования сержант Данквайерс сунул записную книжку в карман, взял фуражку, прошел в вестибюль и вышел на улицу. Бонд последовал за ним.

Они сели в патрульную машину, и Бонд назвал свой адрес на Кингс Роуд. Когда машина тронулась, сержант отбросил официальный вид и повернулся к Бонду. Он выглядел очень довольным.

— Мне это очень понравилось, — сказал он. — Не часто встречается такой твердый орешек, как этот. Вы узнали то, что хотели, сэр?

Бонд пожал плечами.

— По правде говоря, сержант, я и сам не знаю, что мне надо было. Но я доволен, что удалось взглянуть на мистера Руфуса В. Сайса. Интересный малый… Он выглядит совсем не так, как я представлял себе алмазного купца.

Сержант Данквайерс кашлянул.

— Он не алмазный купец, сэр, — сказал он. — или я готов съесть свою шляпу.

— Почему вы так думаете?

— Когда я читал этот список пропавших камней, — сержант Данквайерс улыбнулся с довольным видом, — я упомянул про камень «Премьер-министр» и про два «Кейн Юнион».

— Ну и что же?

— Таких камней не существует…

Глава 5. Опавшие листья

Когда Бонд шел по длинному тихому коридору, направляясь к комнате 350, он чувствовал, что лифтер следит за ним. Это не удивило, так как он знал, что в этом отеле происходило намного больше преступлений, чем в других отелях Лондона. Веленс однажды показал ему большую ежемесячную карту преступлений в Лондоне. Он указал на лес маленьких флажков на месте Трафальгарского дворца.

— Эта часть карты раздражает людей, которые наносят на нее места преступлений, — сказал он. — Каждый месяц этот угол настолько испещрен дырочками, что им приходится наклеивать сюда новую бумагу, чтобы укрепить флажки на следующий месяц.

Когда Бонд приблизился к концу коридора, он услышал грустную мелодию. Остановившись около двери номера 350, он понял, что мелодия раздавалась именно оттуда: эго были «Опавшие листья». Он постучал.

— Войдите.

Портье, видимо, предупредил ее. Судя по голосу,

его явно ждали.

Бонд вошел в маленькую гостиную и закрыл за собой дверь.

Заприте ее на ключ, — приказал женский голос. Он доносился из спальной.

Бонд сделал так, как ему было приказано, и прошел через комнату, пока не оказался напротив открытой двери спальной. Когда он проходил мимо проигрывателя, который стоял на письменном столе, зазвучала новая пластинка.

Она сидела перед туалетным столиком полуодетая, глядя в зеркало. Подбородком она опиралась на обнаженные руки. Спина ее была изогнута, и в положении плеч и головы чувствовалась какая-то надломленность. Черная бретелька ее лифчика, плотно облегающие черные кружевные трусики произвели на Бонда определенное впечатление.

Девушка быстро и холодно изучала его в зеркале.

— Я догадываюсь, что вы — новый помощник, — ароизнесла она низким и довольно хриплым голосом, который ничего не выражал. — Садитесь и наслаждайтесь музыкой. Самая модная запись.

Бонда это позабавило. Повинуюсь, он сделал

несколько шагов к глубокому креслу и, подвинув его так, чтобы видеть девушку через полуоткрытую дверь, сел в него.

— Вы не возражаете, если я закурю? — спросил он, беря свой портсигар и вставляя в рот сигарету.

Если именно этим путем вы хотите умереть…

Мисс прекратила изучение своего лица в зеркале, когда пианист на пластинке закончил «Я подожду».

Изогнув бедра, она встала со стула, и на ее светлые волосы упал свет.

— Если хотите, переверните пластинку, — сказал девушка, — Я выйду к вам через минуту.

Бонд подошел к проигрывателю и снял пластинку. Это был Джордж Файер с аккомпанементом. Он взглянул на номер и записал его. Это был «Бокс-500».

Бонд изучил другую сторону пластинки и, пропустив «Жизнь среди роз» так как она ему кое-что напоминала, опустил иглу на начало «Апрель в Португалии». Перед тем, как отойти от проигрывателя, он осторожно вытащил из-под него записную книжку и поднес ее к настольной лампе, стоявшей на письменном столе. Но там не оказалось никаких записей. Пожав плечами,

Бонд засунул ее обратно. Затем вернулся в свое кресло.

Он подумал, что музыка соответствовала этой девушке. Все мелодии, казалось, принадлежали ей. Без сомнения, это была ее любимая пластинка. Она действовала на ее чувственность и на свойственную ей грубость, которая проглядывала в ее глазах, когда она угрюмо рассматривала его в зеркале.

Бонд снова встал и подошел к проигрывателю. К ручке его был прикреплен ярлык, на котором было указано: мисс Кейс «Т»? Бонд вернулся к креслу. Тереза? Тесс? Тельма? Труди? Тилли? Казалось, ни одно из этих имен не подходило к ней. И уж, конечно, не Трикси, или Тони, или Томми. Он все еще продолжал размышлять над этой проблемой, когда она неслышно появилась в дверях спальни. Она стояла, облокотившись о косяк двери, и задумчиво смотрела на него.

Бонд не спеша поднялся и взглянул на нее. Девушка была одета для выхода на улицу, не было на месте только шляпки — маленькой черной безделушки, которая висела на ее свободной руке. Она была одета в элегантный черный костюм и кофточку глубокого оливкового цвета, а золотистые нейлоновые чулки и черные туфли

из крокодиловой кожи дополняли ее туалет. На одном запястье у нее были надеты золотые часы, а на другом — золотой браслет в виде цепи. На среднем пальце левой руки сверкал большой ал маз, а в правом ухе виднелась плоская жемчужная серьга в золоте.

Девушка была чертовски красива. Было такое впечатление, что она все делала только для себя самой и совершенно не думала, что о ней думают люди. В ее лице было что-то ироническое, спокойные серые глаза, казалось, говорили: «Подойдите и попросите, но лучше этого не делать»... Они меняли цвет от светло-серого до глубокого серо-голубого. Кожа ее была слегка загорелой и почти без всякой косметики, за исключением губной помады глубокого красного цвета. У нее красивый рот, резко очерченный, и полные мягкие губы. Глаза девушки с безразличным выражением смотрели на него.

— Итак, вы — Питер Франк, — сказала она с оттенком снисходительности.

— Да, — ответил он, — и я интересуюсь, что означает «Т»?

Она мгновенно задумалась.

— Я думаю, что ответ на этот вопрос вы могли бы найти на столе. Эта буква означает слово

«Тифани».

Девушка подошла к проигрывателю и оставила его, а потом, обернувшись к нему, холодно добавила:

— Это не для широкой публики.

Бонд пожал плечами, подошел к подоконнику и слегка облокотился на него, скрестив ноги.

Его безразличие, казалось, немного раздражало ее. Она села за письменный стол.

— Теперь, — сказал она, — поговорим о деле. — Во-первых, почему вы взялись за эту работу?

— Кто-то умер.

— О! — она резко взглянула на него. — Мне сказали, что ваш профиль работы — грабеж. — Она помолчала. — У вас горячая или холодная кровь?

— Горячая. Борьба.

— Так что вы хотите убраться отсюда?

— Что-то вроде этого. И деньги.

Она переменила тему разговора.

— У вас есть деревянная нога или вставной зуб?

— Нет, все настоящее.

Она нахмурилась.

— Я все это время говорила им, чтобы они нашли мне человека с деревянной ногой… Ну, ладно. У вас есть какое-нибудь хобби или что-ни-

будь в этом роде? Вы хоть представляете себе, как переправите камни?

— Нет, — сознался Бонд, — совершенно не представляю. Я играю в карты и гольф. И я думаю, что это вполне подойдет при переноске чемоданов.

— Это делают носильщики, — сухо возразила она.

Некоторое время она сидела, задумавшись, потом положила перед собой карандаш и бумагу.

— Какой тип шаров для гольфа вы предпочитаете? — спросила она.

— Они называются «Дюплон-65», — серьезно ответил Бонд, — Может быть, у вас есть предложение?

Она ничего не ответила, но записала название, потом снова посмотрела на него.

— У вас есть паспорт?

— Да, есть, — ответил Бонд. — Но он не на мое настоящее имя.

Она снова стала подозрительной.

— А на какое имя?

— Джеймс Бонд.

Она фыркнула.

— Почему бы вам не выбрать Джо Доe? — она пожала плечами. — Кто этим интересуется? Вы сможете получить американскую визу за два

дня? И справку о прививке оспы?

— Не вижу причин, почему бы нет, — ответил Бонд. «Отдел устроит это для меня». — В Америке против меня ничего нет. А также и здесь в криминальной картотеке. На Франка есть.

— О'кей, — сказала она. — Теперь слушайте меня, вам это все пригодится. Вы едете в Штаты, чтобы повидаться там с одним человеком, вашим американским другом, Майклом Триком. Вы познакомились с ним во время войны. Остановитесь вы в «Астор», — она перевела дыхание. — Только к вашему сведению, этот человек действительно существует и он, в случае надобности, подтвердит вашу легенду. Но он больше известен не как Майкл, а как Шеди Трик. Так зовут его друзья, если только они у него имеются, — сердито добавила она.

Бонд улыбнулся.

— Он не настолько смешон, как это звучит на словах, — резко заметила девушка.

Она открыла выдвижной ящик стола и вынула из него пачку пятифунтовых бумажек, перетянутых резинкой. Отделив примерно половину из них, перетянула резинкой и бросила через комнату Бонду. Бонд быстро наклонился вперед и поймал пачку около пола.

— Там приблизительно пятьсот фунтов, — сказала она. — Закажите себе номер в «Ритце» и дайте свой адрес в иммиграционную службу. Достаньте поношенный чемодан и положите в него то, что вы берете с собой когда едете на отдых, намереваясь при этом поиграть в гольф. Свяжитесь с гольф-клубами, но старайтесь при этом не быть на виду. В американской авиакомпании возьмите билет на самолет в один конец. Посольство не даст вам визы, если у вас не будет билета. Машина будет ждать у отеля в четверг вечером в шесть тридцать. Шофер даст вам шары для гольфа, и вы положите их в сумку. И, — добавила она, пристально глядя ему прямо в глаза, — не думайте, что вы сможете войти в соглашение с этим человеком. Шофер будет находиться поблизости от вас, пока ваш багаж не доставят на самолет. И я буду в аэропорту. Так что без всяких шуток, пожалуйста. О'кей?

Бонд пожал плечами.

— Что я буду делать с этим товаром дальше? — беззаботно проговорил он. — Это ведь слишком крупно для меня. А что произойдет на другом конце?

— Другой шофер будет ждать вас у выхода из таможни. Он скажет вам, что следует делать

дальше. Теперь, — подчеркивая каждое слово, проговорила она, — если что-нибудь произойдет на таможне, вы ничего не знаете. Понятно? Вы даже не знаете, как эти шары попали к вам! И о чем бы вас ни спрашивали, вы будете повторять это свое объяснение. И молчите. Я буду следить за вами, а может быть еще и другие. Я об этом не знаю. Если вас схватят в Америке, просите свидания с британским консулом и продолжайте настаивать на своем. Понятно? От нас вы никакой помощи не получите. Но это то, за что вам платят деньги. О'кей?

— Сойдет, — сказал Бонд. — Единственный человек, на которого я мог бы навлечь неприятности, это вы. — Он оценивающим взглядом посмотрел на нее. — И я бы не хотел, чтобы это произошло.

— Ерунда, — насмешливо сказала она. — У вас нет против меня никаких улик. И не беспокойтесь обо мне, друг мой! Я сама могу позаботиться о себе! — Она встала и подошла к нему. — И не считайте меня маленькой девочкой, — резко добавила она, — Мы просто работаем, и вы будете еще удивлены, как я могу постоять за себя.

Бонд встал и отошел от подоконника. Он улыбнулся, глядя в сверкающие искрами глаза,

которые потемнели от раздражения.

— Я могу сделать все, что угодно, и сделать это лучше, чем вы. Но не беспокойтесь, я буду вам доверять. Только, пожалуйста, будьте немного менее суровой и хотя бы на минутку отбросьте свой деловой вид. Я бы хотел снова увидеть вас. Если все будет в порядке, мы сможем увидеться в Нью-Йорке?

Бонд почувствовал безнадежность своих слов. Ему нравилась девушка и он хотел, чтобы они стали друзьями. Но это был бы вопрос использования дружбы с целью проникновения в алмазную трубку.

Она задумчиво посмотрела на него, и глаза ее стали постепенно теплеть, а губы немного приоткрылись. Слегка запинаясь, она тихо ответила ему:

— Я… я… это, — она резко отвернулась от него. — Черт, — сердито проговорила она, но это звучало неискренне. — В пятницу вечером я не занята. Если все будет благополучно, мы сможем поужинать в 21-м клубе на 52-й улице. Все шоферы такси знают это место. В восемь часов, если все будет хорошо. Вас это устраивает?

Он снова увидел ее лицо, когда она повернулась к нему, но она смотрела на его рот, а не в глаза.

— Чудесно, — сказал Бонд.

Он подумал, что теперь самое время выбраться отсюда, пока он не допустил никакой ошибки.

— Ну, а теперь, — деловым тоном спросил он, — что еще?

— Ничего, — ответила она, но потом будто о чем-то вспомнив, резко спросила: — Который час?

Бонд взглянул на часы.

— Без десяти шесть.

— Мне надо заняться делом, — сказала она, давая понять, что разговор окончен и направилась к двери.

Бонд последовал за ней. Положив руку на ручку двери, она обернулась и взглянула на него. В глазах ее было доверие и теплота.

— У вас все еще впереди, — сказала она. — Только держитесь подальше от меня в самолете и не волнуйтесь, если что-нибудь будет не так, как надо… Если вы все сделаете хорошо, — в ее голосе снова зазвучали покровительственные нотки, — постараюсь достать вам работу такого же характера.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Я очень ценю это. Мне хотелось бы работать с вами.

Слегка пожав плечами, она открыла дверь, и

Бонд вышел в коридор, потом обернулся.

— Увидимся в этом вашем двадцать первом клубе, — произнес он.

Ему хотелось сказать еще что-нибудь, найти причину, чтобы остаться с ней, с этой одинокой девушкой, смотрящей на себя в зеркало и слушающей проигрыватель.

Но теперь выражение ее лица было отсутствующим. Он был для нее незнакомым человеком.

— Конечно, — ответила она, еще раз взглянув на него, а потом медленно закрыла дверь.

Пока Бонд шел по длинному коридору к лифту, девушка стояла за дверью прислушиваясь к его удаляющимся шагам, затем с задумчивым видом подошла к проигрывателю и включила его. Нашла нужную пластинку и поставила иглу. Мелодия называлась: «Я не знаю, каков будет конец». Она стояла и слушала мелодию, думая о человеке, который внезапно, как гром с ясного неба, нашел дорогу в ее жизнь.

«Боже, — подумала она с сердитым отчаянием, — еще один обманщик. Смогу ли я когда-нибудь избавиться от них?» Но когда кончилась запись, на ее лице было счастливое выражение, и она, напевая, стала пудрить свой носик, собираясь уходить.

Выйдя на улицу, она остановилась и взглянула на часы. Десять минут седьмого, а ходьбы пять минут. Девушка перешла через Трафальгарскую площадь, направляясь к Чаринг Кросс-станции, по дороге обдумывая то, что собиралась сказать. Войдя в здание станции, она заняла одну из телефонных кабин, откуда всегда звонила.

Было ровно шесть пятнадцать, когда она набрала номер. После обычных двух гудков послышался щелчок автоматического записывающего устройства, отвечающего на вызов. В течение нескольких секунд она слышала только шипение, а потом ничего не выражающий голос, который принадлежал ее неизвестному хозяину, произнес одно слово: «Говорите!» Затем снова тишина и только шипение магнитофона. Девушка с большим трудом поборола волнение, вызванное резкой короткой командой, и стала быстро и отчетливо говорить:

— Кейс, служащая АВС. Я повторяю, Кейс, служащая АВС, — она помолчала. — Перевозчик достаточно хорош. Он говорит, что его имя Джеймс Бонд. Он имеет паспорт на это имя. Играет в гольф. И будет перевозить шары для гольфа. Использует «Дюплон-65». Вся остальная подготовка прежняя. Буду просить подтверждения в семь

пятнадцать. Или в восемь. Все.

Минуту она слушала шипение автомата, затем повесила трубку и, не торопясь, направилась обратно в отель. Там она заказала большую порцию «мартини». Когда его принесли, закурила и стала слушать проигрыватель.

Так она сидела, ожидая назначенного срока.

В 7.15 снова позвонила и снова безликий голос раздался в телефонной трубке:

— АВС для Кейс. Я повторяю, АВС для Кейс… — и затем повторил инструкции.

А где-то в одной из многих комнат Лондона, после того, как Кейс положила трубку и прекратилось шипение автомата, закрылась одна из многочисленных дверей, по лестнице почти неслышно прозвучали чьи-то шаги, и неизвестный человек вышел на улицу…

Глава 6. В пути

Во вторник, в шесть часов вечера в своей комнате в «Ритце» Бонд упаковывал чемодан. Это был поношенный, но некогда дорогой чемодан из свиной кожи, и его содержимое хорошо гармонировало с внешним видом. Вечерний костюм, легкий костюм для поездок за город, костюм и обувь для гольфа, темно-синий костюм из тропической ткани и несколько белых, темно-синих рубашек, носки и галстуки, нейлоновое белье, две пары шелковых длинных пижам в виде халатов, которые Бонд предпочитал брюкам и курткам.

Ни на одной из этих вещей нельзя было обнаружить никаких меток и инициалов владельца.

Бонд закончил укладку чемодана и стал собирать оставшееся имущество: бритвенный прибор, книгу Томми Арно «Как лучше играть в гольф в любое время», билеты и паспорт, которые он положил в портфель также из свиной кожи.

Все это было приготовлено отделом М, и под кожей у задней стенки портфеля было узкое отделение, в котором хранился глушитель для пистолета и тридцать обойм по двадцать па-

тронов.

Зазвонил телефон, и Бонд подумал, что машина приехала немного раньше времени, но это оказался портье, который сообщил ему, что пришел представитель «Универсального экспорта» с письмом для Бонда.

— Пусть поднимется наверх, — сказал Бонд, недоумевая, кто бы это мог быть.

Несколько минут спустя он открыл дверь человеку в штатском костюме, в котором сразу угадал одного из начальников центра.

— Добрый вечер, сэр, — сказал человек. Он вынул из кармана большой конверт и передал его Бонду. — Я должен подождать, пока вы это прочтете, а потом взять обратно.

Бонд вскрыл белый конверт, затем сломал печать на голубом конверте, который находился внутри белого. Из конверта он извлек лист голубой бумаги с текстом, отпечатанным на машинке и не имеющим подписи. Это был тот тип бумаги, который использовал М для своей личной переписки.

Указав посыльному на кресло, Бонд сел за письменный стол, стоящий у окна, и стал читать.

«Вашингтон сообщает, что Руфус Б. Сайс — вымышленное имя Джека Спенга, который находит-

ся под подозрением, но на которого за неимением доказательств дело не заведено. Он является братом-близнецом Серафима Спенга и контролером объединения «Спенг Моб», блестящей воровской шайки, которая широко развернула деятельность в Штатах. Братья Спенг взяли под свой контроль Алмазный дом в качестве «вклада», и об этом деле ничего определенного неизвестно. Братья также владеют телеграфом, который обслуживает их фирму в Неваде и Калифорнии, и, таким образом, является нелегальным. Они также владеют отелем «Тиара» в Лас-Вегасе. Там расположен штаб Серафима Спенга. Одновременно братья извлекают выгоду из налогового закона штата Невада.

Вашингтон считает, что «Спенг Моб» — одна из самых могущественных организаций гангстеров в США, с превосходной защитой в государственных, финансовых органах и полиции.

Наша заинтересованность в этих делах неизвестна Вашингтону, но в случае, если вы окажетесь в опасном контакте с руководством этой организации, то должны сразу же сообщить им. В этом случае делом будет заниматься ФБР. Это приказ.

Вашингтон также сообщает, что «Спенг Моб» занимается такой нелегальной деятельностью,

как наркотики и проституция, и всем этим управляет из Нью-Йорка Майкл Шеди Трик, который за различные преступления был осужден пять раз. Стало известно, что у этого гангстера имеются штабы в Майами, Детройте и Чикаго.

Возврат этого документа в запечатанном конверте будет означать, что вы приняли приказ».

Бонд еще раз прочитал написанное, потом сложил лист, положил его в один из конвертов отеля «Ритц», который и передал посыльному.

— Большое спасибо, — сказал он. — Вы сможете сами найти дорогу обратно?

— Да, благодарю вас, сэр, — ответил посыльный. Он подошел к двери и открыл ее. — Всего хорошего, сэр!

Дверь тихо закрылась. Бонд прошел через комнату к окну и взглянул на Грин Парк.

На мгновение он совершенно четко представил себе фигуру пожилого человека, сидящего в кресле в своем кабинете. Передать дело в ФБР? Бонд понимал, что М имел в виду именно это, но в то же время он знал, как горько было бы для М просить Эдгара Гувера взять это дело от секретной службы, чтобы Англия вышла из игры. Самыми замечательными словами в этом письме были слова: «опасный контакт». Степень опасности

Бонд должен был определить самостоятельно. Он внезапно представил себе каменное лицо Руфуса В. Сайса. В любом случае не повредит делу, если попробовать взглянуть на этого брата с экзотическим именем Серафим. Имя официанта ночного клуба или продавца мороженого… Но все эти люди и были как раз такого сорта: дешевые и театральные…

Бонд пожал плечами и взглянул на часы: 6.25, оглядел комнату. Все было готово. Он быстро сунул руку внутрь пальто и вытащил «Беретту-25», высовывающуюся из кобуры под левым рукавом.

Бонд подошел к кровати, вытащил обойму и снова вставил ее. Затем выпустил всю обойму. Он проделал это несколько раз, определяя натяжение спусковой пружины при стрельбе из незаряженного пистолета. Оттянув затвор, проверил, нет ли пыли, и провел рукой по стволу оружия. Затем снова вставил обойму в магазин и несколько раз щелкнул курком. После этого, убедившись, что пистолет в порядке, Бонд поставил его на предохранитель и засунул под пальто.

Раздался телефонный звонок:

— Машина подана, сэр!

Бонд положил трубку. Ну, вот и все… Отъезд. Он

с задумчивым видом подошел к окну и почувствовал острую боль от того, что расставался с этими зелеными деревьями, которые олицетворяли для него Лондон в разгар лета. Он подумал о большом здании в Риджент Парке, которое также будет пока для него недоступно, разве только придется обратиться туда за помощью. Однако, он был уверен, что никогда не позволит себе этого.

Послышался стук в дверь, и Бонд последовал за слугой, взявшим его багаж, по длинному коридору, не думая больше уже ни о чем, кроме алмазной трубки, начиналась которая сразу же за дверями отеля «Ритц».

Его ожидал черный «армстронг» с красной обивкой внутри.

Бонд устроился поудобнее, и когда они свернули на Пикадилли, стал изучать лицо шофера. Все, что он мог видеть, это твердый, будто вырубленный из камня, профиль. Глаза закрыты темными стеклами, на руках, которые твердо держали руль, кожаные перчатки.

— Расслабтесь и наслаждайтесь путешествием, мистер, — произнес шофер с бруклинским акцентом.

Бонд улыбнулся, но ничего не ответил.

«Сорок, — подумал он, — пять футов десять

дюймов. Искусный шофер. Очень хорошо знаком с лондонским движением. Запаха табака нет. Дорогие ботинки. Опрятно одевается. Ни тени спешки. Вероятно, бреется два раза в день электробритвой».

После того, как они достигли конца Большой Западной дороги, шофер остановил машину у обочины, открыл отделение для перчаток и осторожно вынул оттуда пять новых «Дюплон-65» в черной оберточной бумаге. Не выключая мотора, он вышел из машины и открыл заднюю дверцу. Бонд посмотрел через плечо и увидел, как человек открыл карман для шаров в его сумке для гольфа, и осторожно один за другим добавил пять новых шаров к тем, которые уже лежали в сумке. Потом, не сказав ни слова, снова сел за руль машины и поездка продолжилась.

В лондонском аэропорту Бонд беззаботно прошел через багажно-билетную процедуру, купил журнал, позволив себе при этом, выкладывая деньги, погладить руку привлекательной блондинки в коричневом костюме, и в сопровождении шофера спокойно проследовал за багажом на таможню.

— Только ваши личные вещи, сэр?

— Да.

— А сколько у вас при себе английских денег?

— Около трех фунтов и немного серебра.

— Благодарю вас, сэр.

Таможенник сделал мелом пометки на трех вещах, носильщик поднял их и погрузил на тележку.

— Следите за желтым светом, — сказал он и покатил тележку к багажному отделению.

Шофер иронически отсалютовал Бонду. На один момент его глаза блеснули сквозь стекла очков, а губу растянулись в улыбке.

— Доброй ночи, сэр! Счастливого пути!

— Спасибо, дружище! — весело ответил Бонд и был удовлетворен, увидев, как улыбка быстро сползла с лица шофера. Он повернулся и быстро зашагал прочь.

Бонд взял свой маленький портфель и показал паспорт приятному молодому человеку, который отметил его в списке пассажиров рейса, и пошел в зал для отлетающих.

Сразу же позади себя он услышал голос Тифани Кейс, которая благодарила молодого человека, и через минуту она тоже вошла в зал и выбрала себе место между Бондом и дверью. Он улыбнулся про себя. Это было как раз такое место, на которое он и сам бы сел, если бы следил за кем-нибудь.

Бонд раскрыл журнал и поверх него стал рассматривать пассажиров. К своему удовлетворению он убедился, что среди окружающих его лиц не было знакомых. Несколько англичан, две монахини, которые, как подумал Бонд, всегда летом летают через океан, несколько американцев неопределенного вида, вероятнее всего, бизнесмены. Двое малюток на руках, видимо, для того, чтобы не давать пассажирам спать, и множество европейцев неопределенных занятий.

«Типичный груз», — подумал Бонд, в то же время понимая, что уж двое-то из всех, он и Тифани, не совсем обычные пассажиры. Кстати, такими же, как они, могли быть и многие из присутствующих в этом зале.

Бонду показалось, что за ним следят, когда он поймал мимолетный взгляд тех двух американцев, которых он классифицировал, как бизнесменов, но мог и ошибиться. Один из американцев, молодой, но преждевременно поседевший человек, сказал что-то другому. Оба встали, взяли свои вещи и направились к бару.

Бонд услышал, как они заказали двойное бренди с водой. Второй американец, толстый и бледный, вынул из кармана тюбик с пилюлями и проглотил одну таблетку, запив ее хорошим

глотком брэнди.

«Драмамин», — догадался Бонд. Видимо, этот человек плохо переносит воздушные путешествия.

Девушка-диспетчер сидела недалеко от Бонда, и когда она, взяв трубку, начала разговор по телефону, он понял, что звонят из диспетчерской.

— У меня в зале сорок пассажиров, — сказала она. — Услышав ответ, произнесла: — О'кей! — и положила трубку.

Потом она взяла микрофон и предложила пассажирам следовать за ней в самолет. Все заняли свои места. Стюардесса объявила по радио, что первая посадка будет в Шенноне, где их ожидает обед, и что в полете они пробудут 1 час 50 минут.

Гигантский «Стратокрайзер» медленно вырулил на взлетную полосу, и когда пилот включил все четыре двигателя, он заревел, задрожал всем корпусом, набирая скорость, медленно повернул в сторону заходящего солнца. Толчок, и самолет поднялся над аэродромом, чтобы опуститься на другой взлетной полосе, на другом конце земли.

Бонд закурил сигарету и уже собрался заняться чтением книги, когда спинка кресла перед ним опустилась. Впереди него, оказывается, сидел тот толстый американец, на которого он обра-

тил внимание в аэропорту. Американец низко опустился в кресле, не расстегивая предохранительных ремней. Его лицо покрылось потом и было зеленоватого цвета. Он крепко прижимал к груди кожаный портфель, и Бонд мог прочитать имя владельца на визитной карточке, вставленной в кожаный карман. Там было написано «Мистер Винтер».

А ниже аккуратными большими буквами сделана надпись: «Моя группа крови — Ф».

«Бедняга, — подумал Бонд, — он ужасно напуган и ждет, когда самолет разобьется, надеясь только на то, что его вытащат из-под обломков и тут же сделают переливание крови. Он даже не осмеливается пойти в туалет из страха провалиться сквозь пол, если только встанет со своего места».

Чей-то силуэт на мгновение преградил путь солнечным лучам, заполнявшим салон самолета. Это была Тифани Кейс, которая прошла мимо Бонда, направляясь к ступенькам ведущим в коктейль-холл на нижней палубе, и исчезла. Сперва Бонд хотел последовать за ней, но потом, пожав плечами, подождал, пока стюардесса не начала обходить пассажиров с подносом, на котором были бутерброды с икрой, копченой лососиной

и коктейли. Он снова взялся за книгу, прочел страницу, но ничего не понял. Бонд выбросил из головы мысли о девушке и продолжал читать.

Он прочел уже четверть книги, когда почувствовал, что уши стало закладывать. В это время самолет начал пятиминутный спуск к западному побережью Ирландии.

Появились надписи: «Застегните ремни» и «Не курите».

На обед подали бифштекс и шампанское, стакан горячего кофе с ирландским виски и толстым слоем сливок сверху. Немного пробродив около магазинов, пассажиры снова заняли свои места в самолете. Последний взгляд на Европу, и они уже находились на высоте пяти тысяч метров и летели над Атлантикой. Бонд отлично выспался и проснулся только тогда, когда они приближались к берегам Америки. Он прошел в туалет, побрился и вернулся на свое место. Бонд почувствовал радость, когда солнце залило салон багровым светом. Постепенно начали показываться домики, как куски сахара на коричневом ковре. На поверхности земли ничто почти не двигалось, за исключением бойкого червячка — спешившего куда-то поезда.

Принесли завтрак, тот немыслимый ассорти-

мент пищи, который BOAC представляет, как «национальный английский». Стюардесса раздала пассажирам форму № 6063 Государственного казначейства США, в которой Бонд прочел:

«За укрытие любой вещи или преднамеренно ложные показания — штраф или тюремное заключение, или то и другое».

Бонд весело внес в декларацию сведения о личных вещах и подписал. Потом потянулись три долгих часа, в течение которых самолет висел между небом и землей, и только лучи яркого солнца скользили по стенам и давали ощущение движения.

Но, наконец, под ними показался Бостон, а потом отчетливо стал видел Нью-Йорк. Послышался вой воздушных тормозов, и самолет выпустил шасси. Нос самолета опустился и пронзительно завизжали покрышки при трении о посадочную полосу. Раздался рев двигателей, запущенных в обратную сторону для замедления движения самолета. Открылись металлические двери: они прибыли на место.

Глава 7. Шеди Трик

Таможенник, полный человек с темными пятнами пота под мышками на серой форме, лениво прошел от таможенного стола к месту, где со своими вещами стоял Бонд под буквой «Б».

Рядом под буквой «К» стояла Кейс. Девушка достала пачку сигарет «Парламент» и сунула сигарету в рот. Бонд услышал несколько нетерпеливых щелчков зажигалки и потом щелчок замка сумки, когда она убрала туда зажигалку. Бонд чувствовал, что она наблюдает за ним, и ему хотелось, чтобы ее фамилия начиналась на одну из последних букв алфавита, что-нибудь, вроде Заратустра, Захариас, Зорини… Тогда она не была бы так близко от него.

— Мистер Бонд?

— Да.

— Это ваша подпись?

— Да.

— У вас только личные вещи?

— Да, это все.

— О’кей, мистер Бонд.

Человек оторвал таможенную квитанцию и

прицепил ее к чемодану. Он сделал то же самое с портфелем и подошел к сумке для гольфа.

— Во что вы стреляете, мистер Бонд?

У Бонда наступил мгновенный провал памяти.

— Это шары для гольфа…

— Конечно, — терпеливо согласился таможенник. — Но во что же вы все-таки бьете?

Бонд выругал себя за то, что забыл американские обозначения.

— О, я думаю, что попаду в середину «30».

— Никогда в жизни не попадал в «100», — сказал таможенник.

Он прикрепил квитанцию к сумке всего в нескольких дюймах от самого богатого груза, который когда-либо был им пропущен.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, мистер Бонд!

— Благодарю вас, — ответил Бонд.

Он подозвал носильщика и последовал за ним к последнему препятствию — инспектору около двери. Но там не было никакой задержки: инспектор нагнулся, посмотрел квитанции, снял их и махнул рукой, чтобы Бонд проходил.

— Мистер Бонд?

Это был высокий человек с продолговатым лицом, серыми волосами и глазами неопределенного цвета. На нем были надеты широкие

темно-коричневые брюки и кофейного цвета рубашка.

— У меня для вас машина.

Он повернулся и направился к выходу под горячее утреннее солнце. Когда он повернулся, Бонд заметил квадратный выпуклый предмет в заднем кармане его брюк. У него явно была форма малокалиберного автоматического пистолета.

«Типичный пистолет марки Майка Хаммера», — подумал Бонд. Машина была черный «олдсмобиль»-седан.

Бонд не стал ждать, пока ему укажут, где его место, и сел на переднее сидение, предоставив человеку в коричневом расплачиваться с носильщиком. Когда они выехали из прерий Иделвайда и влились в поток движущегося по главной магистрали транспорта, Бонд почувствовал, что должен что-то сказать.

— Какая здесь погода?

Шофер не сводил глаз с дороги: спидометр перевалил за сто.

— Здесь довольно-таки жарко, — ответил он.

— В Лондоне было немногим более семидесяти пяти.

— Да?

— Какая сейчас программа действий? — спро-

сил Бонд после небольшой паузы.

Шофер посмотрел в зеркальце и повел машину по осевой линии и на протяжении четверти мили был занят тем, что обгонял множество более медленно едущих машин, пока они не выехали на свободную полосу дороги. И тогда Бонд повторил свой вопрос:

— Я спрашиваю вас, какая программа?

Шофер быстро взглянул на него.

— Шеди хочет вас видеть.

— В самом деле? — сказал Бонд.

Он почувствовал раздражение к этим людям. Ему бы очень хотелось избавиться от них. Он не ожидал ничего хорошего. Но его работа заключалась в том, чтобы попытаться остаться в алмазной трубке и следовать по ней дальше. Любой признак неподчинения может вызвать недоверие. Он должен представлять из себя маленького человечка и должен сам привыкнуть к этой мысли.

Они поднялись в верхний Манхэттен и поехали вдоль реки. Затем пересекли город и поехали по Западной 46-й улице — Хаттон Гарден Нью-Йорка. Машина остановилась между магазином, торгующим ювелирными изделиями, и элегантной витриной другого магазина, обрамленной чер-

ным мрамором. Серебряная надпись над черным мраморным входом была настолько непонятно, что разобрать ее с того места, где находился Бонд, не было никакой возможности. Взглянув еще раз, он, наконец, разобрался. Надпись гласила: «Алмазный дом».

Как только машина остановилась, из подъезда вышел человек.

— Все в порядке? — спросил он у шофера.

— Да.

— Хотите, чтобы я поставил машину в гараж?

— Буду рад, если вы это сделаете.

Шофер повернулся к Бонду.

— Мы на месте, крошка. Давайте ваши вещи.

Бонд вышел и открыл заднюю дверь. Он вынул портфель и потянулся за сумкой с шарами для гольфа, но шофер остановил его.

— Я сам ее возьму, — сказал он и забрал сумку.

Бонд послушно вытащил свой чемодан, и шофер захлопнул дверцу машины. Другой человек уже сидел за рулем и автомобиль сразу же влился в потом движения. Бонд последовал за шофером и вошел в небольшой холл, где за стойкой сидел человек и читал спортивный отдел «Ньюс». Когда они вошли, он отвел глаза от газеты и взглянул на них.

— Привет, — сказал он шоферу и пристально посмотрел на Бонда.

— Привет, — ответил шофер. — Ты не возражаешь, если мы у тебя оставим багаж?

— Пожалуйста, — ответил человек. — Здесь все будет в порядке, — он резко кивнул головой.

Шофер с сумкой, в которой были шары для гольфа, подошел к лифту. В кабине он нажал кнопку четвертого этажа и они поехали наверх. Там они прошли через холл по поношенному ковру к застекленной двери, в которую шофер постучал и, не дожидаясь ответа, открыл и вошел в комнату.

За столом сидел человек с ярко-рыжими волосами и добродушным выражением на круглой физиономии. Перед ним стоял стакан молока. Когда они вошли, он встал, и Бонд увидел, что тот горбат.

Горбун медленно обошел стол и подошел к Бонду. Он обошел вокруг него, не скрывая, что изучает его с ног до головы, затем, остановившись, взглянул ему в глаза. Бонд спокойно смотрел в стеклянные глаза горбуна, которые были пустыми и неподвижными, как будто принадлежали манекену. Он сам незаметно оглядел горбуна, отметил его большие уши, сухие красные губы полуоткрытого рта, почти полное отсутствие шеи

и короткие сильные руки. На горбуне была дорогая шелковая рубашка специального покроя.

— У меня привычка хорошенько рассматривать людей, которых мы используем, мистер Бонд, — голос у него был резкий и высокий.

Бонд вежливо поклонился.

— Из Лондона мне передали, что вы убили человека. Я им верю. Я вижу теперь, что вы способны на это. Хотели бы вы проделать для нас еще какую-нибудь работу?

— Это зависит от того, что представляет из себя эта работа. Или вернее, — Бонд надеялся, что его слова звучат не слишком театрально, — от того, сколько вы будете платить.

Горбун издал резкий звук, который, видимо, означал смех. Он быстро повернулся к шоферу.

— Рокки, достань из сумки эти шары и вскрой их. Здесь.

Он быстро взмахнул рукой и протянул ее шоферу. На ней лежал нож с плоской рукояткой. Бонд сразу узнал в нем нож для метания и должен был признать, что этот человек действовал очень ловко.

— Да, босс, — ответил шофер.

Бонд отметил рвение, с которым тот взял нож и опустился на колени на пол, чтобы открыть кар-

ман сумки для гольфа, в котором лежали шары.

Горбун отошел от Бонда и вернулся в свое кресло, сел и взял стакан молока. С отвращением взглянув на него, он двумя глотками проглотил содержимое. Потом глянул на Бонда, как бы ожидая его реакции.

— Язва? — сочувственно спросил Бонд.

— Кто вам это сказал? — сердито проговорил горбун, потом перенес свою злость на шофера. — Что ты там копаешься, Рокки? Положи эти шары на стол, чтобы я мог видеть, что ты там делаешь. В центре шаров имеются затычки. Вскрывай с этого места.

— Да, босс, — ответил шофер.

Он поднялся на ноги и положил на стол пять новых шаров. Все они были в упаковке. Он взял один шар, повертел его в руках, потом вставил нож в место склейки, повернул его и вытащил обратно. На кончике лезвия оказался кусочек величиной с полдюйма. Шофер передал его горбуну, который вытряхнул содержимое на стол, поверхность которого была обтянута кожей. Там оказались три необработанных алмаза, которые он стал катать задумчиво на столе.

Шофер продолжил свою работу до тех пор, пока Бонд не насчитал на столе восемнадцать

драгоценных камней. В необработанном состоянии они не производили впечатления, но были отличного качества и могли после обработки стоить сто тысяч фунтов и более.

— О'кей, Рокки! — сказал горбун. — Восемнадцать — это порядок! Теперь убери шары. Пошли с ними мальчика в «Астор», он поселится там. Пусть их доставят в его комнату. О'кей?

— О'кей, босс.

Шофер положил шары в карман сумки, застегнул ее, перекинул через плечо и вышел из комнаты.

Бонд подошел к креслу, стоящему у стола, повернул его так, чтобы находиться лицом к лицу с горбуном, и сел. Он взял сигарету и закурил. Потом взглянул на горбуна и сказал:

— А теперь, если вы довольны результатом, позвольте получить пять тысяч, которые мне причитаются за работу.

Горбун, внимательно следивший за всеми движениями Бонда, опустил глаза на алмазы, рассыпанные по столу, и собрал их в кучку. Потом посмотрел на Бонда.

— Вам все заплатят, мистер Бонд, — голос его звучал резко и отчетливо, — и вы сможете получить больше чем пять тысяч, но метод оплаты

продуман нами такой, который гарантирует не только вашу безопасность, но и нашу. Непосредственной оплаты не будет, и вы поймете, отчего так, мистер Бонд. Очень опасно для человека овладеть внезапно большими деньгами. Он болтает о них. Он швыряет их повсюду. И если полиция задержит его и спросит, откуда у него деньги, он не сможет ответить на этот вопрос.

— Да, — отетил Бонд, удивленный здравым смыслом и обоснованностью того, что сказал этот человек.

— Итак, — продолжал горбун, — я и мои друзья очень редко и в небольшимх количествах платим за услуги. Вместо этого мы создаем условия для наших людей, чтобы они сами могли вносить деньги на свой счет. Возьмите, к примеру, самого себя. Сколько у вас денег в кармане?

— Около трех фунтов и немного серебря, — ответил Бонд.

— Хорошо, — сказал Горбун. — Сегодня вы встретили своего друга, мистера Трика, — он указал на самого себя, — которым являюсь я. Совершенно респектабельный гражданин, которого вы знали еще в 1945 году, когда он занимался поставками для армии. Помните?

Бонд кивнул.

— Я одолжил вам пятьсот долларов, когда вы играли в бридж в «Савойе». Когда мы встретились сегодня, мы снова сели играть в бридж. И вы выиграли. О'кей? Таким образом, вы имеете сейчас тысячу долларов. И я, как проигравший, готов подтвердить эту вашу историю. Вот деньги.

Горбун достал из кармана бумажник и бросил через стол десять стодолларовых бумажек.

Бонд взял их и положил в карман.

— Затем, — продолжал горбун, — вы сказали мне, что хотели бы побывать на скачках, и я ответил: «Почему бы вам, не поехать на скачки в Саратого? Скачки начинаются в понедельник». И вы согласились со мной. И вот, вы едете в Саратого, имея в кармане тысячу долларов. О'кей?

— Прекрасно, — сказал Бонд.

— А там, в Саратого, вы ставите на лошадь и получаете в пять раз больше поставленной суммы. Таким образом, вы получаете пять тысяч долларов, и если кто-нибудь спросит вас, откуда эти деньги, то вы скажете, что выиграли их на скачках и без труда сможете доказать это.

— А если лошадь проиграет?

— Это невозможно.

Бонд ничего не сказал, он чувствовал себя уже в мире гангстеров, и, глядя на горбуна, не мог себе

представить, воспринимает ли тот что-нибудь. Взгляд его проходил сквозь него.

— Чудесно, — сказал Бонд, надеясь купить его лестью. — Вы продумали все детали. Мне нравится работать на людей, действующих осторожно и с большой тщательностью.

В стеклянных глазах он не прочитал ни одобрения, ни поддержки.

— Мне бы хотелось некоторое время побыть вдали от Англии. Надеюсь, для вас не будет лишним дополнительный человек?

Стеклянные глаза начали медленно скользить по лицу Бонда, по его плечам оценивающим взглядом, как будто горбун рассматривал лошадь. Потом он взглянул на кучку алмазов, лежавших на столе в форме круга, и быстро изменил эту форму на квадрат.

В комнате стояла тишина. Бонд рассматривал свои ногти. Наконец горбун снова взглянул на Бонда.

— Может быть, — задумчиво проговорил он. — Может быть, для вас найдется кое-какая работа. До сих пор вы не совершили ошибки, продолжайте в том же духе и ни во что не суйте свой нос. Позвоните мне после скачек, и я дам вам ответ, а пока ни о чем не беспокойтесь и делайте то, что

вам сказано. О'кей?

Бонд пожал плечами.

— Почему я должен выйти из дела? Я ищу работу. И вы можете сказать своей группу, что я буду хорошо выполнять поручения. Пока мне хорошо платят…

Впервые стеклянные глаза оживились. В них появилось выражение недовольства, и Бонд подумал, не переиграл ли он.

Голос горбуна сорвался на высокие негодующие нотки.

— Черт возьми! Не предполагал, что Линой не знает здешней обстановки! — его глаза поблекли. — Теперь слушайте, что я вам скажу. Вот мой номер телефона, запишите его. Висконсин, 7-3697. А также запишите и это, но храните эти сведения про себя, иначе вам могут отрезать язык. — Шеди Трик рассмеялся. — Четвертые скачки во вторник. Ставки неограниченные. Миля с четвертью для трехлеток. Поставите ставку как раз перед закрытием касс. Своим взносом вы измените шансы. О'кей?

— О'кей, — ответил Бонд и, достав карандаш, приготовился записывать в свою записную книжку.

— Так, — сказал горбун, — слушайте внима-

тельно и записывайте: «Ши Смайл» — большая лошадь с белой звездой во лбу и четырьмя белыми чулками. Она выиграет скачки.

Глава 8. Глаз, который никогда не спит

Было 12 часов 30 минут, когда Бонд спустился и вышел на шумную улицу. Он повернул направо и медленно пошел к площади Таймс-сквер. Проходя мимо мраморного черного фасада Алмазного дома, он остановился, чтобы посмотреть на содержимое витрин. В центре каждой из них находилось какое-нибудь ювелирное украшение: сережка в виде грушевидного алмаза, свисающая с другого камня, круглого и граненого под бриллиант. Под каждым изделием лежала золотая пластинка в форме визитной карточки с загнутым краем, на которой были выгравированы слова: «Бриллианты вечны»... Бонд невольно улыбнулся. Он подумал о том, что какой-то его предшественник привез эти алмазы в Америку.

Он бродил по улицам в поисках бара с кондиционированным воздухом, где можно было бы спастись от жары и немного подумать. Бонд был доволен беседой с горбуном и тот ему понравился. По крайней мере, от него не избавились сразу, как он того опасался. А в горбуне было что-то

театральное, а его тщеславие по поводу «Спенг Моб» было даже трогательным, но не смешным.

Бонд шел уже несколько минут. Неожиданно он обнаружил, что за ним следят. Это было почти неуловимо, только появился легкий звон в ушах и сознание опасности, которую он ощущал шестым чувством. Мгновенно он остановился у витрины какого-то магазина, незаметно взглянул вдоль 45-й улицы. Ничего подозрительного. Много людей, из которых большинство шло по теневой стороне. Никто не бросился в ближайший подъезд, никто не пытался вытирать носовым платком лицо, никто не нагнулся, чтобы завязать шнурок.

Бонд изучал швейцарские часы в витрине магазина, а потом, повернувшись, продолжил свой путь. Сделав несколько шагов, он снова остановился. Опять ничего… Он пошел дальше, и выйдя на авеню Америка, остановился у входа в магазин нижнего женского белья, где мужчина в коричневом костюме внимательно изучал черные кружевные штанишки, надетые на манекен. Бонд обернулся и лениво, но внимательно осмотрел улицу.

И тотчас же кто-то схватил его за правую руку и чей-то голос проворчал:

— Все в порядке, англичанин! Не двигайтесь,

если вы не хотите попасть в морг!

И он почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в спину чуть ниже поясницы.

Что-то знакомое было в этом голосе… Шпик? Гангстер? Бонд взглянул вниз, чтобы увидеть, кто держит его правую руку. Хватка была железной. О, если бы человек имел только одну руку… С быстротой молнии он повернулся, согнулся и, сжав левую руку в кулак, нанес удар. Послышался звонкий щелчок, когда его руку поймал левой тот человек, и в то время, когда Бонд понял, что оружие не будет применено, послышался хорошо знакомый смех, а ленивый голос медленно произнес:

— Все в порядке, Джеймс, вы побиты!

Бонд быстро выпрямился и в течение минуты смотрел в улыбающиеся ястребиные глаза Феликса Лейтера, все еще не веря своим глазам. В то же время напряжение спадало.

— Так ты шел впереди, проклятый ублюдок! — сказал он наконец, с восхищением глядя на друга, американского секретного агента, с которым участвовал во многих делах, и которого видел в последний раз в грязных бинтах на кровати отеля «Флорида». — Какого черта тебя занесло сюда? И с чего это ты вздумал разыгрывать такие шутки

в эту жару? — Бонд вытащил носовой платок и вытер лицо. — На какое-то мгновение ты даже заставил меня нервничать.

— Ты уже начал читать молитвы? — насмешливо спросил Феликс Лейтер. — Твоя совесть тоже не была спокойна. И не потому, что не знал, от кого ждать смерти — от полицейского или от гангстера. Правильно?

Бонд засмеялся, уклонившись от ответа.

— Продолжай, шпион, — сказал он. — Я не верю в такую случайность, как эта. А пока ты можешь угостить меня ленчем. Ведь вы, техасцы, обычно богаты.

— Конечно, — ответил Лейтер.

Он засунул свой протез в правый карман и взял руку Бонда левой рукой. Они пошли по улице, и Бонд заметил, что Лейтер тяжело хромает.

— В Техасе даже блохи настолько богаты, что сами нанимают себе собак, — сказал Лейтер. — Пошли. «Серди» недалеко отсюда.

Лейтер прошел мимо фешенебельного зала в ресторане для известных актеров и писателей и повел Бонда вверх по лестнице. Его хромота стала еще заметнее, и он держался за перила. Бонд ничего не сказал, но когда он покинул своего друга за столиком в углу ресторана с бо-

жественно прохладным воздухом и прошел в умывальную, чтобы освежиться, он суммировал свои впечатления. У Лейтера не было левой ноги и правой руки, на лбу и под правым глазом были заметны небольшие шрамы, которые говорили о многочисленных пересадках кожи, но все-таки он выглядел вполне сносно. Серые глаза его смотрели бодро, в волосах цвета соломы не было заметно седины. Выражение лица Лейтера ничего не говорило о том, что он огорчен состоянием своего здоровья. Но в его манерах проскальзывала непривычная сдержанность, связанная, по-видимому, с дея-тельностыо Лейтера в настоящее время и имевшая отношение к Бонду.

Бонда уже ждал полусухой «мартини» с долькой лимона. Он улыбнулся по поводу памяти Лейтера и попробовал напиток. Он был превосходен.

— Сделано в Калифорнии. Первый сорт. Нравится? — спросил Лейтер.

— В Калифорнии лучший вермут, который я когда-либо пробовал, — ответил Бонд.

— Я заказал тебе копченую осетрину и бричолли, — сказал Лейтер. — У них тут лучшее мясо в Америке, а бричолли — лучшая есть часть. Тебя это устроит?

— Все, что ты хочешь, — ответил Бонд. — Мы

достаточно часто ели с тобой, так что сегодня можем и просто поговорить.

— Я сказал, чтобы не торопились, — произнес Лейтер. Он негромко стукнул по столу протезом. — Сначала мы выпьем еще по «мартини», а за это время ты должен правдиво рассказать мне все о себе. — Его улыбка была теплой и дружелюбной, но глаза внимательно следили за Бондом. — Расскажи мне прежде всего о том, какое у тебя дело с моим другом Шеди Триком?

Феликс Лейтер выпрямился на стуле и стал ждать.

Бонд вынул сигарету и закурил, стараясь незаметно оглядеться кругом. Окружающие их столики были пусты. Бонд повернулся к американцу.

— Расскажи мне сначала что-нибудь ты, Феликс, — мягко проговорил он. — На кого ты сейчас работаешь? Все еще на США?

— Нет, — ответил Лейтер. — Когда у меня не стало правой руки, они могли предложить мне только сидячую работу. Это было даже очень здорово с их стороны. И они хорошо мне заплатили, когда я сказал, что хочу жить на открытом воздухе. Потом агентство Пинкертона сделало мне хорошее предложение. Ты знаешь, как в

сказке: «Глаз, который никогда не спит». Так что я теперь — частный детектив. Дела, связанные с раскрытием мелкого мошенничества, но все это довольно весело. И- с этими людьми хорошо работать. Когда-нибедь я смогу уйти на хорошо оплачиваемую пенсию, получив в подарок золотые часы, которые летом становятся зелеными. В настоящее время я занимаюсь расследованием преступлений гангстеров, связанных со скачками: тайно перекрашенные лошади перед стартом, ночные дежурства в конюшнях и все в таком же духе. Хорошая работа. Ездишь по всей стране.

— Звучит весьма недурно, — сказал Бонд. — Но я не знал, что ты разбираешься в лошадях.

— Я не мог бы узнать лошадь, если бы к ней не была привязана тележка с молоком, — согласился Лейтер. — Но вскоре мне стало ясно, что основное — это хорошенько разобраться и узнать хозяев лошадей, а не самих лошадей. А как насчет тебя? — он понизил голос. — Все также в старой фирме?

— Да, — ответил Бонд. — И сейчас я тоже работаю на них.

— Тайно?

— Да.

Лейтер вздохнул. Он сосредоточенно потягивал

«мартини».

— Ладно, — наконец сказал он. — Ужасно глупо, что ты работаешь один, если связан с парнями из «Спенг Моб». Это такой риск, что мне даже страшно обедать с тобой. Но я расскажу тебе, почему я оказался сегодня утром около дома Шеди. Вполне возможно, мы будем полезны друг другу, не сообщая об этом, конечно, нашим организациям. О'кей?

— Ты знаешь, Феликс, что мне очень хотелось бы работать с тобой, — серьезно ответил Бонд. — Но я все же работаю на правительство, тогда как ты — на частную организацию. Но если окажется, что наши цели совпадают, то нет смысла, чтобы наши пути разошлись. Если мы охотимся за одним и тем же, я буду работать с тобой. А теперь, — Бонд насмешливо посмотрел на техасца, — я, по-видимому, не ошибусь, если скажу, что ты заинтересован в белой звезде во лбу и черных белых чулочках?

Зовут ее — Ши Смайл.

— Правильно, — согласился Лейтер, не будучи крайне удивленным.

— Побежит в Саратого во вторник.

— А может быть, бег этой лошади связан с безопасностью Британской империи?

— Мне сказано поставить на эту лошадь, — ответил Бонд. — Я должен выиграть пять тысяч долларов… Это оплата за другую работу. — Бонд вынул сигарету и прикрыл рот рукой. — Сегодня утром для мистера Спенга и его друзей я доставил из Лондона некоторое количество необработанных алмазов.

Глаза Лейтера сузились, и он свистнул от удивления.

— Ну, парень, — с почтением сказал он, — ты определенно находишься в более высокой лиге, чем я. Я заинтересован только потому, что Ши Смайл — лошадь, которая незаконно участвует в состязаниях. Лошадь, которая должна победить во вторник, вовсе не Ши Смайл, она ни разу не занимала призовых мест за последние три состязания… И они пристрелили ее. Вместо нее побежит очень быстрая лошадь, Пикепер, и совершенно случайно у нее тоже есть звездочка во лбу и белые чулочки. Это большая гнедая лошадь. Они проделали тщательную работу над ее копытами и другими статьями, что заняло у них около года. Это проделывалось в глухом месте в штате Невада, где у Спенга есть ранчо. Это будут большие скачки, на которых можно выиграть до двадцати пяти тысяч долларов. И можно понять,

что люди Спенга намереваются выигрышами покрыть все свои издержки. Там может быть пятнадцать к одному, и они получат большую часть денег.

— Но я полагал, что все лошади в Америке должны иметь на губе клеймо? Как же они могли это обойти?

— На губу этой лошади пересажена новая кожа, а на нее нанесены инициалы ШС. Такой метод давно используется. Пинкертону стало известно, что клуб жокеев собирается заменить фотографии «ночных глаз».

— Что это значит — «ночные глаза»?

— Это такие мозоли на внутренней стороне колен лошади. Англичане называют их бабками. Кажется, они различны у каждой лошади, как отпечатки пальцев у человека. Но это старая история. Они фотографировали «ночные глаза» у каждой лошади в Америке, участвующей в скачках, а потом обнаружили, что гангстеры уже нашли способ их заменить. Полиция в таких случаях предпочитает не связываться с ними.

— Как тебе удалось все узнать о Ши Смайл?

— Шантаж, — весело ответил Лейтер. — У меня было обвинение в наркомании одного из служащих конюшни Спенга. Я решил предоставить

ему возможность откупиться рассказом об этой маленькой проделке.

— И что ты собираешься делать?

— Остается только посмотреть на месте. В воскресенье я еду в Саратого, — лицо Лейтера просияло. — Черт возьми! Почему бы тебе не поехать со мной? Мы поедем с тобой на машине и я устрою тебя в своем пристанище. «Саганор» — самый шикарный мотель в тех местах. Тебе же надо где-то спать! И лучше, если нас не будут видеть вместе. А встречаться мы будем по вечерам. Что ты на это скажешь?

— Прекрасно, — сказал Бонд, — лучше не придумаешь. Но если уже около двух часов, давай поедим и я расскажу тебе всю свою историю.

Копченая осетрина оказалась посредственной, но бри-чолли полностью оправдали надежды Лейтера. Закончив ленч, Бонд продолжил свой рассказ.

— Вот вкратце и все, — заключил он и добавил: — Они занимаются контрабандой, а Алмазный дом, которым владеют, служит для торговых операций. Ты что об этом думаешь?

Бонд распечатал пачку сигарет и дал Лейтеру закурить.

— Звучит вполне правдоподобно, — согласился

Лейтер после небольшой паузы. — Но я мало знаю о брате Серафима, Джеке Спенге. Если Джек Спенг это Сайс, то я впервые слышу о нем. У нас есть записи о членах этой шайки, и, просматривая их, я наткнулся на имя Тифани Кайс. Прелестная малышка. Но она служит этим гангстерам уже несколько лет. У нее не было никаких радостей с колыбели. Ее мать владела «кошачьим» домом в Сан-Франциско. Все шло хорошо, пока она не допустила ошибку. Решила не платить налог местной шайке гангстеров. Она так много платила полиции, что, как я догадываюсь, решила сообщить им, что за ней следят. И однажды ночью шайка нагрянула в дом и разрушила весь ее притон. Женщина оказалась на мели, но с Тифани заключили «союз». Ей в то время было только шестнадцать лет. Не удивительно, что она с тех пор не хочет иметь дело с мужчинами. На следующий день она вскрыла кассу матери и сбежала. Затем обычная история. Гардеробщица, профессиональная партнерша в танцах, натурщица, официантка и так примерно до двадцати лет… Жизнь затем показалась ей не настолько хорошей, и она принялась за вино. Поселилась в меблированной комнате в одном из домов во Флориде и начала спиваться.

Потом чей-то ребенок упал в море, и она прыгнула за ним и спасла его. Ее имя попало в газеты и одна богатая женщина стала заботиться о ней. Заставила бросить пить и взяла с собой в качестве компаньонки в кругосветное путешествие. Но когда они прибыли во Фриско, Тифани удрала от этой женщины и стала жить у матери, которая к тому времени оставила свое заведение. У матери Тифани выдержала недолго и снова убежала. Свое путешествие она закончила в Рено. Некоторое время работала в клубе Гарольда. Встретила там нашего друга Серафима, который был очень взволнован тем обстоятельством, что она отказалась с ним спать. Он предложил ей работу в «Тиаре» в Лас-Вегасе, и она пробыла там в течение одного или двух лет. Эта работа перемежается у нее с путешествиями в Европу, которые она совершает время от времени. Тифани — хорошая малышка и ни с кем не испытала счастья после неудачного союза с гангстерами.

Бонд снова вспомнил глаза, которые угрюмо смотрели на него из зеркала, и услышал, как звучала мелодия «Опавших листьев» в одинокой комнате.

— Мне она нравится, — быстро произнес он и почувствовал, что глаза Лейтера задумчиво

смотрят на него.

— Ну, Феликс, — помолчав, сказал Бонд, — мне кажется, что мы охотимся за одним и тем же тигром, только разными путями. А сейчас я собираюсь пойти и выспаться. Я поселился в «Асторе». Где мы встретимся в воскресенье?

— Лучше держаться подальше от этой части города, — сказал Лейтер. — Я встречу тебя на «Плаза» пораньше, чтобы мы могли избежать большого потока движения. Скажем, в девять часов около стоянки такси. Ты знаешь, где находится стоянка такси? Если я опоздаю, ты сможешь заняться изучением лошадей. Тебе это пригодится в Саратого.

Он оплатил счет, они спустились и вышли на жаркую улицу. Бонд взял такси.

— Только одно, Джеймс, — сказал Лейтер, и голос его звучал очень серьезно. — Ты можешь недооценивать американских гангстеров, сравнивая их с теми, против кого тебе уже приходилось бороться, но я могу тебя заверить, что парни Спенга — это сила. У них хорошая машина. И если у них подчас смешные имена, то уж защита у них отличная. Так в настоящее время обстоит дело в Америке. Не пойми меня превратно. Они могут причинить большие неприятности

и на самом деле очень часто делают это. А ведь и твоя работа состоит в том, чтобы причинить им неприятности.

Лейтер опустил руку Бонда и смотрел, как тот садится в такси. Потом он сунул голову в окно.

— А ты знаешь, чем пахнет твоя работа, ублюдок? — весело спросил он. — Муравьиным спиртом и лилиями…

Глава 9. Горькое шампанское

— Я не собираюсь спать с вами, — сказала Тифани Кейс, — так что не тратьте ваши деньги на мое угощение. Но я что-нибудь выпью. Только я не хочу пить ваш «мартини».

Бонд засмеялся. Он сделал заказ и снова повернулся к ней.

— Мы еще не закончили обед. Я собирался предложить вам крабов и рейнвейн. Это, возможно, изменит ход ваших мыслей. Предположим, что данная комбинация даст соответствующий эффект.

— Послушайте, Бонд, — сказала Кейс, — потребуется нечто гораздо большее, чем мясо крабов, чтобы заставить меня лечь в постель с мужчиной. Во всяком случае, раз уж вы заказываете, я буду есть то, что вы, англичане, называете отбивными котлетами, и выпью немного розового шампанского. Я не часто назначаю свидания хорошо выглядящим англичанам и не часто принимаю приглашения на обед, который ведет к чему-либо. Извините, — быстро добавила она, — я не имела в виду, что вы будете оплачивать мой обед.

Бонд улыбнулся ей в глаза.

— Не будьте гусыней, Тифани, — сказал он впервые называния ее по имени. — Я очень ждал этого вечера. И собираюсь делать то же, что и вы. У меня достаточно денег, чтобы оплатить обед. Я сегодня выиграл у мистера Трика пятьсот долларов.

При упоминании о Шеди Трике поведение девушки изменилось.

— Так и должно быть, — упрямо проговорила она. — Только так. Вы знаете, что говорят об этом притоне? Вы все это можете съесть только за триста долларов.

Официант принес «мартини» и несколько кружков лимона. Бонд положил две дольки и подождал пока они не опустятся на дно. Потом поднял свой бокал над столом и поверх него посмотрел на девушку.

— Мы еще не выпили за успех нашего дела.

Тифани саркастически улыбнулась и, выпив половину напитка, поставила бокал на стол.

— Или за то, чтобы у меня сжималось сердце, как это было, — сухо сказала она. — Вы и ваш проклятый гольф.

— Вы заставляли меня нервничать, слыша щелканье этой проклятой зажигалки и наблю-

дая, как вы закуриваете сигарету не с того конца. Я уже чуть было не попросил вас перевернуть сигарету и закурить ее снова.

Она засмеялась.

— Вы, вероятно, видите ушами, — сказала она. — О'кей, будем считать, что мы квиты. — Она допила свой «мартини». — Продолжим. Мне хочется еще. От этого напитка становится весело. А как насчет того, чтобы заказать обед?

Бонд кивнул метрдотелю, потом сделал заказ официанту и попросил принести розового шампанского.

— Если у меня будет сын, — сказал Бонд, — то, когда он вырастет, я дам ему совет тратить деньги на что угодно, но ни в коем случае не предаваться излишествам в еде.

— Черт возьми, — сказала девушка, — неужели вы не можете сказать мне что-нибудь приятное? Скажем, о моем туалете или о чем-то еще, кроме того, чтобы бесконечно жаловаться на то, что я обхожусь вам слишком дорого… Знаете, наверное, пословицу: «Если вам не нравсятся мои персики, зачем же вы трясете дерево?».

— Я еще и начинал трясти его. Вы пока не разрешаете мне даже обхватить его ствол.

Она засмеялась и с одобрением посмотрела

на Бонда.

— Однако, вы умете, как видно, говорить девушкам приятные вещи, мистер Бонд!

— А что касается вашего платья, — продолжил он, — то оно прелестно, и вы это знаете. Я люблю черный бархат, особенно, на загорелой коже, и мне нравится, что вы не носите много украшений и не красите ногти. И я уверен, что самая красивая контрабандистка в Нью-Йорке сегодня вечером — это вы. А что вы делаете завтра?

Она подняла уже третью рюмку «мартини» и взглянула на нее, потом очень медленно выпила. Поставив рюмку на стол, достала из пачки, лежащей возле тарелки, сигарету и нагнулась к пламени зажигалки Бонда. Он увидел в вырезе ее платья грудь, она посмотрела ему в глаза, зрачки ее расширились, а потом снова медленно сузились.

«Вы мне нравитесь, — говорили глаза Тифани, — и все между нами возможно, но только не будьте нетерпеливы. И будьте добрым. Я больше не хочу, чтобы мне причиняли боль».

Подошел официант с икрой, и в их теплый тихий мир ворвался шум. Разговор был прерван.

— Что я делаю завтра? — она повторила вопрос. — Я собираюсь лететь в Лас-Вегас. Я лечу

на самолете «XX век» в Чикаго, а затем на «Супер Чиф» в Лос-Анджелес. Это довольно длинный путь, но за последние годы я много раз проделывала его. А вы?

Официант ушел. Некоторое время он молчал. И внезапно почувствовал, что время полностью принадлежит им. Они оба знали ответ на больной вопрос, и не было никакой необходимости отвечать на множество вопросов более мелких. Бонд откинулся назад в кресле. Официант принес шампанское, и он стал пробовать его. Оно было холодным, как лед, и имело слабый привкус земляники. Оно было великолепным.

— Я еду в Саратого, — ответил он, — должен поставить на лошадь, чтобы получить деньги.

— Я предлагаю, что это будет определенная лошадь, — угрюмо проговорила Тифани Кейс.

Она выпила немного шампанского и настроение у нее снова изменилось. Она пожала плечами.

— Вы кажется, уже расквитались с Шеди Триком, — с безразличным видом сказал она. — Он хочет, чтобы вы работали на эту лошадку.

Бонд взглянул на бокал с розовым шампанским и почувствовал подкрадывающуюся жалость к этой девушке. Но тут же отбросил эту мысль… Он

должен продолжать обманывать ее.

— Прекрасно, — с легкостью сказал он. — Мне это нравится. Но что представляет собой его шайка?

Он стал закуривать сигарету, заставляя себя сохранять спокойствие. Он чувствовал, что она пристально смотрит на него. Это заставило его окончательно взять себя в руки. Секретный агент взял верх над мужчиной, и мозг его стал работать холодно, следя за ходом мысли и диктуя необходимые действия.

Она, казалось, была удовлетворена его видом, тем, как искренно он смотрел на нее.

— Она называется «Спенг Моб». Двоих братьев зовут Спенгами. Я работаю на одного из них. Кажется, никто не знает, кто же другой брат. Некоторые думают, что он в Европе. Еще существует некто АВС. Тот, на которого я работаю, носит имя Серафим. Он больше заинтересован в карточной игре и в лошадях. Владеет телеграфом и «Тиарой» в Лас-Вегасе.

— А что вы там делаете?

— Я там работаю, — с иронией ответила она, показывая этим, что на такой глупый вопрос и не может быть другого ответа.

— А затем есть еще Шеди, — продолжала она. —

На самом деле он совсем неплохой парень, но когда вы здороваетесь с ним за руку, приходится потом пересчитывать пальцы. Он жесток. Он занимается «кошачьими» домами, допингом и тому подобными вещами… Есть еще много бандитов иного сорта… Бандиты…

Глаза ее стали жесткими и она с успешкой взглянула на него.

— Вы еще познакомитесь с ними, — сказала она. — Они вам понравятся. Как раз вашего типа.

— Черт! — с возмущением вырвалось у Бонда. — Это просто один из способов зарабатывать деньги!

Существует много иных путей…

— И все-таки этих людей вы выбрали, чтобы работать с ними!

Лед между Тифани и Бондом снова был сломан.

— Поверьте мне, — сказала она, — вы рискуете многим, договариваясь со Спенгом. Если бы я была на вашем месте, я бы чертовски много думала, прежде чем присоединиться к этому уютному маленькому кругу. И не вздумайте замышлять что-нибудь против этой шайки! Если вы собираетесь сделать что-либо в этом роде, то вам лучше начать брать уроки игры на арфе…

Их разговор был снова прерван, так как официант принес отбивные котлеты со спаржей. Вместе с ним подошел какой-то человек.

— Хэлло, мисс Тифани, — сказал он. — Давненько вас не видел. Как дела в Лас-Вегасе?

— Хэлло, Мак, — девушка улыбнулась ему. — В «Тиаре» все в порядке. — Она оглянулась вокруг. — Кажется, вам тоже здесь живется недурно!

— Не могу пожаловаться, — ответил стройный молодой человек. — Слишком много шикующих аристократов и всегда мало красивых девушек. Вам бы следовало почаще заходить сюда. — Он улыбнулся Бонду. — А у вас все в порядке?

— Лучше быть не может.

— Заходите еще, — он подозвал официанта. — Сэм, спросите моих друзей, что бы они хотели выпит с кофе, — и улыбнувшись в последний раз, он направился к другому столику.

Тифани заказала «Стингер». Бонд сделал то же самое.

Когда принесли ликер и кофе, Бонд возобновил прерванный разговор.

— Послушайте, Тифани, — сказал он, — это алмазное предприятие выглядит достаточно солидно. Почему бы нам не продолжить там

работу? Два или три путешествия в год принесут немало денег. Разве этого недостаточно, чтобы спокойно относиться к вопросам на таможне?

Но на Тифони его слова не произвели впечатления.

— Попробуйте сказать это АВС, — ответила она. — Я повторяю, что эти люди не дураки. Они ведут большое дело. У меня никогда не было ни одного перевозчика дважды. Я — не единственная, кто совершает эти поездки. И более того, совершенно уверенна, что мы были не одни в том самолете. Кто-то еще следил за нами обоими. Самая мельчайшая деталь проверяется ими дважды, — Кейс была раздосадована несерьезным отношением Бонда к ее партнерам по работе. — И я никогда даже не видела АВС, — продолжала она, — Я просто набираю номер телефона в Лондоне, и получаю все приказания в записи на магнитофонной ленте. То, что передаю я, тоже записывается на магнитофон. Повторяю вам, что все это проходит поверх наших голов. Вот вам ваша прекрасная страна и ее кражи со взломом! — Кейс была совсем подавлена. — Боже! Будет ли когда-нибудь конец этому?!

— Понимаю, — сказал Бонд, раздумывая, каким путем узнать у нее телефон АВС. — Кажется, у них

все четко продумано.

— Можете быть в этом уверены, — ответила девушка.

Предмет разговора иссяк. Она посмотрела на бокал со «Стрингером» и выпила его до дна.

Бонд почувствовал легкое опьянение.

— Хотите пойти еще куда-нибудь? — спросил он, понимая, как много значит для него этот вечер.

— Нет, черт возьми! — мрачно ответила она. — Отвезите меня домой. Почему вы не могли выбрать другую тему, кроме этой? Разговор о гангстерах доставил мне мало удовольствия.

Бонд расплатился, и они молча спустились вниз, выйдя из прохладного ресторана в душную ночь, наполненную запахом бензина и горячего асфальта.

— Я тоже остановилась в «Асторе», — сказала Кейс, когда они сели в такси.

Они устроились на заднем сиденье в самом углу. Она сидела, согнувшись и положив подбородок на руки, глядя на надоедливое мелькание неоновых огней.

Бонд ничего не говорил, он проклинал свою работу. Ему хотелось бы сказать этой девушке: «Послушай, пойдем со мной, ничего не бойся.

Это не будет хуже, чем уже было». Но если она вдруг ответит: «да», то ему придется заставить ее страдать снова. А он не хотел быть жестоким по отношению к ней. Его работа заключалась в том, чтобы ее использовать… Но что бы ни диктовала ему необходимость, один путь для него был закрыт, он никогда не позволил бы себе воспользоваться путем, идущим через его сердце.

Когда они подъехали к «Астору», Бонд помог ей выйти из машины, и Тифани стояла, повернувшись, к нему спиной, пока он расплачивался с шофером. Затем они поднялись по ступенькам в натянутом молчании после так неудачно закончившегося вечера.

Они взяли у портье ключи, и Кейс, обращаясь к лифтеру, назвала пятый этаж. В лифте она стояла, повернувшись лицом к двери, и Бонд видел, что суставы ее пальцев, державших сумочку, побелели. На пятом этаже Тифани быстро вышла из лифта и ничего не сказала, когда Бонд последовал за ней. Идя по очень длинному коридору, они несколько раз свернули, пока не дошли до дверей ее комнаты. Там она наклонилась, вставила ключ в замок и распахнула дверь. Стоя в дверях, обернувшись к нему, она сказала:

— Послушайте, вы Бонд!..

Это выглядело, как начало ссоры, но она, неожиданно замолчав, посмотрела ему прямо в глаза. Бонд увидел следы слез на ее ресницах. И вдруг, схватив его руками за шею, она прижалась лицом к его лицу.

— Пожалуйста, позаботьтесь о себе, Джеймс, я не хочу вас потерять…

Притянув его к себе, она поцеловала его в губы неистовым и жестким поцелуем, лишенным всякой нежности. Но когда Бонд сделал попытку, в свою очередь, обнять и поцеловать ее, она немедленно отстранилась и… момент был упущен.

Держа руку на ручке двери, она обернулась, чтобы взглянуть на него, и в глубине ее глаз улавливался страстный блеск.

— А теперь уходите, — решительно сказала она и захлопнула дверь.

Глава 10. «Студиллак» в Саратого

Джеймс Бонд провел большую часть субботы в номере с кондиционером. Он избегал жары. Составляя телеграмму председателю Универсального экспорта, он использовал простой код, основанный на том, что это был шестой день недели, а дата — четвертое число восьмого месяца.

В сообщении говорилось, что алмазная трубка начиналась где-то около Джека Спенга в виде Руфуса В. Сайса и заканчивалась у Серафима Спенга. И основным связующим звеном являлась контора Шеди Трика, от которого, главным образом, и поступали камни в Алмазный дом для последующего их сбыта, на рынке.

Бонд попросил Лондон установить наблюдение за Руфусом Сайсом и предупреждал, что кто-то, известный, как АВС, является непосредственным руководителем контрабандной доставки алмазов для «Спенг Моб», и что Бонд ничего не знает об этом человеке за исключением того, что он, вероятно, живет в Лондоне. И, скорее всего, повторял Бонд, только АВС сможет дать нить к источникам

алмазов, расположенным где-то на территории Африки.

Бонд сообщил далее о своем желании продолжить работу по проникновению в алмазную трубку, используя в качестве помощника Тифани Кейс, краткие данные о которой сообщает.

Бонд послал телеграмму через Бостон Юнион, принял четвертый раз за день душ и пошел в соседний ресторан, где заказал две рюмки «мартини», яйца и землянику. Во время обеда он просмотрел программу скачек в Саратого, в которой заметил, что общее предпочтение отдается Перпенть-ютес Стейк и многим другим лошадям, но имя Ши Смайл вообще не было упомянуто.

Потом Бонд вернулся в свой отель и лег спать.

В воскресенье утром, точно в девять часов, к Бонду, стоявшему у своего чемодана на стоянки такси, подкатил черный «студебеккер» и остановился у тротуара.

Когда он бросил чемодан на заднее сиденье, а сам сел рядом с Лейтером, тот поднял верх и повел машину через Центральный парк.

— Это около двухсот миль, — сказал Лейтер, когда они ехали по Парк Лейн, — мы с тобой не торопимся, и потому поедем спокойно, по свободным дорогам. В этом районе скорость

ограничена и не должна превышать пятидесяти миль, иначе полицейские свирепеют. И если бы я очень торопился, то смог бы уйти от них. Они не штрафуют тех, кого не могут догнать, и стыдятся появляться в суде и признаваться там в том, что их «индиана» менее быстра, чем другие машины на автостраде.

— Но я думал, что эти «индианы» ездят со скоростью более девяноста миль в час, — сказал Бонд, отметив хвастливость своего друга, которой раньше за ним не замечал. — Не знал, что этот «студебеккер» может давать такую же скорость.

Перед ними был пустынный и прямой участок дороги. Лейтер посмотрел в зеркальце заднего вида и, внезапно переключив скорость, выжал педаль газа до отказа. Бонд втянул голову в плечи и почувствовал, что его вдавило в сидение. Он недоверчиво посмотрел на спидометр — 80 миль. А машина продолжала набирать скорость: 95, 96, 97… Но тут впереди показался мост, и дорога сузилась. Лейтер притормозил двигатель, который взревел, когда они въехали на мост при скорости около семидесяти миль в час.

Лейтер псмотрел на Бонда и успехнулся.

— В запасе у нас было еще около тридцати миль, — гордо проговорил он. — Как-то в Дейсоне

я выжал из нее 127 миль.

— Прекрасно, черт возьми! — недоверчиво проговорил Бонд. — Но что же это за машина? Разве же это «студебеккер»?

— Это «студиллак», — ответил Лейтер. — Это «студебеккер» с мотором от «кадиллака». Специальные коробка передач, тормоза и полуоси. Модернизированный вариант. Небольшая фирма, расположенная около Нью-Йорка, выпускает их. Нравится машина?

Когда они подъехали к посту на Хенри Хадсон Бридон, Лейтер сунул руку в левый карман и вынул оттуда монету в десять центов.

— Пока одно из твоих колес не отвалится, — сказал Бонд, отвечая на вопрос Лейтера, когда они уже снова начали набирать скорость, — ты бы остерегся. Такая езда хороша для малышей, которые не могут позволить себе купить настоящую машину.

Они продолжали веселый разговор о спортивных машинах, пока не доехали до контрольного пункта, а затем через минут пятнадцать уже находились на Таконин-стрит, которая тянется на север и переходит в прекрасную дорогу, идущую через сотни миль полян и лесов. Бонд откинулся на сидение, молча любуясь одним из

красивейших мест на их пути и думая о том, что в настоящий момент может делать Тифани и каким образом ему после Саратого увидеться с ней.

В 12.20 они остановились позавтракать в придорожной таверне со стандартной обстановкой и высоким прилавком, на котором стояло бренди, лежали сигареты, журналы и прочая мелочь. В помещении находились две официантки, на которых не хотелось даже смотреть.

Но яичницу, сосиски, горячие гренки и пиво им принесли быстро, и все это было достаточно хорошим, так же, как и кофе со льдом. Выпив по второму стакану, они вышли из таверны и продолжили свой путь.

В течение одиннадцати месяцев в году это" место было абсолютно мертво. Сюда приезжали принимать грязевые ванны, и здесь было все, как на обычном курорте. Все ложились спать в девять часов, за исключением, может быть, нескольких стариков, которые не устают спорить о прошлом и о том, какой пол был в отеле «Юнион», из белого или из черного мрамора… И только в августе это место становилось оживленным. Здесь проходили, вероятно, самые значительные состязания лошадей в Америке. Дома, в которых сдаются комнаты, повышаются в цене не менее

чем в десять раз. Комитет по скачкам красит трибуны и каким-то образом достает лебедей для пруда в городском парке. На якоря становятся индейские каноэ. Включается фонтан. Никто не может сказать, откуда появляются каноэ, и специальный корреспондент какого-то журнала пришел к заключению, что это связано с индейской легендой.

Бонд рассмеялся.

— А что еще придумал этот тип?

— Тебе самому следовало бы все это знать, — ответил Лейтер. — Когда-то здесь бывало самое большое сборище после английского Дерби. Здесь часто бывала Лилли, ваша Лилли Ленгтрай, примерно в то самое время, когда Новальи побил «Железную маску» в утешительных скачках. Но потом все изменилось, — он вытащил из кармана газетную вырезку — Почитай. Я вырезал эту заметку сегодня утром из «Поста». Этот Джимми Кеннон — их спортивный обозреватель — знает, о чем говорит. Прочти, что он пишет.

Пока «студиллак» ехал по дороге к Трое, Бонд читал заметку. Саратого времен Лилли пропала в прекрасном туманном прошлом и двадцатый век, оскалив зубы в усмешке глянул на него между строк этой заметки.

«Пригород Саратого Спринг, — прочел он под фотографией молодого человека с большими, прямо смотрящими глазами и с улыбкой на тонких губах, — был кроличьим островом преступного мира до тех пор, пока Кифуадер не показал его по телевидению. Это испугало деревенщину и заставило бандитов перебраться в Лас-Вегас.

Но главари шаек еще долго владели Саратого. Это было колонией национальных гангстеров, и они часто показывались там с оружием и битами для бейсбола. Саратого, как это делали другие деревушки, отдала свой муниципалитет под опеку разбойничьих корпораций. Это все еще такое место, куда приезжают наследники фортуны старого времени, чтобы поддерживать в порядке свои конюшни для скаковых лошадей. Но конюшни эти весьма примитивны и годятся разве лишь для ярмарочных состязаний.

Перед тем, как Саратого закрылась, любители автостопа были брошены в тюрьмы полицейскими, которые ввели проездные чеки и перестали брать чаевые с убийц и сутенеров. Пьяные, которые напивались в барах, стали рассматриваться, как угрожающий фактор для общественного порядка. Но убийства все же продолжались, так же, как и рэкет. Существование публичных и игор-

ных домов оставляло преступникам большие возможности.

Профессиональное любопытство заставило меня просмотреть литературу о скачках, в которой журналисты называют Саратого городом «легкомысленной невинности». Но это отвратительный город, там обанкротившиеся дельцы спасаются от кредиторов, а игрок в карты должен быть готов к тому, что проиграет так же быстро, как крупье объявляет ставки. Казино никогда не давало возможности постоянного выигрыша: тот, кому повезло, мог немедленно все проиграть.

На берегах озера среди ночи были видны огоньки таверн: в каждой из них шла игра. По этим местам бродили люди с тросточками, владельцы игорных домов были любителями путешествий. Получая ежедневно крупные суммы, они путешествовали по всей сети игорных домов, начиная от Нью-Йорка и до Майами, а в августе возвращались в Саратого. Большинство из них в свое время учились в Стей-ленвилле, где находились игорные школы. Они были клерками преступного мира и умели быстро собирать вещи и убираться из того места, где становилось неспокойно. Большинство из них поселилось в Лас-Вегасе, где находились их старые боссы.

Трек в Саратого достаточно ветхий, а климат жаркий и влажный. Там есть несколько настоящих спортсменов, профессией которых были скачки. Есть даже несколько приличных тренеров. Им нравится Саратого, и они довольны, что Лаки Лучиано исчезли из города.

Был один человек, которого звали Кид Гаттерс. Он проиграл пятьдесят тысяч долларов, и ему серьезно угрожали в случае неуплаты долга. Кид знал, что Лаки очень искусен в азартных играх, и просил помочь ему. Лаки пообещал, что все будет в порядке и Кида никто не тронет, если он поступит так, как ему скажет Лаки. Репутация Кида не пострадает, и ему будет позволено принимать участие в игре на скачках, но при одном условии, его партнером будет Лаки Лучиано. Они заключили союз, и Лаки был партнером Кида долгое время, пока не умер. Кида оставили в покое и никто никогда его больше не трогал… Это отвратительный город, но, к сожалению, все игорные города такие».

Бонд аккуратно сложил вырезку и положил ее в карман.

— Это, конечно, очень далеко от Лилли Ленгтрай, — сказал он после паузы.

— Конечно, — с безразличным видом ответил

Лейтер. — И Джимми Кеннон ничего не говорит о том, что эти мальчики снова здесь. В настоящее время они совладельцы конюшен и лошадей, как и наши друзья Спенги, которые ставят своих лошадей против лошадей Витнея и Вандер-бильда. Они все время выставляют таким быстроногих лошадей, как Ши Смайл. Конечно, некоторые имена в Саратого изменились, как и грязь в ваннах.

Справа от дороги стоял дорожный знак, на котором огромными буквами было написано: «Остановитесь в Саратого!».

И далее: «Комнаты с кондиционированным воздухом, удобными постелями и телевизорами. Всего пять миль от Саратого Спрингс и «Сагамора» предоставит вам первоклассные условия для отдыха и развлечений!»

— Это значит, что мы получим зубные щетки, завернутые в целофан, стерилизованный унитаз, заклеенный бумагой, — прокомментировал Лейтер. — Не думай, что нам предоставят удобные кровати. В мотелях их привинчивают к полу, чтобы не стащили.

Глава 11. Ши Смайл

Первое, что поразило Бонда, было зеленое величие вязов, создающих едва приметные аллеи между домиками колониального типа, а все вместе образовывало картину европейского пригорода с прудами и конюшнями. Повсюду были лошади, которых туг и там переводили через улицы, а полицейские задерживали движение, чтобы их пропустить. Конюшни находились по обе стороны дороги, и конюхи и жокеи, белые и негры, попадались на каждом шагу. Отовсюду слышалось конское ржание.

Это было смесью Нью-Маркета и Вищи, и внезапно Бонд понял, что несмотря на незаинтересованность в лошадях, ему очень нравится жизнь, царящая вокруг.

Лейтер оставил его в «Сагаморе», который стоял на краю города, и пошел по своим делам. Они договорились встретиться только ночью или «случайно» в толпе на скачках, но обязательно посетить утром трек, если завтра на рассвете Ши Смайл будет на тренировке. Лейтер сказал, что обо всем этом и о многом еще он узнает в ночном

баре при конюшнях, который посещается преступным миром, регулярно приезжающим сюда на августовские соревнования.

Бонд заполнил регистрационную книгу для приезжающих, ннаписав, что он — Джеймс Бонд из отеля «Астор» в Нью-Йорке.

Женщина со стальными глазами, считавшая, что Бонд так же, как и все другие, приехал, чтобы украсть полотенце, а, может быть, и простыни, потребовала с него тридцать долларов, и Только потом дала ему ключ от комнаты. Номер 49. Комната была опрятной и просторной, на двоих, с креслом, тумбочкой около кровати, со стандартной пепельницей, общей для всех отелей Америки. Туалет и душ были чистыми, как это и предсказал Лейтер, зубные щетки были обернуты в целофан, а на унитазе была наклеена полоска бумаги с надписью: «стерильно».

Бонд принял душ, переоделся, прогулялся и пообедал за два доллара и восемьдесят центов в закусочной с кондиционированным воздухом. Она имела вид типичного американского заведения, такого же, как и мотель. Затем он вернулся в свой номер, лег на диван, и стал читать журнал, из которого он узнал, что Т. Велл будет участвовать в скачках трехлеток на лошади Ши Смайл.

Вскоре после десяти Лейтер тихо постучал в дверь номера Бонда и вошел, прихрамывая. От него попахивало ликером и дымом дешевых сигар. Он был слегка навеселе.

— Достиг кое-какого прогресса, — сказал он, придвигая кресло к дивану. Сев, он вынул сигареты. — Это значит, что мы должны будем завтра утром встать чертовски рано. В пять часов. Дело в том, что они будут проверять Ши Смайл на дистанции восемьсот метров в пять тридцать. Я бы хотел посмотреть, кто будет там. Владелец лошади, кажется, Писарро. Один из директоров «Тиары» случайно назвал его имя. У него есть еще одна смешная кличка: Писсаро «с хромым мозгом». Он переправляет наркотики через мексиканскую границу. ФБР как-то раз поймало его, и он отсидел срок в тюрьме Сен-Квентин. Теперь он владелец скаковой конюшни, как и Вандербильд. Эту работу дал ему Спенг. У него все идет хорошо. Интересно, в какой он сейчас форме? Они его немного подлечили в Сен-Квентине, но у него все-таки что-то произошло с головой. С тех пор его и стали звать «хромой мозг». Потом здесь есть жокей Тингаллинг Велл. Хороший наездник, из тех людей, которые любят деньги и хорошо одеваются. Я бы хотел поговорить с ним наедине.

У меня есть для него небольшое предложение. Тренер — тоже один из гангстеров. Его имя Бад, Рози Бад. Все эти имена звучат довольно смешно, не правда ли? Но не стоит обращать на это внимания. Он из Коннектикута, так что умеет обращаться с лошадьми. Он попадался на разных неблаговидных делах по всему Югу. Настоящий бандит. Воровство, грабеж, насилие — всего этого было достаточно, чтобы завести на него дело. Но последние несколько лет он шел по прямому пути, если можно так это назвать, в качестве тренера, работающего на Спенга.

Лейтер точно бросил погасшую сигарету через окно на клумбу с роскошными гладиолусами, потом встал и потянулся.

— Вот они, эти артисты. Отличный состав труппы… И я собираюсь разжечь под ними огонь.

Бонд был озадачен.

— Но почему бы тебе прямо не рассказать об этом твоим руководителям? Какую роль играют они во всем этом деле? Кто оплачивает все счета?

— Это поддерживается ведущим ведомством, — сказал Лейтер, — Они платят нам по договору, а, кроме того, сверх обычной платы в случае достижения результата. Я не слишком-то про-

двинусь, если доложу о том, что знаю сегодня… Было бы нечестно заставлять говорить конюха, ведь это было бы для него смертным приговором. Ветеринар пропустил эту лошадь, а настоящая Ши Смайл была застрелена и сожжена несколько месяцев назад. И я собираюсь доставить мальчикам Спенга немного больше неприятностей, чем лишение права участвовать в скачках. Итак, в любом случае, я приду к тебе и постучу в дверь в пять часов.

— Не беспокойтесь, мистер, — ответил Бонд. — К этому времени я буду в полной готовности сидеть с ботинками в руках, хотя койоты в этот час еще продолжают выть на луну…

Бонд проснулся вовремя. В воздухе были приятная свежесть, когда он в полумраке, в слабых отблесках которого можно было разглядеть сквозь вязы просыпающиеся конюшни, двигался за прихрамывающей фигурой Лейтера. На востоке небо было жемчужно-серым и переливалось, как игрушечный баллон, наполненный дымом, а в кустах птицы уже начали петь свои песни. От костров возле конюшен поднималась голубая дымка, в воздухе стоял запах кофе, дыма и росы. Слышались голоса людей, громкое ржание лошадей, звон ведер. Когда Бонд и Лейтер вышли из-за

деревьев на деревянный помост, пересекающий трек, по нему уже шла цепочка лошадей, каждую из которых вел на поводу конюх, подбадривая ее грубоватой лаской.

Они наклонились над треком, и внезапно солнце осветило стоящие в полумиле от них, на другой стороне трека, деревья, окрасив самые верхние ветки золотом. Через минуту последние тени исчезли.

Как будто ожидая этого, из-за деревьев слева от них появились три человека, один из которых вел на поводу красивую лошадь со звездой во лбу и в белых чулочках.

— Не смотри на них, — мягко проговорил Лейтер, — повернись спиной к треку и смотри на других лошадей. Тот старый, согнувшийся человек, который идет с ними, это Сима Джим Фитсиммонс, самый лучший тренер Америки. Вон там лошади Вудворта. Большинство из них победят на соревнованиях. Ты взгляни мельком, а я буду следить за теми друзьями. Не стоит показывать даже малейшую заинтересованность. Теперь посмотри — вот это конюх, который ведет Ши Смайл, Бад, и мой старый друг, «хромой мозг» в лиловой рубашке. Он всегда хорошо одевается. Посмотри, Бад пропустил конюха вперед,

теперь галопирует по дальней стороне трека, направляясь к одному из постов. Гангстеры вынули часы, оглядываются… они заметили нас. Взгляни на них, Джеймс, только незаметно. Как только лошади начнут бег, они перестанут нами интересоваться. А вот теперь ты уже можешь обернуться. Ши Смайл на дальней стороне трека, они смотрят на нее в бинокль и ждут старта. Это заезд на восемьсот метров. Писарро стоит возле пятого поста.

Бонд обернулся и взглянул вдоль барьера налево, куда указывал ему Лейтер. Там стояли двое, по-видимому, наблюдавшие за ними. На стеклах их биноклей сверкало солнце.

— Пошла!

Бонд различил вдалеке бегущую коричневую лошадь, выходящую из поворота и направляющуюся в их сторону. На таком расстоянии до них не долетело ни звука, но потом стал быстро нарастать мягкий цокот копыт. Он все усиливался и наконец лошадь вышла на последнюю двухсотмет-ровку, приближаясь к наблюдающим за ней мужчинам.

Когда она пронеслась мимо, Бондом овладело возбуждение. У лошади были дикие глаза, оскаленные зубы, из широко раскрытых ноздрей шел

пар. Наездник, сидевший на ее спине, изогнулся, как кошка, опустив лицо и почти касаясь шеи лошади. Она пронеслась, как вихрь, и Бонд перенес взгляд на наблюдавших за лошадью людей, следивших за ходом бега по секундомерам.

Лейтер тронул его за руку, и они направились к машине.

— Лучше всех шла Ши Смайл, — сказал он. — Не имею понятия, какое у нее время, но земля под ней буквально горела. Если она может пройти в таком темпе милю с четвертью, победа ей обеспечена. А теперь, черт возьми, пойдем и позавтракаем. У меня появился аппетит, когда я увидел этих плутов сегодня утром. — Затем как бы про себя он добавил: — Кроме того, я собираюсь узнать, сколько возьмет мистер Велл за то, чтобы провести скачки не по правилам и быть дисквалифицированным.

После завтрака, прослушав некоторые предположения Лейтера, Бонд, ничего не делая, провел утро на треке, наблюдая за лошадьми, которых, как предупредил Лейтер, ему предстояло увидеть в первый день соревнований.

Утро было прекрасным. Бонд наслаждался погодой, прислушиваясь к жаргону Саратого, смеси Бруклина и Кентукки, в толпе элегантных

владельцев лошадей и их друзей, заполнявших тенистые луга при ипподроме. Он осмотрел большой щит со вспыхивающими огнями, который информировал о ставках, игрушечное озеро с лебедями, каноэ. Здесь собиралось много негров, которые всегда являются неотъемлемой частью американских скачек.

Организация скачек, казалось была лучшей, чем в Англии. Возможностей для нечестной игры имелось меньше. Однако, Бонд знал, что были способы нелегального оповещения о результатах каждой скачки по всем штатам. Миллионы долларов ежегодно попадали в карман гангстеров, для которых скачки являлись одним из источников дохода, таким же, как проституция или торговля наркотиками.

Бонду была известна система, которую создал в Чикаго известный О'Брайен, и не только создал, но и пытался ее применить. Поставив в каждом забеге на наиболее вероятного фаворита, он получал 15 долларов и несколько центов к концу восьмого заезда, которым заканчивались скачки дня. И так ежедневно.

Бонд направился домой в толпе зрителей, принял душ, немного поспал, а потом спустился в ресторан, где провел около часа за напитками,

попробовать которые ему посоветовал Лейтер. Один из этих напитков был модным в кругу любителей скачек: «бурбон» с ледяной водой из ручья. Бонд предполагал, что на самом деле вода была из водопровода, но, по словам Лейтера, настоящие знатоки этого напитка настаивают на том, что пить виски в традиционном стиле нужно именно так — с водой из родников в верховьях реки, где она наиболее чистая.

Бармен не был удивлен, когда Бонд спросил именно этот напиток, и был очень доволен. Съев бифштекс и выпив последнюю рюмку «бурбона», Бонд направился к торговым рядам, где Лейтер назначил ему встречу.

Это был белый деревянный навес, не имевший стен, со скамейками, расположенными по кругу. Когда лошадь вводили под сверкание неонового света, аукционер, грозный Свайнборд из Теннеси, давал характеристику лошади и открывал аукцион с помощью двух помощников в проходах, следящих за каждым кивком или поднятым карандашом в рядах хорошо одетых бизнесменов и агентов.

Бонд расположился позади сухощавого человека и женщины, одетой в вечернее платье, отделанное норкой, запястья которой сверкали

блеском драгоценных камней всякий раз, когда она поднимала руку, предлагая цену. Сидевший рядом с ней мужчина в белом костюме и темно-красном галстуке, который вполне мог быть и ее мужем, и тренером лошади, явно скучал.

В круг ввели нервную худую лошадь под номером 201 и начали усиленно рекламировать ее выдающиеся качества.

— Цена лошади шесть тысяч долларов. Теперь семь, кто больше? Семь триста, семь четыреста, семь пятьсот… Только семь пятьсот за эту прекрасную лошадь? Восемь! Благодарю! А кто же даст больше? Восемь пятьсот, восемь шестьсот… восемь семьсот. А кто даст больше? Повторяю, восемь семьсот. Предложит ли кто больше?

Пауза. Удар молотка, взгляд неодобрения в сторону публики, где сидели обладатели тугих кошельков.

— Господа! Слишком уж небольшая цена за эту превосходную двухлетку! Я продаю жеребенка, имеющего очень большие шансы на победу, за такую ничтожную сумму! Восемь тысяч семьсот долларов, когда минимальная цена такой лошади — девять тысяч! Кто даст больше, господа?

Сухая, украшенная кольцами и браслетами, рука вынула бамбуковый с золотом карандаш

из сумочки и подчеркнула какую-то цифру в программе «Ежегодная распродажа в Саратого». Номер 201, гнедой жеребец. Затем, серые глаза женщины обратились в сторону лошади, и она подняла карандаш.

— Предлагаю девять тысяч.

— Предлагают цену в девять тысяч долларов. Есть желающие прибавить что-нибудь к этой цене? Я, кажется, слышу девять сто? Нет? Мне показалось? — пауза, последний взгляд по рядам и удар молотка. — Лошадь продана за девять тысяч долларов. Благодарю вас, мисс!

Многие обернулись, вытянули шеи, чтобы лучше рассмотреть покупательницу, а женщина со скучающим видом что-то начала говорить человеку, сидящему рядом с ней.

И номер 201, Бей Колт, был уведен из круга, куда тут же ввели новую лошадь, испуганную обилием яркого света, незнакомых лиц и запахов.

В рядах позади Бонда началось какое-то движение. Лицо Лейтера появилось рядом с ним и послышался шепот:

— Дело сделано… Это стоит трех тысяч долларов… Но я перехитрил их. Запрещенный удар на последней двухсот-метровке, как раз в момент заключительного финишного рывка… О'кей!

Увидимся утром!

Шепот прекратился, лицо Лейтера исчезло, а Бонд продолжал, не оглядываясь, наблюдать за аукционом.

Идя домой после окончания аукциона, он вдруг почувствовал жалость к жокею Веллу, начавшему такую опасную игру за три тысячи долларов. Жалость его перешла и на лошадь Ши Смайл, которая должна была закончить скачки совсем не по правилам. Опять-таки из-за сделки ценой в три тысячи долларов.

Глава 12. Конец дела

Бонд сидел высоко на трибуне и в бинокль, взятый напрокат, наблюдал за владельцем Ши Смайл, который ел крабов. Гангстер сидел на отгороженном месте, четырьмя рядами ниже Бонда. Перед ним сидел Рози Бад, лениво тыкая вилкой в сосиски и кислую капусту и запивая все это пивом. Хотя большинство столиков было занято, именно около этого вертелись два официанта и часто подходил метрдотель для того, чтобы лично проверить, все ли в порядке.

Писарро выглядел, как гангстер в какой-нибудь нелепой кинокомедии. У него была круглая голова, а на лице обращали на себя внимание два крошечных глаза, огромный влажный розовый рот с плотно сжатыми губами и небольшой подбородок. Его тучное тело было затянуто в коричневый костюм и белую рубашку с большим воротничком и галстуком-бабочкой. Он не обращал никакого внимания на приготовления к первому забегу, весь сосредоточился на еде и иногда поглядывал на тарелку своего соседа, как будто хотел подцепить что-нибудь и у него.

У Рози Бада было жирное плотное тело, лицо игрока в покер, на котором под темными бровями глубоко прятались глаза. Он был одет в костюм из индийского шелка в полоску и темно-синий галстук. Одет был Рози Бад по последней моде. Ел медленно и изредка поднимал глаза от тарелки. Закончив есть, взял программу скачек и стал ее изучать, осторожно перелистывая страницы. Не поднимая глаз, отрицательно покачал головой, когда метрдотель предложил ему посмотреть меню.

Писарро дождался мороженое и, опустив голову, начал быстро поглощать его.

Изучая их в бинокль, Бонд раздумывал, к какому типу отнести этих людей… Он знал холодных, преданных своему делу, играющих в шахматы, русских. Шикарных и нервозных немцев. Молчаливых и беспощадных выходцев из Центральной Европы. Людей своего круга. Двуликих людей высшего общества. Солдат удачи. Тех, которые считали, что жить можно, рассчитывая на тысячу в год…

Появились результаты четвертого заезда, и оставалось не более получаса до интересующих его скачек. Бонд опустил бинокль и взял программу, ожидая, когда на табло появятся ставки.

Он еще раз взглянул на программу. Там было написано:

«Второй день. Четвертое августа.

Ставки неограничены. Можно получить 25000 долларов, 52 забега для трехлеток. Взнос — 50 долларов. Участники соревнования платят 250 долларов дополнительно. За выигрыш второго места полагается 5000 долларов, за третье — 2500 долларов, за четвертое — 1250 долларов. Приз вручается владельцу победившей лошади. Дистанция — миля с четвертью».

Затем перечислялось двенадцать лошадей с именами их владельцев, тренеров и жокеев и давался подробный анализ шансов на выигрыш.

Ведущими лошадьми считались: № 1 — Кам Агейн мистера Витнея и № 3 — Прей Экшн мистера Вудворта. Их шансы расценивались, как 6:4. Предполагаемым результатом лошади Ши Смайл мистера Писарро, тренер Бад и жокей Велл, было 15:1. Последняя лошадь по списку для пары. Ее номер был десятым. Бонд снова взял бинокль и навел его на ресторан. Те двое уже ушли. Он опять посмотрел на табло. Ведущим был № 3 при шансах 2:1. Кам Агейн потерял шансы. Шансы Ши Смайл были 20:1, потом увеличились до 18.

Оставалось несколько минут. Бонд выпрямился

и закурил сигарету, вспоминая слова Лейтера и раздумывая, удастся ли все это…

Накануне Лейтер проследовал за жокеем до его дома и показал ему свое удостоверение частного детектива. Он предупредил жокея, что если Ши Смайл победит, то он, Лейтер пойдет к Стюардам и откроет им всю правду, после чего Велл никогда больше не сможет участвовать в скачках. И у жокея оставалась только одна возможность спастись. Если он выполнит требование Лейтера, тот будет молчать о незаконном участии этой лошади в состязаниях. Ши Смайл должна выиграть скачку, но при этом дисквалифицирована. Все можно легко выполнить. Во время финального рывка жокей должен столкнуться с лошадью, идущей рядом. Сделать это нужно так, чтобы создалось впечатление, что он помешал другой лошади обойти себя и стать победительницей. В этом случае результат скачек будет отменен по протесту, а Велл будет иметь все основания настаивать перед своими хозяевами, что все это не более чем простая случайность, вызванная тем, что его лошадь споткнулась. Не будет оснований подозревать Велла в том, что он умышленно не хотел выиграть, так как Писарро обещал уплатить ему тысячу долларов в случае победы. Этот

случай можно будет расценить, как удар судьбы, которые нередки на скачках. За это Лейтер предложил Веллу тысячу долларов немедленно, а еще две тысячи — после соревнований.

После некоторых колебаний Велл согласился и попросил, чтобы Лейтер передал ему оставшиеся две тысячи в помещении для серных грязевых ванн, куда он ходит каждый вечер, чтобы похудеть и сбросить вес. Лейтер обещал вручить ему деньги в шесть часов вечера. Сейчас в кармане Бонда лежали две тысячи долларов, которые он с большой неохотой согласился передать Веллу, если все произойдет так, как было намечено.

Сработает ли все это?

Бонд через бинокль обвел взглядом ипподром. Он заметил четырех человек с камерами, снимающих скачки и отстоящих друг от друга на расстоянии четверти мили. Пленки сразу после скачек предоставляются судьям для просмотра. У контрольного поста на конечном этапе Бонд заметил человека, который несомненно, увидит все, что произойдет здесь. Бонд почувствовал возбуждение. Оставалось пять минут. Один круг и еще двести метров… Финиш находился как раз под ним. Бонд снова навел бинокль на Ши Смайл. Изменений ни в фаворитах, ни в ставках на Ши

Смайл не было.

На трек начали выводить лошадей. Первым шел № 1, вторым — фаворит — большая черная лошадь с эмблемой конюшни Витнея. За ней следовал претендент на первое место Прей Экшн, серая кобыла с эмблемой Вудворта. В конце двигалась лошадь со звездочкой во лбу и в белых чулочках, рядом с ней шел жокей с бледным лицом в костюме светло-лилового цвета с черными ромбами на спине и груди.

Лошадь шла настолько хорошо, что Бонд, взглянув на табло, не удивился росту ставок. Они опустились до 17, потом до 16. Бонд продолжал наблюдать за табло, гак как знал, что в начале забега ставки обычно сильно возрастают. По радио объявили о начале забега, и лошади выстроились перед стартовой линией. Цифры на табло замелькали: 15, 14, 12, 11 и, наконец 9:1, затем цифры замерли и тотализатор закрылся. А сколько еще тысяч по телеграфным линиям разошлось по разным конторам?

Резко прозвучал гонг. В воздухе стоял запах озона и было очень шумно. Лошади сорвались с места, и комья земли полетели из-под копыт. Бонд обратил внимание на то, что лица многих зрителей были бледными и напряженными. Тем-

ные очки, блекс безумных глаз и смешавшиеся номера лошадей, среди которых Бонду удалось различить только роковой номер 10… Затем пыль осела. Коричне-темная масса лошадей появилась на повороте и стала выходить на прямую.

Впереди на полный корпус шла лошадь под номером пять. За ней лошади под номером три и одиннадцать. Десятый номер отставал от лидеров всего на один корпус. Впереди бежали только эти четыре лошади, а остальные находились на три корпуса сзади. Поворот, и лидером стала черная лошадь Витнея. Лошадь под номером десять бежала четвертой… На прямой впереди оказался номер третий. Велл на гнедом шел за ним вплотную. Обе лошади обошли номер пятый и вскоре поравнялись с номером один. Затем снова поворот, выход на прямую, и номер три, за которым почти вплотную шла Ши Смайл, оставил почти на корпус позади лошадь под номером один. Ши Смайл приближалась к лидеру. Она поравнялась с ним, и они вместе стали входить в поворот, последний поворот… Бонд задержал дыхание. Сейчас! Сейчас! Казалось, он слышит жужжание камеры у последнего белого поста.

Лошадь под номером десять находилась впереди, проходя поворот по внешнему кругу, а номер

три шла по внутренней стороне. Толпа кричала, подбадривая фаворита. Велл низко наклонил голову к шее лошади так, что вполне мог потом сказать, что не видел лошади на внутреннем круге. Дюйм за дюймом лошади сближались, и внезапно голова Ши Смайл ударилась о голову лошади под номером три… Ши Смайл вырвалась вперед. Жокей Прей Экшн вынужден был внезапно подняться на стременах для сохранения равновесия, и Ши Смайл оказалась впереди на целый корпус.

Толпа издала сердитый рев. Бонд опустил бинокль и сел, глядя, как гнедая лошадь стремительно пронеслась, минуя пост, который находился прямо под ним. Прей Экшн отставала от нее теперь на пять корпусов, а за второе место с ней боролась Кам Агейн.

«Неплохо, — подумал Бонд в то время, когда вокруг него бушевала толпа. — Совсем неплохо. И так превосходно жокей наклонил голову! Настолько превосходно, что даже Писарро придется согласиться, что Велл не мог видеть другую лошадь».

Это был вполне естественный наклон для последней прямой. Жокей все еще продолжал наклонять голову, проезжая пост, как будто думал,

что идет только на полкорпуса впереди.

Бонд следил за появлением результатов. Вдруг раздался свист.

«Номер 10, Ши Смайл, пять корпусов. Номер 3, Прей Экшн, полкорпуса. Номер 1, Кам Агейн, три корпуса. Номер 7, Нирамделла, три корпуса».

Лошади еще некоторое время после финиша бежали, не останавливаясь, а толпа пронзительно вопила, когда Тинга-линг Велл слез с лошадч и, сняв седло, понес его к весам.

А потом раздались громкие, одобрительные возгласы. Против имени Ши Смайл четкими белыми буквами на темном фоне табло было написано: «Опротестовать». И одновременно с появлением надписи по радио объявили:

«Просим внимания. В этом забеге жокеем Т. Ланни на лошади Прей Экшн за номером три заявлен протест против жокея Т. Велла на лошади Ши Смайл за номером десять. Не уничтожайте ваших билетов. Я повторяю, не уничтожайте ваших билетов!»

Бонд вынул платок и вытер руки. Он мог представить себе сценку, которая в настоящий момент происходила в кинозале за судейской будкой. Фильм будет тщательно изучаться. С оскорбленным видом там будет стоять Велл, а рядом с ним, с

еще более оскорбленным видом — жокей лошади номер три. Будут ли при этом присутствовать разгневанные владельцы лошадей? Будут ли стекать струйки пота с жирного лица мистера Писарро за воротник? И будут ли некоторые из владельцев лошадей, присутствующих там, бледны и растеряны?

Голос диктора по радио вновь объявил:

«Просим внимания. Сообщаем результаты рассмотрения протеста. Внимание! В закончившемся забеге лошадь под номером десять — Ши Смайл дисквалифицируется. Победителем заезда объявляется лошадь, бежавшая под номером три — Прей Экшн. Это официальный результат скачек».

Среди бушующей толпы Бонд быстро поднялся со своего места и прошел к бару. Теперь нужно было расплатиться с Веллом. Возможно, «бурбон» с водой поможет ему, и в голову придет какая-нибудь подходящая мысль о том, как лучше передать деньги. Это его весьма беспокоило. И тем не менее, лечебные ванны казались достаточно спокойным местом. В Саратого еще никто не знал его. Но после того, как он передаст деньги, он уже больше никогда не будет оказывать услуг Пинкертону. После всего этою нужно будет

позвонить Шеди Трику и сообщить ему, что предназначенные ему, Джеймсу Бонду, пять тысяч долларов получить не удалось. Пусть побеспокоится об уплате. Было смешно помогать Лейтеру и дальше обводить этих людей вокруг пальца. Бонду надо было начинать действовать.

С этими мыслями он устремился в переполненный бар.

Глава 13. Грязелечебница

В маленьком красном автобусе были только негритянка с иссохшейся рукой и девушка, сидевшая около шофера и старавшаяся спрятать свои больные руки и голову, закрытую темной вуалью.

Автобус, украшенный вдоль обоих бортов яркой надписью: «Лечебные грязи и серные ванны. Ходит один раз в час», ехал по городу, не подбирая пассажиров. С основной дороги он свернул на боковую, покрытую гравием, идущую через плантации молодых пихт. Проехав полмили, автобус свернул к холму, к группе серых деревянных домов. Высокая кирпичная труба возвышалась в центре одного из этих зданий, и из нее валил густой черный дым.

Перед зданием ванн не было видно никого, но когда к площадке, крытой гравием, подошел автобус, из двери с проволочной сеткой вышли два пожилых человека и цветная женщина и стали ждать, пока все пассажиры выйдут из автобуса. Когда Бонд ступил на землю, ему в нос ударил запах серы. Бонд отошел от входа и сел на камен-

ную скамью, стараясь приготовить себя к тому, что с ним должно было произойти за дверью, закрытой решеткой, и пытаясь побороть отвращение к этому ужасному запаху. Он говорил себе, что у него просто реакция здорового организма, что это влияние черной трубы с мрачным дымом из нее, но на самом деле все эти ощущения были невольным протестом против того, чтобы войти в эту дверь, выпачкать свое чистое тело грязью и подвергнуться неприятной процедуре, вполне обычной в этом заведении.

Автобус уехал, и он остался один. Было абсолютно тихо, и Бонд заметил, как в боковом окошечке возникли два глаза. Это место как будто смотрело на него, следило за ним, ждало его… А войдет ли он? Получат ли они его?..

Бонд съежился. Он встал и пошел по гравийной дорожке, поднялся по деревянным ступеням, и решетчатые двери захлопнулись за ним.

Он очутился в темной комнате, приемной. Запах серы здесь был еще сильнее. За железной решеткой стоял стол, а на нем в рамках висели рекомендации. Там же висело объявление, написанное от руки заглавными буквами:

«Чувствуйте себя, как дома, в нашей лечебнице. Познайте секрет здоровья!»

Пожилая женщина с копной рыжих волос и печальным лицом, положив палец на месте в книге, на котором она остановилась, подняла голову и спросила:

— Чем могу быть вам полезна?

Она спросила это голосом, в котором ясно чувствовалось, что она считает его новичком. Бонд с презрением посмотрел на нее.

— Я хочу принять ванну.

— Грязевую или черную? — свободной рукой она потянулась за билетами.

— Грязевую, — ответил Бонд.

— Не хотите ли вы купить абонемент? Это будет дешевле.

— Нет, только один билет, пожалуйста.

— Доллар пятьдесят центов, — сказала она.

Она подвинула Бонду билет и придерживала его до тех пор, пока Бонд не положил деньги.

— Куда мне идти?

— Направо, — ответила она, — вдоль по коридору. Ценные вещи лучше оставить здесь. — Она протянула ему большой белый конверт.

Она украдкой смотрела, как Бонд положил в него часы и. содержимое своих карманов, после чего написала на нем его имя.

Двадцать стодолларовых банкнот лежали во

внутреннем кармане пиджака Бонда, и он колебался, что с ними делать, не положить ли и их туда же. Потом все же отдал конверт.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Проходите, пожалуйста, — сказала она.

В конце комнаты находилась дверь с двумя указателями: направо и налево. На одной было написано «грязи», а на другой — «сера».

Бонд прошел в дверь, повернул направо и пошел вдоль сырого коридора с цементным полом. Он толкнул дверь в конце коридора и очутился в длинной комнате с высоким потолком, который был одновременно стеклянной крышей, и с кабинами вдоль стен. В комнате было жарко и стоял запах сероводорода. Два обнаженных молодых человека с серыми полотенцами вокруг бедер сидели за столом около окна. На столе стояла пепельница, полная окурков, и поднос с грудой ключей. Когда Бонд вошел, они посмотрели на него, и один из них взял ключ с подноса и протянул Бонду. Бонд подошел и взял ключ.

— Двенадцать, — сказал мужчина. — У вас есть билет?

Бонд протянул ему билет, и мужчина жестом показал ему на кабину позади него.

— Ванные там! — сказал он, и оба продолжили

прерванную игру в кости.

В тускло освещенной кабине висело одно полотенце, которое от долгой стирки потеряло весь свой ворс. Бонд разделся и обвязался полотенцем вокруг бедер. Он вынул увесистый пакет с банкнотами и засунул его в нагрудный карман пиджака под носовой платок. Он решил, что вор вряд ли полезет в такое место. Потом, повесив оружие на выступающий крюк, вышел и запер за собой дверь.

Бонд не имел ни малейшего понятия о том, что увиди г за дверью в конце комнаты, и его первым впечатлением было, что он попал в морг. Он не успел еще опомниться, как к нему подошел толстый негр с опущенными вниз усами и оглядел его с головы до ног.

— На что жалуетесь, мистер? — спросил он.

— Ни на что, — коротко ответил Бонд. — Я просто хочу попробовать принять грязевую ванну.

— О'кей, — сказал негр. — А сердце у вас в порядке?

— Да.

— О'кей! Сюда, пожалуйста!

Бонд последовал за негром по спускающемуся цементному полу вниз к деревянной скамейке, стоящей около душевых кабин, в одной из кото-

рых какой-то мужчина очищался от грязи.

— С вами все будет в порядке, — сказал негр, ступая на мокрый пол и приступая к делу.

Бонд взглянул на тучного негра и у него сжалась кожа при мысли, что он отдаст свое тело этим грубым рукам с розовыми ладонями. Бонд не слишком любил негров, и он был рад, что Англия в этом отношении счастливее Америки: у нее не было проблемы цветных, которая ставилась здесь со школьной скамьи. Он улыбнулся, вспомнив о том, что сказал ему Лейтер во время их прежней встречи в Америке. Бонд обратился к мистеру Бигу, гарлемскому криминалисту, со словами: «этот проклятый негр». Лейтер остановил его:

— Осторожно, Джеймс, — сказал он. — Люди здесь очень чувствительны к цвету кожи. Гак что ты постарайся быть осторожным.

Воспоминание об этом наставлении Лейтера развеселило Бонда. Он отвел глаза от негра и перевел взгляд на грязелечебницу. Это была квадратная, серая, бетонная комната. Четыре электрических лампы без абажура отбрасывали мерцающий свет на мокрые стены и пол. Около стен на козлах стояли столы. Бонд автоматически сосчитал. Их было двадцать. На каждом столе стояли тяжелые деревянные ванны, на три чет-

верти закрытые крышками. В большинстве из них были видны покрытые потом люди, смотрящие в потолок. Несколько глаз с любопытством уставились на Бонда, но большинство красных лиц казались спящими.

Одна ванна была открыта, и крышка стояла у стены. Бонд решил, что именно она предназначена для него. Негр положил в ванну полотенце, разгладил его, потом пошел на середину комнаты, откуда взял два ведра, наполненные грязью до верха. Поставил их около открытой ванны, запустил в одно из ведер свою огромную руку, и размазал грязь по дну ванны. Он продолжал эту операцию до тех пор, пока не покрыл дно на два дюйма, и оставил ее застывать. Потом подошел к ванне, полной мелких кусочков льда. Положив несколько кусков в полотенце, он стал обходить занятые ванны и холодным полотенцем обтирать пот у пациентов.

Больше ничего в комнате не происходило. Было очень тихо, только шипел шланг. Потом шипение прекратилось, и чей-то голос проговорил:

— Порядок, мистер Вейс, на сегодня хватит.

И толстый волосатый, совершенно обнаженный, мужчина выбрался из душевой кабины, подождал, пока служащий поднесет ему халат

и проведет через дверь, в которую только что вошел Бонд. Потом служащий подошел к двери в конце зала и вышел из нее. Несколько мгновений через эту дверь лился дневной свет, и Бонд увидел зеленую траву и голубое небо, а затем служащий вернулся с двумя новыми ведрами грязи, и дверь захлопнулась.

Негр подошел к ванне Бонда и дотронулся до грязи рукой. Потом обернулся и кивнул Бонду.

— О'кей, мистер, — сказал он.

Бонд подошел, и служащий взял у него полотенце и повесил на крючок над ванной вместе с ключом от кабины. Бонд стоял перед ним совершенно голый.

— Вы когда-нибудь принимали что-то подобное, мистер?

— Нет.

— Я так и думал, так что сделаю вам грязь с температурой в сто одиннадцать градусов. Если вы захотите, потом увеличу температуру. Ложитесь сюда.

Бонд осторожно влез в ванну и лег. При первом соприкосновении с грязью почувствовал жгучую боль. Он медленно вытянулся и положил голову на чистое полотенце, положенное на надувную подушку.

Когда он улегся, негр засунул обе руки в ведро со свежей грязью и стал намазывать ее на тело Бонда. Грязь была шоколадного цвета, гладкой, тяжелой и вязкой. Запах горячего торфа ударил в ноздри Бонда. Он следил за сверкающими толстыми руками негра, которые работали над коричневой формой, которая когда-то была его телом. Знал ли Лейтер, как это все здесь выглядит? Бонд вАглЯнул на потолок и скорчил свирепую мину. Если это была одна из его шуток…

Наконец негр закончил свое дело, и Бонд оказался полностью закрытым грязью. Белыми остались лишь его лицо и небольшое пространство вокруг сердца. Он стал задыхаться, на лбу выступил пот.

Негр стремительно нагнулся и, взяв край простыни, завязал ее вокруг тела и рук Бонда. Затем он взял другую половину грязного савана и тоже обвязал вокруг тела Бонда. Теперь Бонд мог двигать только пальцами и головой, да и эти его движения были ограничены. После всего этого негр закрыл ванну тяжелой крышкой.

Потом негр взял грифельную доску с полки и, взглянув на часы, висевшие в дальнем углу комнаты, записал на ней время. Было ровно шесть часов.

— Двадцать минут, — сказал он. — Вы чувствуете себя нормально?

Бонд промычал в ответ что-то невразумительное.

Негр отошел от него, чтобы заняться другими делами, а Бонд молча уставился в потолок. Он чувствовал, что пот стекал по его лицу, заливал глаза. Он проклинал Феликса Лейтера.

В три минуты седьмого дверь открылась и на пороге появилась голая фигура Тингалинга Велла. У него было узкое настороженное лицо и худое тело, на котором можно было сосчитать все ребра. Он решительно вышел на середину комнаты.

— Привет, Велл, — сказал служитель. — Я слышал, что у тебя сегодня что-то стряслось. Плохо дело…

— Эти заправилы слишком бесстыдны, — грустно проговорил Велл. — Зачем бы мне было перебегать дорогу Ланни, он один из моих лучших друзей. И зачем мне надо было это делать вообще/ Скачки полностью контролировались. Эй, ты, черный ублюдок! — он выставил вперед ногу и пытался поддеть негра, несущего ведро с грязью. — Ты должен помочь мне сбросить сегодня шесть унций. К тому же они дали мне

множество поручений на завтра.

Негр переступил через вытянутую ногу и откашлялся.

— Не беспокойся, бэби, — сказал он, — ты быстро сбросишь вес, и все будет в порядке.

Дверь снова открылась, и один из игроков в кости просунул в нее голову.

— Привет! — сказал он служителю. — Мейбл говорит, что она никак не может дозвониться до кулинарии, чтобы принесли еду. Линия занята или испортилась.

— О, Боже, — сказал негр. — Скажи Джеку, чтобы он привез еду когда поедет обратно.

— О'кей!

Дверь закрылась. Неполадки в телефонной сети в Америке — редчайшая вещь. И это был тот момент, когда сигнал опасности должен был дойти до Бонда. Но вместо этого он взглянул на часы. Еще десять минут надо было лежать в этой грязи. Негр наклонился над ним и вытер ему пот холодным полотенцем. Это было приятно, и Бонд на минуту подумал, что вся эта процедура не так уж плоха, и, вероятно, действительно укрепляет здоровье.

Часы отстукивали секунды. Жокей улегся в ванну, стоящую перед Бондом, и Бонд услышал,

что он принимал ванну с температурой в сто тридцать градусов. Его так же завернули в простыню и закрыли ванну крышкой.

Негр на грифельной доске жокея написал: 6.15.

Бонд закрыл глаза и стал думать о том, как ему передать деньги жокею. В комнате для отдыха? Вероятно, там было что-нибудь, на чем можно полежать после процедуры. Или в проходе на обратном пути? Или в автобусе? Нет, лучше не в автобусе. Будет правильнее, если их не увидят вместе.

— Все в порядке. Никому не двигаться! Не волнуйтесь! Мы никого не тронем!

Это был тяжелый бесстрастный голос! в котором, однако, улавливались угрожающие нотки.

Бонд быстро открыл глаза. Его тело сжалось от ощущения наступившей опасности.

Дверь, выходившая на улицу, через которую приносили грязь, была открыта. В дверях стоял мужчина, другой стоял на середине комнаты. В их руках были пистолеты, а на головах — черные балахоны с прорезями для глаз и рта.

В комнате наступила тишина, которая нарушалась лишь звуками падающих капель в душевой. В каждой из кабин находился голый мужчина, и они выглядывали из кабин в комнату, глядя

через завесы воды и судорожно глотая воздух. Служитель неподвижно сто>:л, и вода из шланга лилась ему на ноги.

Человек с пистолетом, находившийся в комнате, подошел к негру, стоявшему с полными ведрами в руках и дрожавшему гак, что часть грязи выливалась через край.

Бонд увидел, как человек, глядя негру прямо в глаза, перехватил пистолет за ствол и ударил в живот. Гот закричал и упал, его голова коснулась сапога мужчины так, что показалось, будто он поклонился ему. Мужчина отдернул ногу.

— Где жокей? — спросил он. — В котором корыте Велл?

Негр поднял правую руку, и мужчина подошел к тому месту, где Бонд лежал ногами к голове Велла. Человек сначала посмотрел в лицо Бонда: два блестящих глаза взглянули на него через прорези маски балахона. Человек прошел дальше и остановился около жокея.

Какое-то время он стоял, не двигаясь, потом подпрыгнул и уселся на крышку ванны Велла, глядя ему в глаза.

— Ну-ка, Тингалинг Велл, — проговорил он, и в голосе его было неестественное дружелюбие.

— В чем дело? — голос Велла звучал резко и

испуганно.

— Как Тингалинг, — мужчина говорил насмешливым тоном, — у тебя есть что-нибудь в мыслях?

Жокей судорожно глотнул воздух.

— Может быть, ты никогда не слышал о Ши Смайл? И ты не был там сегодня, когда она нарушила правила? Сегодня утром, а? — голос звучал жестко.

Жокей тихо заплакал.

— Ради Бога, простите меня! Это была не моя вина. С каждым может такое случиться…

Это звучало, как хныканье ребенка перед наказанием. Бонд вздрогнул.

— Мои друзья говорят, что это была хитрая уловка, — мужчина наклонился над жокеем, и голос его стал еще более жестким. — Мои друзья сказали, что жокей мог сделать это только преднамеренно. Они осмотрели твою комнату и нашли гранд — тысячу долларов в патроне лампы. Мои друзья просили меня узнать, откуда у тебя эти деньги?

Резкий удар и пронзительный крик раздались одновременно.

— Признавайся, или я выбью из тебя мозги!

Бонд снова услышал удар. Из ванны раздался

стон.

— Это мои деньги. Это все, что у меня есть. Я спрятал их в лампе. Это мои деньги, я вам клянусь! Ради Бога, вы должны мне поверить! Вы должны поверить!

Голос всхлипывал и умолял.

Человек издал отвратительное мычание и поднял пистолет так, что он попал в поле зрения Бонда. Он соскочил с крышки ванны и, глядя в лицо жокея, продолжал елейным голосом:

— За последнее время ты часто участвовал в скачках. Ты в плохой форме, тебе нужен отдых. Тебе нужна тишина, как в санатории.

Человек медленно отошел от ванны, продолжая говорить. Теперь он находился вне поля зрения жокея, а Бонд увидел, как он нагнулся и взял ведро с грязью, над которым клубился пар. Потом человек вернулся обратно, низко держа ведро и все время говоря что-то. Потом подошел еще ближе к ванне жокея и посмотрел вниз. Бонд весь сжался и почувствовал, как тяжело давит на грудь грязь.

— Я уже сказал тебе, Тингалинг, абсолютная тишина… Некоторое время ничего не есть. Прекрасная тенистая комната с задернутыми светонепроницаемыми шторами.

Мягкий голос монотонно звучал в мертвой тишине. Руки стали медленно подниматься. Выше… выше…

Потом жокей увидел ведро и понял, что сейчас произойдет. И он начал вопить:

— Нет, нет, нет!!!

Хотя в комнате было жарко, от черной грязи в ведре шел пар, когда она стала медленно вытекать из ведра. Человек отступил в сторону и бросил опустевшее ведро служителю, в которого оно ударило. Потом подошел к напарнику, все так же стоявшему в двери. Он обернулся.

— Никаких шуток и без полиции! Телефон отключен. — Он резко рассмеялся. — Лучше откопайте этого парня до того, как его глаза окончательно поджарятся.

Дверь захлопнулась, и в комнате воцарилась тишина, которую нарушала только вода, льющаяся в кабинах.

Глава 14. Мы не терпим ошибок

— Что произошло дальше?

Лейтер сидел на стуле в комнате Бонда в мотеле, а Бонд шагал по комнате взад и вперед, останавливаясь лишь для того, чтобы выпить виски из бутылки, стоявшей на столике около кровати.

— Ужасный хаос, — ответил Бонд. — Каждый умолял служителя выпустить его из ванны, а служитель при помощи шланга смывал грязь с лица Тингалинга и кричал двум другим служителям, чтобы они помогли ему. На полу стонал негр. Обнаженные мужчины из душевых кабин метались, как цыплята с отрезанными головами, а двое мужчин, которые играли в кости, подбежали и сняли крышку с ванны Велла, распеленали его и понесли под душ. Я думаю, что он был почти при смерти, наполовину удушенный грязью. Все его лицо было покрыто ожогами. Это было ужасное зрелище! Потом один из голых мужчин взял себя в руки и стал обходить ванны, снимая с них крышки, и вскоре в комнате оказалось двенадцать голых мужчин, покрытых грязью, и только один свободный душ. Постепенно все встало на

свои места. Кто-то из служителей вышел, чтобы поехать за «скорой помощью». Кто-то вылил воды на негра, и он пришел в себя. Стараясь казаться не очень заинтересованным, я постарался выяснить, кто были эти два человека с оружием, но их никто не знал. Я подумал, что они из другого города. И никто больше так не думал об этом, потому что никто не пострадал, кроме жокея. Все хотели только одного: поскорее смыть грязь и убраться оттуда.

Бонд сделал еще один глоток виски и закурил сигарету.

— Было ли что-нибудь больше всего запомнившееся у этих двух молодчиков? — спросил Лейтер. — Рост, одежда, еще что-нибудь?

— Мне было плохо видно человека, стоявшего в дверях, — ответил Бонд. — Он был ниже второго ростом и тоньше его. На нем были серые брюки и темный пиджак. Пистолет калибра 45. Возможно, кольт. Другой, который все это проделывал, высокого роста и довольно полный. Двигался быстро. Черные брюки и коричневый пиджак с белыми полосками, без пальто и без галстука. Черные дорогие ботинки. Калибр 38 полицейского образца. Часов на руке не было. Да! — внезапно вспомнил Бонд. — У него на верхней части большого паль-

ца правой руки есть бородавка. Она выглядит красной, как будто он обкусывает ее.

— Винт, — уверенно сказал Лейтер. — А другого зовут Кидд. Они всегда работают вместе. Лучшие кадры шайки Спенгов. Винт — ублюдок, настоящий садист. Он всегда сосет свою бородавку на пальце. Его прозвали «Ветренный трус». У этих молодчиков у всех есть клички. Винт не любит путешествовать, его укачивает в машинах и поездах, и он считает, что самолеты — это западня. Приходится отдельно оплачивать, когда ему по ходу работы нужно передвигаться по стране. Но он весьма полезен, когда стоит на земле. Кидд — приятный малый, и друзья зовут его Буффи. Вероятно, основному он научился у Винта. Такие люди и становятся страшными ублюдками-убийцами. У Кидда седые волосы, хотя ему только тридцать лет. Это одна из причин, по которой они любят работать в капюшонах, но когда-нибудь этот молодчик Винт пожалеет, что не снял бородавку. Я сразу подумал о нем, когда ты сказал о бородавке. Думаю пойти в полицию и заявить о них. И я расскажу им всю подноготную о Ши Смайл, а остальное они сделают сами. Сейчас Винт и его дружок садятся в поезд, но тем не менее не повредит поддать им немного жа-

ру. — Лейтер подошел к двери и обернулся. — Не волнуйся, Джеймс, я вернусь через час и мы хорошо пообедаем. Я выясню, куда доставили Велла, и мы передадим ему деньги. Может быть, это немного развеселит беднягу. До скорой встречи!

Бонд разделся и минут десять мылся в душе, чтобы полностью избавиться от воспоминаний о грязевой ванне. Затем он оделся и пошел к телефонной кабине, откуда заказал разговор с Шеди Триком.

— Линия занята, мистер, — сказала телефонистка — Вы подождете?

— Да, пожалуйста, — сказал Бонд.

Когда он убедится, что горбун находится в своей конторе, то сможет сказать ему, что уже неоднократно пытался дозвониться, но линия была занята. Шеди наверняка спросит, почему же он сразу не позвонил ему и не рассказал о Ши Смайл. Будучи свидетелем того, что произошло с жокеем, Бонд был еще более склонен пощекотать нервы «Спенг Моб» рассказом о происшедшем.

Телефон издал сухой дребезжащий звук, характерный для вызова в американской телефонной сети.

— Вы заказывали Висконсин 7-3697?

— Да.

— Ваш номер освободился. Говорите с Нью-Йорком.

В трубке раздался высокий голос горбуна.

— Слушаю. Кто говорит?

— Джеймс Бонд. Я пробовал дозвониться к вам раньше.

— Да?

— Я ничего не получил от скачки Ши Смайл.

— Я все знаю. В этом виноват жокей. Ну и что?

— Деньги…

На другом конце провода стало тихо.

Потом горбун сказал:

— О’кей! Мы начнем снова. Я перешлю вам тысячу долларов, которые вы выиграли у меня. Помните?

— Да, конечно.

— Подождите у телефона. Я позвоню вам через несколько минут и скажу, что с ними делать. Где вы остановились?

Бонд сказал ему, где.

— О’кей! Утром вы получите деньги.

Телефон замолчал.

Бонд подошел к прилавку и просмотрел заголовки газет. Он был удивлен, но ему нравился трезвый расчет этих людей. Они, конечно, были правы: где бы мог он, англичанин, добыть в

Америке пять тысяч долларов, кроме как в какой-нибудь игре. Что же будет дальше?

Телефон снова зазвонил, и Бонд вошел в кабину, закрыв за собой дверь.

— Это вы, Бонд? Слушайте меня внимательно. Вы получите их в Лас-Вегасе. Возвращайтесь в Нью-Йорк и садитесь в самолет, билет запишите на меня, я оплачу его. Самолетом до Лас-Анджелеса, а потом в Лас-Вегас, туда ходит самолет местной линии. Вам заказан номер в «Тиаре». Осмотритесь вокруг и слушайте внимательно. Точно в десять пятнадцать во вторник вечером подойдете к центральному из трёх столов для игры в очко в отеле «Тиара». Столы стоят в комнате, примыкающей к бару. Вы поняли?

— Да.

— Садитесь и играйте по максимальной ставке в одну тысячу долларов. Играйте пять раз. Затем встаньте и рассчитывайтесь. Вы меня поняли?

— Да.

— Ваш чек в «Тиаре» оплачен. После игры ждите дальнейших указаний. Вы поняли? Повторите.

Бонд сделал это.

— Так, — сказал горбун, — не говорите лишнего и не делайте ошибок. Нам ошибки не нравятся. Вы это поймете, когда прочтете завтрашние

газеты.

Раздался мягкий щелчок. Бонд положил трубку и с задумчивым видом пошел в свою комнату.

Очко! Старая игра детских лет в «двадцать одно»… Это напомнило ему о других баталиях в других детских комнатах для игр: о подростках, считающих цветные игральные кости, у каждого игрока их было на шиллинг, и возбужденных от того, что, перевернув десятку или туза, получаешь деньги в двойном размере. Трепет перед пятой картой, когда у одного уже есть семнадцать очков и ему нужно было только еще четыре или меньше…

Теперь он снова собирался играть в детскую игру. На этот раз сдающий карты будет шулером, а цветные фишки в его ставке будут оцениваться сотнями долларов. Он вырос, и теперь это настоящая взрослая игра.

Бонд лег на кровать и уставился в потолок. Пока он ждал Лейтера, его мысли перенеслись в город азартных игр, заставляя задуматься о том, что там может произойти, и еще о том, как часто ему удастся видеться с Тифани Кейс.

В пепельнице было пять окурков, когда он услышал шаги Лейтера по наружной гравийной дорожке. Они вместе подошли к «студиллаку»,

а когда ехали, Лейтер рассказал ему последние новости.

Мальчики из шайки Спенга провели всех: Писарро, Бада, Винта, Кидда. Теперь Ши Смайл путешествовала в клетке через континент, направляясь на ранчо в Неваде. ФБР уже знает об этом.

— Без тебя, как свидетеля, никто не будет дознаваться, кто были эти двое, орудовавшие в грязелечебнице. И я был бы очень удивлен, если бы ФБР занялось бы Писарро и его лошадью. Они оставили это мне и моей конторе. Я переговорил с моим начальством, и мне предложили ехать в Лас-Вегас и каким-нибудь образом установить, где захоронены останки настоящей Ши Смайл. Я должен сам заняться этим делом. Как это тебе нравится?

Не успел Бонд ответить, как они подъехали к единственному приличному ресторану в Сарато-го «Бабочке». Они вышли из машины и поручили наблюдение за ней швейцару.

— Хорошо, что мы можем пообедать вместе, — сказал Лейтер. — Ты никогда не ел омаров, жареных в масле, как они готовятся здесь? Но знаешь, это было бы не так приятно, если рядом за столом сидел бы кто-нибудь из ребят Спенга и

жрал бы спагетти с соусом «Карузо».

Было поздно, и большинство гостей уже заканчивали обед и подавались на аукцион. Они сели за столик в углу, и Лейтер попросил официанта не очень торопиться с омарами, а принести пока два «мартини» с вермутом «Крестоба-инка».

— Итак, ты собираешься ехать в Лас-Вегас? — сказал Бонд. — Смешной набор совпадений…

И он рассказал Лейтеру о своем разговоре с Шеди Триком.

— Все вполне закономерно, никаких случайностей, — возразил Лейтер. — В этом нет никакого совпадения. Мы оба двигаемся ощупью, и наши дороги ведут в Лас-Вегас. Но сначала мне надо кое-что подчистить здесь в Саратого. Надо будет оформить кучу отчетов. Половина моей жизни у Пинкертона связана с отчетами. Но я буду в Лас-Вегасе к концу недели. Я не смогу часто видеть тебя прямо под носом Спенга, но изредка мы сможем видеться или обмениваться записками. Вот, что я тебе скажу, — добавил он. — У нас есть человек, секретный агент. Шофер такси по имени Курсо, Эрни Курсо. Хороший парень. Я сообщу ему, и он присмотрит за тобой. Он знает все, что там происходит, и знает всех приезжающих из других шаек. Он даже знает, где можно найти

одноруких гангстеров, которым за работу платят бешеные деньги. А это самый большой секрет в этом проклятом гангстерском мире. Ты ничего не видел, раз не видел этого мира. Пять миль игорных домов… Неоновый свет, после которого Бродвей кажется рождественской елкой…

Лейтер рассмеялся.

— Черт, тебе легко с этой шулерской оплатой за столом для игры в очко! По приезде в Лондон ты сможешь похвастаться тем, как ты их получил в «Тиаре», — Лейтер отхлебнув виски. — Но лучше я тебе преподам основы их игры в карты, на случай, если тебе придется ставить свои пенни против их горшков с золотом.

— Валяй.

— Я действительно имею в виду горшок с золотом, — продолжал Лейтер. — Видишь ли, Джеймс, весь штат Невада, как это считает публика, состоит из Рено и Лас-Вегаса и является горшком золота на конце радуги. Человек расценивается в соответствии с ценой билета на самолет, ставкой в азартных играх. И это действительно так. Не так давно, когда игра в кости велась правильно, молодой Джи Ай сделал двадцать восемь прямых проходов на столе для игры в кости в гостинице «Десерт»… Двадцать восемь! Если бы он начал с

доллара и ему позволили бы превысить установленные лимиты, он бы выиграл двести пятьдесят миллионов! Конечно, ему не дали этого сделать! В лучшем случае, людям удавалось выиграть до ста пятидесяти тысяч долларов. Джи Ай выиграл семьсот пятьдесят долларов и бросился бежать, как будто за ним гнался черт. Они так никогда и не узнали его имени. Сегодня эта пара игральных костей лежит на красной сатиновой подушечке в казино гостиницы «Десерт».

— У них, вероятно, хорошая реклама?

— Хорошая жизнь! — ответил Лейтер. — Все мужчины в мире до сегодняшнего дня не могли и мечтать об этом. Казино сделало эту самую большую мечту реальностью и, скоро ты сам увидишь этих жаждущих в казино. В одном из них используются восемьдесят пар костей каждые двадцать четыре часа, сто двадцать пачек пластмассовых карт, пятьдесят машин возвращаются обратно на рассвете. И ты увидишь маленьких леди в перчатках, работающих на этих автоматах. У них есть продуктовые корзинки для монет. Они работают за этими автоматами по десять, двадцать часов в день, не уходя в комнату отдыха. Ты мне веришь? Ты знаешь, почему они носят перчатки? Чтобы их руки не кровоточили…

Бонд недоверчиво усмехнулся.

— Ладно, ладно, — согласился Лейтер. — Я уверен, что эти леди быстро погибают. Истерия, сердечные приступы, параличи… Разноцветные и звенящие деньги, проходящие перед ними, навечно поселяются в их мозгу. Но при всех казино есть врачи, дежурящие круглосуточно, и маленьких старушек вовремя уносят, когда они начинают кричать: «Банк! Банк!», словно это имя их любовника. Взгляни на скромные залы «Бинго», колеса фортуны и множество игровых автоматов в нижней части города, в «Золотом самородке» и в «Подкове». Но не следует ходить туда. Мне посчастливилось узнать о ставках, а я знаю, как ты любишь азартные игры… Так что сделай мне одолжение, не ходи туда и, вообще, вбей себе в голову то, что я тебе сейчас скажу. Теперь записывай…

Бонд вынул карандаш и оторвал от меню кусочек бумаги. Лейтер взглянул на потолок.

— : Что же получают Спенги? Пять процентов — «Блекдиак» — он взглянул на Бонда. — Кроме того, плут, в твоей игре в рулетку — пять с половиной процентов! До пятнадцати процентов в «Бинго» и «Колесе счастья», и пятнадцать-двадцать процентов — в автоматах. Не так уж и плохо, правда?

Каждый год одиннадцать миллионов посетителей играют в пользу мистера Спенга и его друзей. Возьми двести долларов как средний капитал каждого простака, и ты сможешь подсчитать, сколько за год остается в Лас-Вегасе от игры.

Бонд положил карандаш и обрывок бумаги в карман.

— Спасибо за информацию, Феликс, но ты, кажется, забыл, что я еду туда не для отдыха!

— О'кей, черт тебя подери! — сказал Лейтер. — Но не вздумай жульничать в Вегасе. У них все поставлено на широкую ногу, и они не потерпят никаких трюков. — Лейтер перегнулся через стол. — Я хочу рассказать тебе одну вещь. Недавно там побывал один из таких дельцов. Кажется, играл в очко. Решил сам заняться бизнесом и сунул несколько банкнот в карман во время игры. Они это заметили. На следующий день какой-то парень ехал в город из Баудер-сити и увидел что-то розовое, торчащее из кустов. Может быть, цветок кактуса или что-нибудь другое… Он остановился и решил посмотреть… — Лейтер ткнул Бонда пальцем в грудь. — Дружище, эта торчащая розовая вещь оказалась рукой, в ней была колода карт, развернутая веером. Приехала полиция с лопатами и откопала парня. Это был тот самый

игрок… Они пробили ему сзади голову и закопали. Смешная проделка с рукой и картами должна была служить предостережением для других. Ну, как тебе это нравится?

— Неплохо, — сказал Бонд.

Им принесли обед, и они начали есть.

— Отметь для себя, — сказал Лейтер, поглощая омара. — этому парню следовало бы знать, на что он идет со своим бизнесом. Они хорошо все организовали в этих казино. Посмотри на свет, льющийся с потолка. Очень современно! Просто отверстия, из <оторого свет падает на столы. Но взгляни еще раз, и ты увидишь, что в некоторых нет света. Сначала кажется, что они сделаны для того, чтобы был выдержан общий рисунок. — Лейтер покачал головой. — Это совсем не так, друг мой! На верхнем этаже расположена телекамера на подвижной тележке, которая, двигаясь по полу, делает снимки через эти пустые отверстия. Один из видов контроля за игрой. Если они интересуются кем-то из игроков или одним из сдающих карты, они снимают полностью всю игру. И за этим столом каждая карта контролируется молодчиками, сидящими там, наверху. Красиво, да? Эти люди знают все, кроме запаха… А тог парень надеялся, что в этот момент камеры

не будет. Роковая ошибка!

Бонд улыбнулся Лейтеру.

— Я буду очень осторожен, — обещал он. — Но не забывай, что мне надо сделать еще один шаг вдоль алмазной трубки. Мне действительно надо как можно ближе подойти к Серафиму Спенгу, твоему другу, и я не могу это сделать, просто послав ему визитную карточку. Я тебе скажу еще кое-что, Феликс, — голос Бонда звучал размеренно. — Я совершенно неожиданно вошел в эту игру против братьев Спенгов. Мне не понравились те двое в капюшонах и то, что один из них ударил негра. Кипящая грязь… Я не возражаю, если бы он просто избил человека, то есть действовал обычным методом полицейских и бандитов. Но эта грязь обнаружила их отвратительные замашки. И я стал противником Писарро и Бада, — голос Бонда звучал как-то просительно. — Я считал, что должен предупредить тебя об этом.

— О'кей! — Лейтер оттолкнул пустую тарелку. — Я побуду здесь еще и постараюсь собрать все данные. Я скажу Эрни, чтобы он присматривал за тобой. Но не думай, что ты сможешь обратиться к адвокату или британскому консулу, если у тебя возникнет конфликт с шайкой. Там существует лишь одна законодательная фирма:

Смит и Вессон, — он стукнул по столу своим протезом. — Лучше выпить по последней рюмке «бурбона» с водой. Ты едешь в пустыню сухую и до черта жаркую в это время года. Никаких рек, никаких источников воды. Ты будешь пить ее с содой, а потом вытирать пот со лба. В тени сто двадцать градусов. Только там совсем нет тени.

Им принесли еще виски.

— Мне будет не хватать тебя, Феликс, — сказал Бонд, обрадованный тем, что может немного отойти от своих мыслей. — И некому будет учить меня американскому образу жизни. А между тем, мне кажется, что ты проделал тонкую работу с Ши Смайл. Хорошо было, если бы ты мог пойти со мной разоблачать Спенгов. Вместе нам, наверное, удалось бы это сделать.

Лейтер тепло взглянул на друга.

— Если ты работаешь на Пинкертона, такой тип работы не подходит, — ответил он. — Я тоже слежу за гангстером, но я должен взять его по закону. Если мне удастся выяснить, где находятся останки лошади, то этому бандиту придется несладко. Но я должен жить здесь, и если я вступлю в борьбу со Сленгами, их друзья найдут способ сделать со мной, моей семьей и моими друзьями все, что угодно. Они не остановятся до тех пор,

пока не навредят мне больше, чем я им. Не очень приятно, согласись, придти домой и найти его сожженным вместе с сестрой. Я боюсь, что в этой стране такое может вполне произойти. Посмотри на материалы о корпорации убийц. Посмотри на отчет Кефаулера. Сейчас гангстеры уже не интересуются спиртными напитками. Они управляют государством… Вернее, его правительством… Они полностью управляют такими штатами, как Невада. Об этом пишут в книгах и газетах, об этом говорят в речах и проповедях. Но все летит к черту на деле… — Лейтер горько рассмеялся. — Может быть, ты сможешь нанести удар нашей свободе, домашнему уюту и красоте с помощью твоей пушки? Это все еще «Беретта»?

— Да, — ответил Бонд, — все та же «Беретта».

— И у тебя все еще есть номер с двумя нолями, дающий право убивать?

— Да, — сухо ответил Бонд. — И это тоже.

— Тогда все хорошо, — сказал Лейтер, тяжело вставая с места. — Тогда хорошо… А теперь пойдем домой и постараемся выспаться. Дай отдых твоим глазам, чтобы они были зорче. Я думаю, тебе это очень пригодится.

Глава 15. Улица мира

Самолет описал дугу над искрящимся синим Тихим океаном, потом пролетел над Голливудом и набрал высоту, чтобы пройти над коньком Пасс и через высокие золотистые хребты Сьерра-Пай.

Бонд увидел бесконечные ленты проспектов с высокими пальмами. Поливальные машины на изумудных лужайках перед грандиозными домами. Крупные авиационные заводы. Множество киностудий с множеством декораций. Городские улицы, загородные ранчо, что-то наподобие миниатюрного трека, четырех мачтовая шхуна в натуральную величину, вкопанная в землю. Затем они перелетели через горы и оказались над бесконечной красной пустыней.

Они пролетели над Берстоу, откуда берет начало дорога Санта Фе, ведущая через пустыню Плато Колорадо, оставив справа горы Калико, которые когда-то были мировым центром добычи буры, и оставив далеко слева сухие песчаники Мертвой долины. Потом снова появились горы с отблесками солнца, потом зелень и начался спуск с обычным предупреждением: «Пристегните,

пожалуйста, ремни и потушите сигареты».

Горячий воздух обжег лицо Бонда, и по нему начал струиться пот, когда он находился на дороге между прохладным самолетом и предвещающим прохладу аэропортом с кондиционированным воздухом. Когда он приблизился к зданию, стеклянные двери, управляемые фотоэлементом, раскрылись и немедленно закрылись за ним. И сразу же на его пути оказались четыре автомата. Было вполне естественно, тут же вынуть мелочь и нажать на кнопки, смотреть, как появляются лимоны, апельсины, вишни. Пять центов, десять центов, двадцать центов… Бонд опробовал все автоматы, и только один выдал ему обратно три монетки, которые он только что опустил в него. Когда он двинулся дальше, ожидая багаж, в глаза бросилась надпись над большой машиной, в которой, вероятно, была вода со льдом. Надпись гласила: «Кислородный бар». Он подошел к автомату и прочел остальное: «Дышите чистым кислородом. Быстро поднимает настроение. Облегчает страдания от сонливости, нервозности и многих других неприятных ощущений».

Бонд опустил двадцать пять центов в щель автомата и нагнулася так, чтобы его рот и нос оказались закрытыми широкой маской. Он нажал

кнопку и, как было сказано в инструкции, стал медленно вдыхать и выдыхать. Это было похоже на очень холодный воздух. Полное отсутствие запаха и вкуса. В конце минуты раздалось щелканье, автомат выключился, и Бонд выпрямился. Он не чувствовал ничего, кроме легкого головокружения. Но чуть позже понял, что просто попался на удочку, увидев, как один из пассажиров с иронической улыбкой наблюдал за ним. Он улыбнулся в ответ.

По радио пассажиров попросили забрать багаж. Бонд взял свой чемодан и стремительно вышел через качающиеся двери в горячие объятия полудня.

— Вы едете в «Тиару»? — спросил коренастый малый с коричневыми глазами и прямым взглядом из-под шоферской фуражки.

— Да.

— О'кей! Пошли!

Человек не предложил поднести чемодан. Бонд последовал за ним к изящному «шевроле». Он бросил чемодан на заднее сидение и сам сел туда же.

Машина тронула с площади аэропорта на магистраль. Она пересекла ее, вливаясь в крайний ряд, и повернула налево. Шофер держался внутренней

стороны и ехал медленно, и Бонд почувствовал, что его изучают в зеркальце. Он посмотрел на опознавательную карточку шофера: Эрни Курсо, № 2584. Тут же была и фотография.

В машине пахло сигарным дымом, и Бонд опустил стекло. Обжигающий воздух заставил его немедленно поднять стекло обратно.

Шофер немного обернулся к нему.

— Не стоит делать этого, мистер Бонд, — дружелюбно проговорил он. — В машине установлен кондиционер. Может быть, это и не чувствуется, но все же здесь лучше, чем снаружи.

— Спасибо, — сказал Бонд и добавил. — Насколько я понимаю, вы — друг Феликса Лейтера?

— Да, — ответил шофер, не оборачиваясь. — Хороший парень. Он просил меня присмотреть за вами. Буду рад чем-нибудь помочь. Вы здесь долго пробудете?

— Не знаю ничего определенного, — ответил Бонд. — Но уж, по крайней мере, несколько дней наверняка.

— Что же мне вам сказать? — проговорил шофер. — Не думайте, что я собираюсь обманывать вас, но если мы собираемся работать вместе и если у вас есть деньги, вероятно, самым разумным было бы нанять такси по дням. Пятьдесят

долларов в день, ведь я как-то должен зарабатывать себе на жизнь. Это вполне естественно для швейцаров отелей и для прочих, и ни у кого не вызовет подозрений. Иначе я не вижу возможности держаться вблизи от вас. А так они не станут нас подозревать, даже если я буду по полдня ожидать у отеля. А там слишком много подозрительных типов.

— Лучше не придумаешь. — Бонду сразу понравился этот человек, и он во всем поверил ему. — Это вполне правильное решение.

— О'кей! — Шофер стал более разговорчивым. — Публике здесь не нравится, мистер Бонд, когда что-нибудь выходит за пределы обычного. Как я уже сказал вам, они очень подозрительны. Вы выглядите как угодно, но только не как турист, приехавший сюда расшвыривать деньги, и поэтому можете доставить им немало хлопот. Любой человек поймет, что вы англичанин даже до того, как вы начнете говорить. А что этот англичанин здесь делает? К какому типу англичан он относится? Кажется, он человек, с которым может быть трудно иметь дело… Так что давайте хорошенько присмотрим за ним… Кстати, вы видели в здание аэропорта парня, у которого в руках была кожаная сумка?

Бонд сразу вспомнил человека, наблюдавшего за ним около «Кислородного бара».

— Да, видел, — ответил он и только сейчас понял, что кислород сделал его беззаботным.

— Уверяю, что сейчас он рассматривает ваши снимки. В той кожаной сумке у него находится шестнадцатимиллиметровая камера. Он только нажимал на спуск. Он снимает с расстояния в пятьдесят футов. Прямо и в профиль. Эти снимки будут храниться в полицейском архиве вместе с перечнем ваших вещей в чемодане. По первому взгляду нельзя определить, есть у вас оружие или нет. Может быть, у вас плоская кабура… Но если бы у вас оказалось оружие, то все время, пока вы находитесь в отеле в своей комнате, поблизости обязательно будет человек с оружием. Такое распоряжение будет передано сегодня же вечером. Здесь никто не носит плащи. Их одевают только для того, чтобы было удобнее спрятать оружие.

— Большое спасибо, — сказал Бонд, сердясь на самого себя. — Насколько вижу, я должен быть более осторожным. У них тут, кажется отлаженная машина.

Шофер утвердительно кивнул и продолжал ехать молча.

По обеим сторонам пустынной до сих пор до-

роги стали появляться автоколонки и мотели. Они проехали мимо мотеля с бассейном, у которого были прозрачные стены, и видели, как в этот самый момент какая-то девушка нырнула в светло-зеленую воду, подняв фонтан брызг. Потом показалась газовая станция с элегантным рестораном. На нем была надпись: «Газетерия». Освежитесь здесь. Имеются прохладительные напитки со льдом. Заезжайте».

Около мотеля стояли три автомобиля, которые обслуживали официантки в бикини и туфельках на высоких каблуках. Большая шестиполосная магистраль протянулась через лес пестрых знаков и разноцветных фасадов и терялась в пламенеющем мареве горячих испарений. День был жарким и душным, настоящее пекло. Высоко стояло солнце, расплавляя даже бетон. И нигде не было тени, кроме как под редкими пальмами, которые попадались около мотелей. Глаза Бонда почти ослепли от сверкания хромированных машин, и он чувствовал, как мокрая рубашка прилипла к телу.

— Сейчас въезжаем на «Стрип», — сказал шофер. — Он известен также, как улица Мира. Это шутка, понятно?

— Понятно, — сказал Бонд.

— Справа «Фламинго», — сказал Эрни, когда они проезжали мимо низкого модернизированного отеля с высокой неоновой башней, — Бакси Сигал построил его в 1946 году. Он приехал в Лас-Вегас с побережья и огляделся вокруг. У него были лишние деньги, которые нужно было во что-то вложить. В Лас-Вегасе было много народу. Широко открытый город. Процветают азартные игры, легальные публичные дома. Хорошенькое местечко. Сигал не стал терять время. Он увидел и учел все возможности.

Бонд засмеялся от такой характеристики.

— Да, мистер, — продолжал шофер, — Он увидел возможности и стал стремительно действовать. Он был здесь до 1947 года, пока его не превратили в решето. Полиция не смогла собрать всех пуль. А вот «Санд», построенный неизвестно кем два года назад. Парня перед отелем зовут Дисек Кифатор, раньше он был полицейским в Нью-Йорке. Может быть, вы слышали о нем?

— Кажется, нет, — ответил Бонд.

— Дальше следует гостиница «Десерт». Построена Уилборном Кларком на деньги, полученные от операций в Цинцинати. А это здание с металлической эмблемой «Сахара» — последнее творение. Владельцами являются игроки из Орегона. По-

лучилась смешная штука. В вечер открытия они потеряли пять тысяч. Все крупные игроки приходят с карманами, полными долларов, чтобы сделать приличную игру для успешного открытия. Здесь стало обычаем собираться всем при открытии разных заведений, но в карты ведь не всегда везет. И парни потеряли пять тысяч долларов. Город до сих пор смеется над ними.

Потом Эрни показал налево, где неоновая реклама оповещала: «Вы переезжаете границу. Налево новый западный город. Его стоит посмотреть».

— Вон там — «Сведебед», а через дорогу — «Тиара», наиболее крупная гостиница в Лас-Вегасе. Я полагаю, вы все знаете о мистере Спенге и обо всем, что с ним связано?

Он затормозил и остановился напротив отеля Спенга, наверху которого сверкала корона из бриллиантовых огней, то вспыхивая, то угасая, соперничая с солнечными лучами, и отражаясь от полотна дороги.

— Да, в общих чертах мне все известно, — ответил на вопрос Эрни Бонд. — Но я буду рад с вашей помощью пополнить свои знания. А что сейчас?

— Что вы сказали, мистер?

Бонд почувствовал, что ему уже надоел этот

ужасный блес Стрипа и хочется войти в помещение, чтобы избавиться от жары, пообедать, может быть, немного поплавать, а потом отдохнуть до вечера. Он сказал об этом Курсо.

— Это меня устраивает, — ответил тот. — И я думаю, что первую ночь вы будете спать спокойно. Главное, ведите себя естественно. Если вам предстоит выполнить какую-нибудь работу здесь, в Вегасе, то лучше сперва хорошенько осмотреться. Понаблюдайте за азартными играми, дружище! — он усмехнулся. — Вы когда-нибудь слышали о башнях молчания, которые существуют в Индии? Говорят, что там местным хищникам требуется лишь двадцать минут, чтобы вытряхнуть из человека все его деньги. В «Тиаре» на это потребуется немного больше времени. — Шофер переключил на первую скорость. — И все же нашелся один парень, — продолжал он, наблюдая в зеркальце за движением и ожидая возможности пересечь дорогу, — который смотался из Вегаса со ста тысячами долларов. Только вся соль заключается в том, что когда он начал играть, у него было полмиллиона…

Машина пересекла дорогу и остановилась у широких стеклянных дверей розового здания. Швейцар в небесно-голубой форме открыл дверь

такси и потянулся за чемоданом Бонда. Бонд вышел из машины в палящую жару и, когда проходил к двери, услышал, как Эрни сказал швейцару:

— Какой-то сумасшедший англичанин! Нанял меня за пятьдесят долларов в день! Что ты об этом думаешь?

Затем за Бондом захлопнулась дверь, и прохладный воздух приветствовал его в сверкающем дворце Спенга.

Глава 16. «Тиара»

Бонд пообедал в роскошном зале, расположенном около овального бассейна, и, глядя на купающихся, решил, что только одному проценту посетителей этого бассейна стоило носить купальные костюмы. Потом он медленно пошел через полосу, отделяющую центральное здание от того, в котором находился его номер, вошел к себе, разделся и бросился на кровать. В этом здании помещались лишь спальные комнаты, всего их было шесть и назывались они по названиям камней. Бонд находился на первом этаже, и его помещение было голубым с темно-синей и белой отделкой. Это был чрезвычайно комфортабельный номер. В нем стояла мебель-модерн из серебристого дерева, возможно, березы. Возле его кровати — приемник, а телевизор находился у окна. За окном был маленький внутренний дворик, закрытый со всех сторон. Этим двориком пользовались любители позавтракать в уединении. В номере было тихо, и сюда не доносился шум от кондиционера. Бонд почти мгновенно заснул.

Он проспал четыре часа. И за это время магни-

тофон, соединяющий с телефоном и помещенный в тумбочке около кровати, покрутил несколько сот футов пленки, записывая тишину.

Когда он проснулся, было уже семь часов. Магнитофон зафиксировал, что он взял телефонную трубку и попросил к телефону мисс Тифани Кейс. После небольшой паузы он сказал:

— Скажите ей, что звонил Джеймс Бонд, — после чего положил трубку.

Затем магнитофон зафиксировал шум, производимый Бондом, шум от душа, в семь тридцать — щелчок ключа в замке, когда Бонд вышел из комнаты и запер ее за собой.

Полчаса спустя магнитофон зафиксировал шум открываемой двери. Мужчина в форме официанта с корзиной фруктов, на которой было написано: «С наилучшими пожеланиями от управлющего», вошел в комнату, открутил два винта в тумбочке у кровати и, сняв катушку с лентой, поставил туда же новую. Корзину с фруктами он оставил на столе. Затем вышел и запер за собой дверь.

После этого в течение нескольких часов магнитофон записывал тишину.

Бонд сидел у длинного бара «Тиары», тянул «мартини» и взглядом провинциала изучал боль-

шой зал.

Первое, на что он обратил внимание, было необычное оформление помещения. «Незаметная ловушка для мышей». Так назвал он это про себя. Главной целью было загнать посетителя-мышку в игорную ловушку, независимо от того, хочет он этого или нет.

Там было только два входа: один с улицы, второй — из спальных корпусов и от бассейна.

Если ты вошел в эти двери и захотел купить газету или сигареты в одном из киосков, выпить или заказать что-либо в одном из двух ресторанов, или просто посетить туалет, ты не мог бы пройти мимо ряда автоматов и игорных столов. И когда человек попадал в водоворот жужжащих машин, среди которых все время слышался отравляющий звук каскада серебряных монет, падающих в серебряную чашечку, или внезапный крик: «Делайте вашу игру!», который издавала одна из девушек у столов, он был потерян. Не плениться возбужденным говором, доносившимся от столов для игры в кости, шумом двух рулеток и лязганьем серебряных монеток мог только стальной мышонок, который пробежал бы мимо, его устроил бы больше кусочек сыра… Но, как приметил Бонд, приманка эта была не для чув-

ствительных мышек, которых можно привлечь грубой подделкой сыра. Это была элегантная ловушка, весьма очевидная и одновременно вульгарная. Непрерывный шум машин походил на непрерывный шум мотора старого грузовика, едущего на свалку, не смазанного, приговоренного к смерти.

Игроки стояли и с силой тянули ручки машин, как будто они ненавидели то, что делали. И если однажды им улыбалась фортуна в маленьком стеклянном окошечке, они уже больше не ожидали того момента, когда колесо перестанет вращаться, а бросали следующую монету, тут же протягивая руку туда, куда надо. Нажим на рукоятку лязг монеты и металлический звон… А когда внезапно возникал серебряный водопад, и металлическая чашечка переполнялась монетами, игроку приходилось опускаться на колени и подбирать упавшие монеты. И, как сказал Лейтер, это были главным образом пожилые женщины, процветающего класса домашних хозяек. Толпы их стояли у автоматов охваченные прохладой и музыкой вращающихся машин. И они играли до тех пор, пока не проигрывали все свои деньги.

Затем Бонд услышал, как одна из девушек, обслуживающих рулетку, воскликнула: «Банк!»

Некоторые из женщин подняли головы, и Бонд содрогнулся от вида этих пустых глаз и полуоткрытых ртов.

Он отвернулся от омерзительной картины и, потягивая «мартини», стал слушать мелодию, доносившуюся из конца зала, где находился оркестр.

Над одним из киосков была бледная надпись: «Дом Алмазов». Бонд кивнул официанту и когда тот подошел, спросил его:

— Мистер Спенг был здесь сегодня вечером?

— Я его не видел, — ответил официант. — Он обычно приходит после первого сеанса, около одиннадцати. Вы его знаете?

— Лично — нет.

Бонд расплатился и пошел к столам для игры в очко. Он остановился у центрального столика. Он сядет за этот столик ровно в пятнадцать минут одиннадцатого. Он взглянул на часы. Было восемь тридцать.

Стол был маленьким, покрытым зеленым сукном. Восемь игроков на высоких стульях сидели лицом к сдающему, который стоял и раздавал по две карты, кладя их в восемь пронумерованных квадратов на столе.

Основные ставки были по пять, десять и два-

дцать долларов.

Сдающему карты было на вид лет сорок, на лице его застыла приятная улыбка. Он был одет в униформу. Белая рубашка и тонкий черный галстук. На черные брюки был подвязан зеленый фартук из сукна. На нем, на одном из углов, было вышито «Джейк».

Сдающий брал ставки и сдавал карты. За столом не было никаких разговоров, кроме тех случаев, когда игрок заказывал какой-нибудь напиток или одну из закусок официантам в черных шелковых пиджаках, которые двигались в проходах между столами. В центральном проходе стояли полицейские с пистолетами и наблюдали за игрой.

И фа была быстрой, продуманной и монотонной. Она была настолько механической, что напоминала автомат. Бонд понаблюдал, а потом направился к двери с табличкой: «курительный зал», который находился в дальнем конце зала. По дороге он прошел мимо четырех шерифов в опрятной синей форме. Эти люди скромно стояли и замечали все, не глядя ни на кого. На каждом их бедре висело по пистолету в открытой кобуре и сверкал патронташ с пятьюдесятью нумерованными патронами.

«Много охраны», — подумал Бонд, толкнув

качающуюся дверь курительной комнаты. Оглядевшись, Бонд вышел из курительной и снова прошел мимо столов к двери с неоновой надписью: «Опаловая комната».

Низкий круглый стол ресторана в розовых, белых и серых тонах был заполнен наполовину. «Хозяйка» подплыла к нему и проводила его к угловатому столику. Она наклонилась, чтобы поправить цветы в центре столика и показала ему свою прекрасную грудь, которая наполовину была подделкой, потом подарила ему очаровательную улыбку и удалилась.

Через десять минут появилась официантка с подносом и положила на его тарелку булочку и кусок масла. Она также поставила блюдо, на котором были сливки и оладьи, украшенные оранжевым сыром. Затем подошла вторая официантка и подала ему меню, сказав: «Вас обслужат».

Через двадцать минут после того, как он пришел, Бонд смог заказать дюжину моллюсков и бифштекс, и так как он считал, что ему придется ждать долго, то попросил еще и «мартини».

«Много вежливости и довольно быстрое обслужива-кие», — заметил про себя Бонд и принялся за обед, во время которого он думал о предстоя-

щей ночи и о том, как бы заставить их принять его на службу.

Он был несколько озадачен ролью испытываемого парня, которому должны заплатить за первую выполненную работу и которому потом, если он понравится мистеру Спенгу, могли предоставить постоянную работу, наравне с остальными, входящими в гангстерский синдикат. Его раздражало, что он не мог действовать сам. Сначала он был послан в Саратого, а потом сюда, в эту укромную ловушку, где находилось множество воротил гангстерского мира. Он был здесь, ел их обед, спал на их кровати, а в это время они следили за ним, Джеймсом Бондом, взвешивая и рассуждая, достаточно ли у него твердая рука, вызывает ли он доверие, что он за личность.

Бонд жевал бифштекс и думал о том дне, когда взялся за это идиотское дело, но потом заставил себя перестать думать об этом и сразу стало спокойно. Какого черта, стоит ли беспокоиться! Все было продумано и пока проходило хорошо. Ведь теперь он добрался до конца алмазной трубки, прямо в обитель Серафима Спенга, который вместе со своим братцем в Лондоне и таинственным ABC занимался самой большой контрабандой

в мире.

Какое значение в таком случае имеет самочувствие Джеймса Бонда? Это был момент неудовлетворенности, какого-то отвращения ко всему происходящему и чувства бессилия против этих американских гангстеров.

На самом деле, как решил Бонд, все эти ощущения были именно от того, что он почувствовал тоску по родине. Он пожал плечами. К черту Спенга и гангстерский притон! К черту Лас-Вегас! Он взглянул на часы. Было ровно десять часов. Он закурил сигарету, встал и медленно пошел через зал по направлению к казино.

В задуманной игре было два пути: вести себя тихо и ждать случая или ускорить то, что должно было случиться.

Глава 17. Благодарю за прогулку

Картина в большом игорном зале изменилась. Стало много тише. Оркестр ушел, и толпа женщин тоже. За столиками было всего несколько игроков. Там были две или три привлекательные девушки в вечерних туалетах, которым платили пятьдесят долларов за то, что они вносили веселье в среду игроков. Был там так же пьяный мужчина, который держался за один из столиков и выкрикивал разные ругательства.

Изменилось и что-то еще… Сдающей карты у центрального столика для игры в очко была Тифани Кейс.

Потом Бонд увидел, что все сдающие карты были приятного вида женщины, одетые в одинаковые костюмы серого цвета с черным: короткая серая юбка с широким черным поясом и пряжкой, серая блузка с черным шарфом на шее. Серое сомбреро на черном шнурке свисало со спинки стула, черные туфли и нейлоновые чулки бежевого цвета.

Бонд взглянул на часы и двинулся к столу. Итак, Тифани должна бьип сдать ему карты так, чтобы

он смог выиграть пять тысяч долларов. Конечно, он не выбирал момент, когда она приступит к работе… Он будет за столиком с ней один. Не будет никаких свидетелей в случае, если она вытащит не ту карту.

Точно в 10.15 Бонд легкой походкой подошел к столу и сел лицом к Тифани.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер! — и она улыбнулась ему тонкой привычной улыбкой.

— Какая минимальная ставка?

— Тысяча долларов.

Когда Бонд положил десять стодолларовых бумажек, к столу подошел полицейский и остановился около Тифани Кейс. На Бонда он едва взглянул.

— Может быть, этот парень желает новые карты, мисс Тифани? — спросил он. И тут же протянул ей колоду. Девушка вскрыла новую колоду и протянула полицейскому старую.

Тифани Кейс перетасовала колоду, разделила ее ловким движением рук и положила обе половинки на стол, а потом проделала то, что называется «честным тасованием карт». Но Бонд заметил, что обе половинки были не совсем одинаковы и когда она подняла их со стола и снова

произвела безобидную перетасовку, то снова соединила карты. Потом всю эту манипуляцию Тифани повторила еще раз, после чего положила колоду перед Бондом, предлагая ему снять. Бонд с одобрением проследил, как она проделала один из труднейших вариантов в раскладке карт. Таким образом, новая колода была перетасована, и единственным результатом этой операции было достижение определенной цели: разложить все карты в том порядке, каком они были, когда она их развернула. Тифани продемонстрировала превосходную технику, и Бонд был в восторге от ее ловкости.

Она сдала ему две карты, а потом и себе две. Внезапно Бонд понял, что ему придется быть очень внимательным. Он должен играть точно установленную игру, иначе может все испортить, всю последовательность, в которой были приготовлены карты.

На другом конце стола были написаны слова: «Сдающий карты должен добирать к 15-ти и останавливаться на 17-и».

Скорее всего, они дали ему выигрышные карты на тот случай, если бы за столом был еще игрок или кто-нибудь наблюдал за игрой. Они должны были все устроить так, чтобы выигрыш казался

вполне естественной удачей. Девушка не должна была каждый раз сдавать ему 21 или 17.

Он взглянул на свои карты. Валет и десятка. Он взглянул на девушку и покачал головой. У нее было 16, и она вытащила карту, сбросив у себя короля.

Около нее стоял поднос, на котором были только серебряные монеты и банкноты по 20 долларов, но полицейский быстро оказался около нее с жетоном на 1000 долларов. Она взяла его и передала Бонду, а тот положил его, как ставку, а свои 1000 долларов спрятал в карман. Она опять сдала ему и себе по две карты. У Бонда было 17 и он опять покачал головой. У нее было 12, она прикупила еще 3, а затем 9 — итого 24. Опять проигрыш.

Полицейский снова подошел с жетоном. Бонд опустил его в карман, оставив прежний, как ставку. На сей раз у него было 19, а у нее оказалось 10, потом 17, на чем, по правилам, она должна была остановиться. Следующий жетон опять попал в карман Бонда.

Широкие двери открылись, и поток людей устремился в игорный зал. Послеобеденное ревю закончилось. Скоро они заполнят столики. Наступал момент их последней игры, после которой

он должен встать и уйти. Она с нетерпением взглянула на него. Он взял карты, которые она сдала ему: 20. У нее тоже были две десятки. Бонд улыбнулся такому совпадению. Она быстро сдала ему еще две карты, как раз в тот момент, когда три игрока подсели к их столику. У него было 19, а у нее — 16. Получилось именно то, что требовалось. Полицейский даже не удосужился передать четвертый жетон девушке, а протянул его через стол Бонду и едва заметно усмехнулся.

— Повезло… — сказал один из новых игроков, когда Бонд положил жетон в карман и поднялся со своего места.

Бонд через стол взглянул на девушку.

— Спасибо, — сказал он. — Вы прекрасно сдаете.

— Спасибо, — ответила она. — Вы прекрасно играете.

— Я бы этого не сказал, — тут же заметил один из новых игроков.

Тифани Кейс очень строго взглянула на Бонда.

— Заходите, пожалуйста.

Она долгие секунды смотрела на Бонда, потом перевела глаза на карты. Тщательно перетасовала их и протянула одному из игроков, чтобы он снял.

Бонд повернулся спиной к столу и направился к выходу, думая о ней и о ее взгляде. Другие, очевидно, тоже находили ее привлекательной, потому что вскоре за этим столом сидели уже восемь мужчин, а другие стояли рядом и наблюдали за ней.

Бонд почувствовал спазмы ревности.

Он подошел к бару и заказал себе «бурбон» с водой, чтобы отпраздновать наличие пяти тысяч долларов в кармане.

Бармен достал неоткупоренную бутылку и поставил ее перед Бондом.

— Откуда эта вода? — спросил Бонд.

— Из Баудар Дем, — серьезно ответил бармен. — Каждый день привозят на грузовиках. Не беспокойтесь, — добавил он, — это настоящая ключевая вода.

Бонд бросил на стойку серебряный доллар.

— Я уверен, что это так, — сказал он. — Сдачу оставьте себе.

Он стоял, повернувшись спиной к бару, держа бокал в руке и решая, что же теперь ему делать… Итак, с ним расплатились. И Шеди Трик сказал ему, чтобы он ни в коем случае не подходил больше к игорным столам.

Бонд допил бокал и пошел к ближайшему сто-

лу с рулеткой. Около него было всего несколько человек, играющих по малым ставкам.

— Максимальная ставка? — спросил он у пожилого человека с мертвыми глазами.

— Пять тысяч долларов, — безразлично ответил мужчина.

Бонд вынул четыре жетона и десять стодолларовых билетов и положил их рядом с крупье.

— На красное!

Крупье выпрямился на стуле и украдкой взглянул на Бонда. Он положил один за другим четыре жетона на красное, подвигая их своей палочкой. Потом сосчитал банкноты Бонда и сбросил их в отверстие в столе и, взяв пятый жетон с полки около себя, положил рядом с остальными. Бонд увидел, что колени крупье приподнялись под столом. Полицейский, услышав сигнал, подошел к столу, как только крупье пустил рулетку.

Бонд достал сигарету и закурил. Его рука была твердой. Он почувствовал прекрасное ощущение свободы, ведь он смог избавиться от опеки этих людей. Он считал, что должен обязательно выиграть… Он смотрел, как рулетка замедлила ход, и маленький шарик из слоновой кости упал в отверстие.

— 36. Красное. Высокие и четные.

Крупье забрал доллары проигравших и передал деньги выигравшим. Потом он взял тонкий жетон, величиной с молитвенник и положил его перед Бондом.

— Черное, — сказал Бонд.

Крупье бросил один жетон в пять тысяч долларов на черное и снял ставку Бонда с красного.

Вокруг стола стало шумно, подошли еще несколько наблюдателей. Бонд почувствовал на себе любопытные взгляды, но смотрел через стол в глаза полицейскому. Они были враждебны, как глаза гадюки, и все же немного испуганы.

Бонд слегка улыбнулся ему, когда рулетка закрутилась, а потом раздался грохот маленького шарика, когда тот остановился.

— Семнадцать. Черное. Нижние и верхние, — сказал крупье.

Послышался вздох толпы, и голодные глаза проследили за тем, как перед Бондом положили большой жетон.

«Еще раз, — подумал Бонд, — только не теперь…»

— Я сейчас не буду играть, — сказал он крупье.

Тот посмотрел на Бонда и с помощью лопатки подвинул ему его ставку. Рядом с полицейским появился человек, который смотрел на Джеймса

тяжелым взглядом. Сигара в центре его красных губ торчала, как ружье, и была направлена на Бонда. Большое квадратное тело в синем смокинге было неподвижно, и у него было сходство с тигром, следящим за добычей и одновременно опасающимся ее. Лицо его было бледным и напоминало цветом слоновую кость. Он был похож на своего брата в Лондоне прямыми сердитыми бровями и короткой стрижкой жестких волос «под щетку», тяжелым, выступающим вперед подбородком.

Колесо снова закрутилось, и глаза всех устремились к нему. Шарик попал в одно из двух отверстий, и Бонд порадовался, что пропустил эту игру.

«Теперь в последний раз… — подумал он, — а потом прочь отсюда с двадцатью тысячами долларов Спенга!»

Он взглянул на своего хозяина: две линии жестких бровей и сигара были все также устремлены на него, но на бледном лице нельзя было ничего прочесть.

— Красное! — Бонд протянул крупье пятитысячный жетон и проследил, как он скользнул по столу.

Невольно замелькали мысли: «Не слишком ли

я положился на удачу? Нет! Все будет в порядке!

— Пять. Красное. Нижние и нечетные, — сказал крупье.

— Я забираю ставку, — сказал Бонд, — благодарю за доставленное удовольствие.

— Приходите снова, — спокойно сказал крупье.

Бонд сунул руку с четырьмя выигрышными жетонами в карман пиджака и стал пробираться через толпу, окружавшую стол, направляясь через зал к кассе.

— Три банкноты по пять тысяч и пять по одной, — сказал он кассиру.

Мужчина в кассе взял четыре жетона Бонда и отсчитал банкноты. Бонд положил их в карман и подошел к почтовому киоску.

— Конверт авиапочты, пожалуйста, — сказал он.

Подойдя к письменному столу, стоявшему у стены, он вложил в конверт три банкноты по пять тысяч долларов и написал на нем: — «Лично. Управляющему Универсального экспорта. Риджент Парк. Англия».

Затем он купил в киоске марки, наклеил их на конверт и опустил его в ящик с надписью: «Почта США» в надежде, что там конверт будет

находиться в полной безопасности.

Потом он посмотрел на часы. Было без пяти двенадцать. Он в последний раз осмотрел комнату и заметил, что за столом, где раньше была Тифани Кейс, появился новый человек, сдающий карты. И нигде не было видно мистера Спенга. Затем он вышел на жаркую душную улицу, прошел через лужайку к зданию со спальными комнатами, вошел в свою и запер за собой дверь.

Глава 18. Под прикрытием ночи

— Как дела?

Был вечер следующего дня, и машина Эрни Курсо медленно ехала по Стрип, направляясь к деловой части Лас-Вегаса. Бонду надоело ждать, когда что-нибудь произойдет, и он позвонил агенту Пинкертона, предложил ему встретиться и поговорить.

— Неплохо, — ответил Бонд. — Вытряс из рулетки кое-какие деньги, но, мне кажется, что это очень мало беспокоит нашего друга. Говорят, у него много лишних денег.

Эрни Курсо фыркнул.

— Я бы сказал, — заметил он. — что у этого парня их столько, что ему не надо носить очки, когда он ведет машину. Ветровое стекло его «кадиллака» сделано по рецепту окулиста.

Бонд засмеялся.

— Сколько же денег он потратил на это?

— Он сумасшедший, — ответил шофер, — он без ума от Старого Запада. Он купил себе целую улицу призрачного города на Хайвэй, 95. Он полностью перестроил это место: сделал деревянные

тротуары, причудливый бар, деревянный отель, в котором он поселяет своих парней. Он построил даже старую железнодорожную станцию! Недалеко от того места находится возвышенность, которая называется Спек-трвилл. Раньше там велась добыча серебра. Около трех лет назад они из этих гор добывали миллионы и по железной дороге отправляли серебро в Риолит, который находится, приблизительно, в пятидесяти милях отсюда. Еще один призрачный город… Сейчас — это туристический центр. Спенг построил там дом из бутылок из-под виски. Этот город раньше был пунктом, откуда серебро доставлялось на побережье. Спенг купил старый паровоз, который появился одним из первых, когда проложили железную дорогу, и хранит его в идеальном рабочем состоянии на станции «Спекор Винн». На нем он катает своих приятелей до Риолита и обратно. Поезд ведет сам. И там есть все: шампанское, игра, оркестр, девушки! Вот так они развлекаются… Должно быть, это действительно интересно. Сам я ничего не видел — к этому совершенно невозможно подобраться близко. Да, мистер, — шофер опустил боковое стекло и с чувством плюнул на дорогу, — вот там мистер Спенг тратит свои деньги. Я вам уже говорил, что он сумасшедший!

«Все объясняется так легко», — подумал Бонд. Вот почему весь день он ничего не слышал о мистере Спенге или его друзьях. Ведь сейчас конец недели. Они все там, в этом городе, играют в поезда, в то время, как он спит, плавает, спокойно слоняется целый день по «Тиаре» в ожидании событий. Но в действительности-то он заметил: от него отводили взгляды и все время возле находился или слуга, или один из шерифов в форме. Они не доверяли ему, хотя он ничего конкретного не сделал.

Около десяти часов утра, после ванны и завтрака, Бонд решил подстричься в парикмахерской. Около нее стояло несколько человек, но единственным клиентом, кроме него, была крупная фигура в купальном костюме, чье лицо было спрятано под горячим полотенцем, а сама фигура лежала в откидном кресле. Его правой рукой, свисающей с ручки кресла, занималась маникюрша. У нее было кукольное, розово-мраморное личико и светлые, коротко подстриженные волосы. Она сидела около кресла на маленькой скамеечке, держа на коленях поднос с инструментами.

Бонд, глядя в зеркало перед своим креслом, с интересом следил за тем, как парикмахер осторожно поднял один уголок полотенца, а потом с

чрезвычайной осторожностью вырезал волосы из ушей клиента с помощью маленьких тонких ножниц. Перед тем, как снять краешек полотенца с другого уха, он нагнулся и спросил:

— А ноздри, мистер?

Из-под горячего полотенца раздалось утвердительное мычание, и парикмахер высвободил из-под полотенца нос. Затем он снова с величайшей осторожностью продолжил свою работу. Во время всей этой процедуры в маленьком зале царила мертвая тишина, нарушаемая мягким лязгом ножниц у головы Бонда и случайным позвякиванием металла, когда маникюрша клала инструмент на поднос. Потом раздался легкий скрип, это парикмахер осторожно нажал на ручку кресла, чтобы оно приняло более вертикальное положение.

— Ну как, мистер? — спросил Бонда парикмахер, держа перед ним ручное зеркало.

Это произошло в то время, когда Бонд рассматривал свой затылок. Вероятно, приподнялось кресло, рука девушки соскользнула и внезапно раздался приглушенный рев, и мужчина в купальном халате вскочил с кресла, сорвал с лица полотенце и сунул в рот палец. Потом он вынул его изо рта и, быстро нагнувшись, с размаху

ударил девушку по щеке так, что она упала со скамеечки, а поднос с инструментом пролетел через всю комнату. Мужчина выпрямился и повернул свое разъяренное лицо к парикмахеру.

— Сука! — прорычал он.

Он сунул палец обратно в рот и, спотыкаясь среди разбросанных инструментов, исчез из зала.

— Да, мистер Спенг, — пролепетал парикмахер дрожащим голосом и стал кричать на всхлипывающую девушку.

Бонд повернул голову в его сторону и тихо сказал:

— Прекратите кричать…

Он встал и снял полотенце, лежащее вокруг его шеи.

Парикмахер удивленно посмотрел на него и быстро сказал:

— Да, мистер, — и нагнулся, чтобы помочь девушке собрать инструменты.

Расплачиваясь за стрижку, Бонд слышал, как стоящая на коленях, девушка жалобно оправдывалась:

— Это не моя вина, мистер Люциан! Он сегодня был такой нервный! Его руки дрожали. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он был весь напряжен.

Бонд получил удовольствие при мысли о напряженном состоянии Спенга. Голос Эрни Курсо резко оборвал его мысли:

— Мы прихватили хвост, мистер Бонд, — проговорил он краешком рта. — Их двое, впереди и сзади. Не оглядывайтесь! Видите впереди «шеви-седан»? Там двое парней и у них два зеркала, они уже некоторое время недалеко от нас. Сзади нас небольшая машина типа «секс-шип», старая спортивная модель «ягуара» с откидными сиденьями. По чистой случайности я знаю этих парней — две пары продажных шкур. Они любят модно одеваться. Единственный металл, которым они владеют, лежит в их карманах. Посмотрите кругом, как бы восхищаясь пейзажем, и следите за их правыми руками, пока я их немного развлеку. Готовы?

Бонд сделал то, что ему было сказано. Шофер поставил ногу на педаль газа и одновременно включил зажигание. Раздался звук, похожий на выстрел 88-миллиметрового орудия. Бонд увидел, как две правые руки тут же скользнули в карманы ярких спортивных курток. Бонд быстро повернул голову.

— Вы правы, — сказал он. — Лучше высадите меня, Эрни, я не хочу навлекать на вас беду.

— Ерунда, — возразил разгоряченный шофер. — Они ничего не смогут мне сделать. Вы платите за любое повреждение машины, а я попробую побить их. О'кей?

Бонд вытащил из бумажника банкноту в тысячу долларов и сунул деньги в карман куртки шофера.

— Вот для начала, — сказал он. — Спасибо вам, Эрни. Посмотрим, на что вы способны…

Потом он вытащил «Беретту» из кобуры. Это было как раз то, что он и ожидал.

— О'кей, парень! — весело сказал шофер. — Я всегда мечтал о возможности подшутить над гангстерами. Я не люблю, когда мной повелевают, они слишком долго проделывали это со мной и некоторыми моими друзьями. Приготовиться!

Впереди была прямая дорога с редко попадающимися встречными машинами. Вершины дальних гор были озарены заходящим солнцем, а дорогу начали окутывать сумерки, но включать фары было еще рано.

Они ехали со скоростью около сорока миль в час, и приземистый «ягуар» висел у них на хвосте. Внезапно Эрни нажал на тормоза так, что Бонд резко подался вперед. Машина стремительно затормозила, засвистели покрышки. Раздался

звон металла и разбитых стекол, когда «ягуар» стукнулся об их бампер. Шофер такси наклонился вперед и отпустил тормоз, включил газ и с ужасным скрежетом освободил свою машину от исковерканного радиатора «ягуара». После этого машина стала быстро набирать скорость.

— Хорошо сработано, а? — с удовольствием проговорил Эрни. — Как они там, сзади?

— Разбит радиатор, — ответил Бонд, вглядываясь через стекло. Оба передних крыла расплющены. Капот весь в трещинах, возможно, он полностью разбит.

Бонд потерял машину из вида и отвернулся.

— Они вышли на дорогу и пытаются снять передние крылья. Возможно, через некоторое время снова смогут двигаться. Но это, во всяком случае, очень хорошее начало! У тебя есть еще что-нибудь в запасе, вроде этой шутки?

— Теперь уже не так легко, — проворчал шофер. — Война объявлена. Следите за ее ходом. Лучше опустите голову. «Шеви» остановился у обочины. Они могут открыть огонь. Мы подъезжаем к ним.

Бонд почувствовал, как машина стремительно рванулась вперед. Эрни Курсо полулежал на переднем сидении, ведя машину одной рукой, следя

за дорогой, тянувшейся впереди. Когда они на большой скорости промчались мимо «шевроле», послышался лязг и два выстрела. Множество мелких осколков стекла посыпалось на Бонда. Эрни Курсо выругался и машина немного свернула в сторону, но потом снова выровнялась.

Бонд встал на колени на заднем сидении и выбил стекло рукояткой пистолета. Сверкая фарами, «шевроле» мчался за ними.

— Постарайтесь задержать их, — сказал Курсо приглушенным голосом. — Я собираюсь сделать резкий поворот и остановиться за следующим домом. Даю вам возможность стрелять, когда появятся из-за угла.

Бонд весь подобрался, а покрышки снова засвистели. Машина пробалансировала на двух колесах, выпрямилась и остановилась. Бонд выскочил из машины, бросился на землю и выставил руку с пистолетом. Огни «шевроле» осветили боковую дорогу, раздался визг шин, когда машина повернула в их сторону.

«Сейчас, — подумал Бонд, — до того времени, когда они успеют опомниться»….

Щелк! Щелк! Четыре пули на расстоянии двадцати ярдов. И все прямо в цель.

«Шевроле» не выровнялся. Он переехал через

обочину на другую сторону дороги, ударился о толстое дерево, отскочил от него, врезался в фонарь, полностью развернулся и медленно перевернулся набок.

В то время, как Бонд следил за машиной, ожидая, когда отзвуки металлического скрежета затихнут у него в ушах, из хромированного рта машины стремительно вылетел язык пламени. Кто-то пытался вылезти из окна. В любой момент пламя могло достигнуть бензобака, а по нему добраться до бака с горючим, и тогда для человека в машине было бы слишком поздно думать о спасении.

Бонд собирался перебежать дорогу, когда услышал стон с переднего сидения такси. Повернувшись, он увидел, как Эрни Курсо сползает на пол. Забыв о горящей машине, Бонд рванул дверцу такси и наклонился над шофером. Повсюду была кровь. Левая рука Эрни была залита кровью. Бонду кое-как удалось усадить его на место, и глаза шофера открылись.

— О, Боже! — простонал он сквозь зубы. — Вытащите меня с этого сиденья, и гоните как черт. С минуты на минуту может появиться «ягуар». Отвезите меня к врачу.

— О'кей, Эрни! — сказал Бонд, садясь за руль. —

Я позабочусь обо всем.

Он завел мотор и быстро двинулся по дороге, прочь от горевшей машины и испуганных людей, появившихся из домов, стоявших и с ужасом глядевших на горящую машину.

— Продолжайте ехать прямо, — сказал Эрни. — Эта дорога выведет вас на шоссе Боудер Ден. Вы видите что-нибудь в зеркальце?

— Да. За нами быстро идет какая-то машина с затемненными фарами. Может быть, это «ягуар»... Сейчас она находится, приблизительно, в двух кварталах от нас.

Он прибавил скорость, и такси стремительно рванулось по пустынным улицам.

— Быстрее, — сказал Эрни Курсо. — Мы должны обязательно где-нибудь спрятаться. Надо сделать так, чтобы они потеряли наш след. Вот что я вам скажу. Номер 95 по этой улице — кинотеатр для автовладельцев, под названием «Пейнен Пит». Мы скоро будем там. Теперь медленно и резко вправо. Видите те огни? Быстрее заезжайте туда и направо. Прямо по песку. Встаньте между машинами. Спокойно. Стоп!

Они остановились в заднем ряду машин, выстроившихся по одной прямой перед огромным экраном, на котором громадный мужчина что-то

говорил симпатичной огромной девушке.»

Бонд оглянулся и взглянул на линию столбов, от которых громкоговорители присоединялись к автомобилям. Пока он смотрел, на площадку въехали еще две машины и пристроились в заднем ряду. Ни одна из них не была похожа на «ягуар». Но было темно и разглядеть что-нибудь трудно. Он так и остался сидеть, повернувшись лицом к въезду.

К их машине подошла девушка-служитель с подносом на шее.

— С вас один доллар, — сказала она и заглянула в салон, чтобы убедиться, что нет третьего пассажира. Она взяла штекер динамика и вставила его в гнездо на столбе, после чего повесила маленький громкоговоритель через окно внутрь машины. Громадные мужчины и женщина на экране начали ссориться.

— Кока-кола, сигареты, сладости? — предложила девушка, забирая доллар, протянутый Бондом.

— Нет, благодарю, — ответил Бонд.

— Как хотите, — сказала девушка и пошла к другим, позже приехавшим.

— Мистер, ради Бога, погасите свет, — сквозь зубы пошептал Эрни Курсо, — продолжайте сле-

дить. Подождем немного, а потом отвезите меня к врачу. Надо вынуть пулю.

Голос Эрни был слабым, и теперь, когда девушка отошла от машины, он лег на сидение, прислонившись головой к дверце.

— Потерпи немного, Эрни, постарайся потерпеть…

Бонд нашел выключатель у громкоговорителя и повернул его. Мужчина на экране собирался ударить женщину, и ее рот был открыт в беззвучном крике.

Бонд обернулся и уставился в темное пространство позади. Ничего… Он взглянул на соседние машины: два лица слились в одно, бесформенная масса на заднем сидении. Два чопорных пожилых лица уставились вверх, блеск света на бутылке…

Потом до него дошел запах лосьена для бритья… Темная фигура поднялась с земли и направила пистолет ему в лицо, а голос с другой стороны около Эрни Курсо мягко прошептал:

— О'кей, ребята! Спокойно!

Бонд взглянул на жирное лицо стоящего перед ним человека с холодными глазами и жесткой улыбкой. Губы его прошептали:

— Выходи или твой друг станет трупом… У моего приятеля на пистолете глушитель. Мы с тобой

сейчас совершим прогулку.

Бонд повернул голову и увидел черное дуло пистолета, приставленное к горлу Эрни. Он взвесил все шансы.

— О'кей, Эрни! — сказал он. Я пойду с ними. Лучше один, чем два. Я скоро вернусь и отвезу тебя в госпиталь. Позаботься пока о себе сам.

— А ты — забавный малый, — сказал мужчина с толстой рожей.

Он открыл дверцу машины, не отводя пистолета от головы Бонда.

— Прости, друг, — сказал Эрни Курсо слабым голосом. — Я догадываюсь…

Он не успел договорить и упал на сидение после удара пистолетом по уху. Бонд заскрипел зубами и весь напрягся, думая только о том, сможет ли он достать свою «Беретту». Он переводил взгляд с одного на другого врага и взвешивал шансы. Четыре глаза и два дула были алчными ждущими любого повода, чтобы его кокнуть. И оба рта улыбались, как бы вызывая его на какой-нибудь необдуманный поступок. Его кровь похолодела. Он выждал еще мгновение и потом с поднятыми руками вышел из машины, прогнав мысль о немедленном сопротивлении.

— Идите к воротам, — мягко сказал толсто-

рожий мужчина. — И примите, пожалуйста, естественный вид. Я буду за вами следить.

Его пистолет исчез, но рука была в кармане.

Второй присоединился к нему и встал по другую сторону Бонда, положив руку на ремень брюк. Все трое направились к выходу, и поднимающаяся луна высветила их длинные тени, движущиеся впереди них по блестящему бетонному покрытию.

Глава 19. Спектрвилл

Красный «ягуар» стоял за воротами у стены. Бонд позволил им забрать свой пистолет и сел рядом с шофером.

— Никаких безумных выходок, если хотите сохранить свою голову на плечах, — сказал толстяк, садясь на место для багажа, рядом с шарами для гольфа. — Пистолет направлен на вас.

— Да… Когда-то у вас была хорошая машина! — сказал Бонд.

Разбитое ветровое стекло было опущено, а кусок хромированного бампера висел между передними колесами без крыльев.

— Куда же мы направляемся в этих останках?

— Сам увидишь, — коротко ответил шофер, сухощавый человек с жестким лицом и баками.

Он вывел машину на дорогу и погнал обратно в город. Вскоре они уже оказались в джунглях неона. Проехав через город, они быстро помчались по двухсторонней автостраде, тянувшейся по освещенной луной пустыне к горам.

Вспомнив о том, что говорил ему Эрни, Бонд понял: они ехали в Спектрвилл. Он откинулся

на сидение и закрыл глаза, чтобы защитить их от пыли, и стал думать о будущем, о том, как он сможет отомстить за своего друга.

Итак, эти двое и еще те двое в «шевроле» были посланы, чтобы доставить его к мистеру Спенгу. Почему для этого потребовалось четыре человека? Вероятно, это было ответом на его откровенное неповиновение, которое он проявил, играя в казино, несмотря на запрет!

Машина ехала прямо по пустынной дороге, и стрелка спидометра колебалась в пределах восьмидесяти миль. Мимо них размеренно проносились телеграфные столбы.

Бонд внезапно почувствовал, что он далеко не полностью уверен в тех ответах, которые дал на свои собственные вопросы…

Может быть, он полностью раскрыт, как враг «Спенг Моб»?

Он вполне мог бы оправдаться по поводу своей игры в рулетку тем, что не понял полного смысла данного ему приказа. По поводу вреда, который он причинил этим четверым, он вполне мог сказать, что принял их за «хвост», посланный какой-то соперничающей организацией. «Если вы хотели видеть меня, почему не могли просто позвонить в номер?» — Бонд почти слышал, как

произносит это с неподдельной обидой в голосе. По крайней мере, он показал им, что он достаточно сильный человек, который может при случае постоять за себя, что он годится для любой работы, которую мог бы предложить ему в будущем мистер Спенг. «В любом случае, — заверял себя Бонд, — моей конечной целью было добраться до конца алмазной трубки и связать каким-то образом Серафима Спенга с его братом в Лондоне».

Бонд наклонился, сосредоточив внимание на круге света перед ним, собирая свои мысли и прокручивая все варианты предстоящего разговора. Главное, что полезного он сможет узнать об алмазной трубке в новых обстоятельствах. Потом он подумал об Эрни Курсо и о том, как отомстит за него.

Он совершенно не думал о своей безопасности, не боялся этих людей, он питал к ним только презрение и отвращение.

Бонд все еще репетировал свой разговор с мистером Спенгом, когда после двух часов езды, почувствовал, что скорость машины начала снижаться. Они подъехали к высокому проволочному забору, в котором были ворота с большой надписью: «Спектрвилл». Граница города. Не въезжать. Злые собаки».

Машина остановилась под объявлением, висящим на металлическом столбе, вмонтированном в бетон. На столбе находился звонок и еще одно объявление, выведенное красными буквами. Там было написано: «Позвоните и доложите о своем деле».

Не оставляя руля, человек с баками высунулся из окна и нажал на кнопку звонка. Пауза. Металлический голос произнес: — Да?

— Фрассо и Мак Голинг, — громко сказал шофер.

— О'кей! — ответил голос.

После этого послышался резкий щелчок. Высокие ворота медленно раскрылись. Они въехали через них по узкой металлической полосе, пролегающей по грязной дороге. Бонд оглянулся через плечо и увидел, как ворота закрылись за ними. Он также с удовольствием отметил, что лица его сопровождающих, особенно, Мак Голинга, были покрыты пылью и кровью.

Грязная дорога продолжалась приблизительно с милю. Она шла через каменистую поверхность пустыни, однообразие которой нарушали только редкие кактусы.

Потом впереди показался свет, они обогнули уступ горы и стали спускаться вниз, в ярко

освещенное пространство, заполненное нелепыми сооружениями, их было, примерно, около двадцати. Сверху при свете луны была видна узкоколейная железная дорога, которая тянулась далеко к горизонту.

Они проехали мимо нескольких деревянных магазинов, на которых были надписи: «Парикмахерская», «Фермерский банк». Машина остановилась около двухэтажного деревянного здания с шипящей газовой рекламой, на которой блеклым золотом было написано: «Пинк Гартен салон», а ниже: «Пиво и вина». Из-за старинных, традиционных, не доходящих до верха дверей, лился желтый свет на улицу и на машины, стоящие у тротуара. Из здания доносился приглушенный, мелодично-гнусавый звук фисгармонии, под аккомпанимент которой исполнялась песня «Интересно, кто теперь целует тебя».

Музыка напомнила Бонду покрытые опилками полы, изысканные напитки и ножки девушек в чулках в крупную сетку. Все это походило на хорошо поставленный голливудский фильм о Западе давних дней.

— Выходи! — сказал шофер, и все трое вышли из машины на деревянную дорожку.

Бонд нагнулся, чтобы помассировать затекшие

ноги, следя за ногами других…

— Иди, иди, неженка, — сказал один из них, подталкивая Бонда дулом пистолета.

Бонд медленно выпрямился. Он тяжело захромал, следуя за мужчинами, шедшими впереди него к дверям салона. Когда качающиеся двери распахнулись перед ним, он приостановился и тут же почувствовал на спине дуло пистолета.

— Сейчас, — сказал Бонд и прошел через двери. Прямо перед ним был Мак Голинг, а еще дальше был освещенный зал с баром, в котором автоматическая фисгармония играла для самой себя.

Бонд быстро схватил выше локтей впереди идущего, оторвал его от земли, повернул и бросил назад, на Фрассо, входившего в этот момент в дверь.

Весь деревянный дом закачался, когда эти два тела встретились, а Фрассо вылетел через дверь на деревянный тротуар.

Мак Голлинг быстро вскочил и повернулся к Бонду. В его руке был поднимающийся пистолет. Бонд левой рукой схватил его за плечо и в то же время открытой правой резко ударил вниз по пистолету. Мак Голинг опустился на пол около дверного косяка. Пистолет упал на пол.

Через качающуюся дверь показалось дуло пи-

столета Фрассо, и оно поднялось на Бонда. Когда из него блеснуло желтое с голубым пламя, Бонд, кровь которого играла перед битвой, мгновенно упал на пол, поближе к пистолету, лежащему у ног Мак Голинга. Он положил на него руку и дважды выстрелил вверх с пола, пока Мак Голинг не наступил на его руку, а потом и уселся на него верхом. Когда Бонд падал, он видел дуло пистолета Фрассо, пули из которого полетели в потолок. В этот момент грохот падающих тел прозвучал финальным шумом.

Затем Мак Голинг схватил Бонда за руку, а тот старался защитить свои глаза. Пистолет все еще лежал на полу, и каждый из них мог свободно дотянуться до него.

Несколько секунд они, как звери, боролись молча. Затем Бонд, привстав, резко распрямил плечи, стремительно встал и сбросил с себя груз, приготовившись к новому нападению. В это время Мак Голинг поднял колено к подбородку Бонда и сбил его с ног так, что тот упал, щелкнув зубами.

После этого гангстер, издав страшный рев, набросился на него, нагнув голову и колотя его обеими руками.

Бонд согнулся, прикрывая живот, и голова гангстера ударила его в ребра, а кулаки начали

неистово молотить его.

Дыхание Бонда со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы, но он все же фиксировал взгляд на голове Мак Голинга, которая была прямо перед ним. Резко повернув корпус, он отвел плечо и когда гангстер поднял голову, ударил его правой рукой. После двух ударов Мак Голинг выпрямился сперва во весь рост, а потом снова рухнул на пол. Бонд, как пантера, вскочил на него и наносил ему удары до тех пор, пока гангстер не стал ослабевать. Тогда Бонд схватил его за запястье и лодыжку и сдернул с пола, а потом, собрав все свои силы, сделал почти полный оборот и бросил тело в комнату.

Раздалось дребезжание струн, когда летящее человеческое тело рухнуло на фисгармонию, потом раздался металлический лязг и грохот ломающегося дерева, и умирающий инструмент перевернулся вместе с распластанным на нем человеком и рухнул на пол.

Бонд стоял посреди комнаты в отголосках эха, широко расставив ноги и держась на них из последних сил. Дыхание с трудом вырывалось из его горла. Он медленно поднял избитую руку и провел ею по влажным волосам.

— Хватит!

Это был женский голос и он доносился со стороны бара. Бонд встряхнулся и медленно обернулся.

В салоне были четверо. Они стояли спиной к бару из красного дерева. За спинами этих людей сверкали ряды бутылок, поднимающиеся до самого потолка.

Бонд не мог себе представить, сколько времени они уже находились здесь.

Впереди всех стоял главный гражданин и владелец Спектрвилла, великолепный, неподвижный и властный.

Мистер Спенг был одет ковбоем. Это был традиционный костюм, в котором было все, вплоть до серебряных шпор на блестящих сапогах. Пиджак и широкие штаны были черного цвета и красиво оторочены серебром. Большие спокойные руки лежали на рукоятках пистолетов из слоновой кости, которые висели на бедрах.

Мистер Спенг мог выглядеть смешным, но это было не так. Голова его немного наклонилась вперед, прищуренные глаза были холодными и жестокими.

Справа от мистера Спега стояла Тифани Кейс, положив руки на бедра. В своем ковбойском костюме она выглядела, как дива из фильма. Она

стояла неподвижно, не спуская с Бонда глаз. Они блестели, а мягкие красные губы слегка приоткрылись. Другую часть квартета представляла пара мужчин в черных капюшонах, совсем недавно побывавшая в грязелечебнице в Саратого… Каждый из них держал в руке пистолет, направленный на живот Бонда.

Бонд медленно вынул носовой платок и тщательно вытер им лицо. Его голова полностью прояснилась, и вся эта сцена в ярко освещенном салоне с модной отделкой и рекламой пива и виски внезапно стала казаться роковой…

Мистер Спенг нарушил молчание.

— Подведите его, — тяжелые скулы и большие губы двигались, чеканя каждое слово. — И скажите кому-нибудь, чтобы позвонили в Детройт. Скажите о том, что некоторые мальчики страдают галлюцинациями. И скажите, чтобы выслали еще двоих, которые были бы получше, чем эти… А также прикажите немедленно здесь все убрать. Вы поняли?

По деревянному полу раздался звон шпор, когда мистер Спенг направился к выходу из комнаты, бросив на Бонда взгляд, содержавший в себе нечто большее, чем простое предупреждение. Девушка тут же последовала за ним, а двое мужчин

подошли к Бонду и высокий сказал:

— Ты слышал?

Бонд медленно двинулся за девушкой, и двое, встав по бокам, тоже пошли за ним.

За баром находилась дверь. Бонд прошел через нее и оказался в зале ожидания вокзала со скамеечками и старинным расписанием поездов и объявлениями, «не плевать на пол» и тому подобными.

— Направо, — сказал один из мужчин.

Бонд повернул и вышел через дверь вокзала на железнодорожную платформу. Остановившись, он тут же почувствовал, как в спину ему уперлось дуло пистолета.

Это был, вероятно, самый необычный поезд в мире. Паровоз из старых локомотивов класса Лайта, выпущенный, вероятно, около 1870 года, о котором Бонд слышал, как об одном из самых красивых паровозов, когда-либо созданных людьми. Его полированные медные поручни и тяжелый колпак над трубой блестели при свете газовых фонарей. Над двумя высокими колесами было написано большими золотыми буквами название паровоза — «Пушечное ядро».

К тендеру был присоединен пульмановский вагон светло-коричневого цвета. Рамы в его круг-

лых окнах были из красного дерева. На овальной металлической доске белела надпись — «Сьера-Белла». Над окнами, немного ниже крыши, буквами кремового цвета сделана еще одна надпись — «Тонопах».

— Я уверен, что ты никогда ничего подобного не видел, — с гордостью проговорил один из сопровождающих Бонда конвоиров, — Ну, а теперь топай!

Голос был приглушен черным капюшоном.

Бонд медленно поднялся на платформу с медными поручнями. Впервые в жизни он ясно осознал, что значит быть миллионером, и понял, что у мистера Спенга гораздо больше денег, чем можно было предположить.

Интерьер вагона был роскошен. Свет, льющийся из маленьких хрустальных люстр на потолке, отражался на полированной мебели из красного дерева, на серебряных и стеклянных вазах. Ковры и шторы были темно-красного цвета, а потолок, с большим вкусом расписанный картинами, — кремовый.

В передней части вагона помещалась столовая. За столом, судя по сервировке, ужинали два человека. Стояла корзина с фруктами и открытая бутылка шампанского в серебряном ведерке.

Дальше тянулся узкий коридор, в который выходили три двери. Там, вероятно были спальни и туалет. Бонд все еще думал об этой роскоши, когда одна дверь распахнулась перед ним.

В дальнем конце приемной, повернувшись спиной к открытому мраморному, обрамленному золотом, камину, стоял мистер Спенг. В маленьком кожаном кресле около письменного стола совершенно прямо сидела Тифани Кейс. Бонд обратил внимание на то, как она держала сигарету. Ему показалось, что она нервничала и держалась неестественно. Казалось, что она была чем-то сильно испугана.

Бонд сделал несколько шагов по направлению к одному из кресел. Он повернул его так, чтобы можно было видеть их лица, и сел, положив ногу на ногу. Затем вытащил портсигар и тщательно выбрал сигарету. Глубоко затянувшись, он посмотрел на Спенга.

Мистер Спенг медленно вытащил изо рта потухшую сигару и положил ее в пепельницу.

— Останьтесь здесь, Винт. Кидд пойдет делать то, что я ему сказал, — он опять чеканил слова. — Теперь вы, — его глаза сердито уставились на Бонда. — Кто вы? И что вы здесь делаете?

— Если мы собираемся поговорить, то мне пред-

варительно не мешает выпить, — сказал Бонд.

Мистер Спенг холодно оглядел его.

— Принесите ему выпить, Винт.

Бонд немного повернул голову.

— «Бурбон» с водой, — сказал он, — пополам.

Раздалось сердитое рычание, и Бонд услышал, как заскрипел пол под ногами человека, направившегося за выпивкой.

Бонду не понравился вопрос Спенга… Сейчас он изложит ему свою историю. Пока, кажется, все в порядке. Он сидел, курил и оценивающе посматривал на мистера Спенга.

Винт принес напиток и так резко передал его Бонду, что небольшая часть его пролилась.

— Спасибо, Винт, — сказал Бонд.

Он сделал большой глоток. Напиток был крепким. Он сделал еще глоток, а потом поставил стакан на пол перед собой. Затем снова посмотрел на напряженное и жестокое лицо.

— Я не люблю, когда меня испытывают, — непринужденно проговорил он. — Я сделал свою работу и получил свои деньги. И если я решил играть на них дальше, то это уже мое личное дело. Я ведь вполне мог и проиграть! А потом ваши парни стали дышать мне в шею и заставили меня немного поиграть с ними. А если вы хотели

меня видеть, то почему не позвонили или не послали за мной? Посылать этот «хвост» было не по-дружески. А когда они стали вести себя грубо и стели стрелять, я решил, что теперь настала моя очередь проучить их.

— Вы не получили никакого сообщения из Лондона, молодой человек? — мягко сказал Спенг. — Вероятно, будет лучше, если я введу вас в курс дела. Вчера я получил из Лондона кодированное донесение…

Он сунул руку в карман и вытащил оттуда листок бумаги, не спуская глаз с Бонда.

Бонд понял, что в этой бумаге были плохие для него новости. И еще он был почему-то уверен, что прочтет в начале телеграммы слово «глубоко». Он ошибся.

— Это от моего хорошего друга из Лондона, — сказал Спенг. Он медленно перевел взгляд с Бонда на бумагу. — Здесь говорится: «Точно известно, что Питер Франк задержан полицией без предъявления обвинения. Приложите все усилия и задержите подставного курьера. В случае необходимости — устраните его и доложите…».

В вагоне наступила тишина. Мистер Спенг поднял глаза и посмотрел на Бонда.

— Ну, мистер, как вас там? Кажется, вы сделали

неудачный ход и с вами будет покончено…

Бонд понял, что это весьма вероятно, и мысленно прикинул, что и как может теперь с ним случиться. В то же время понимал, что раскрыл все, что нужно было узнать и для чего он прибыл в Америку. Здесь он уже полностью завершил свою работу. Два брата Спенга на самом деле представляли собой начало и конец алмазной трубки. Теперь у него были ответы на все поставленные вопросы. Но он должен был еще каким-то образом передать эти сведения…

Он нагнулся за стаканом и, когда поднял его, на дне стакана задрожали льдинки. Он сделал последний глоток и поставил стакан на пол. Потом прямо посмотрел в глаза Спенга.

— Мне передал эту работу сам Питер Франк. Она ему почему-то не понравилась, а мне крайне нужны были деньги.

— Не говорите чепуху, — прямо сказал мистер Спенг. — Вы — полицейский или частный детектив, одно из двух. И я собираюсь узнать, на кого вы работаете и что вам стало известно о нас? Что вы делали тогда в грязелечебнице? Рядом с этим проклятым жокеем? Почему у вас имеется оружие и где вы научились так профессионально обращаться с ним? Каким образом вы связаны

с Пинкертоном, кроме посредничества этого подставного шофера такси? И тому подобное… Вы ведете себя так, как ведут хорошие частные детективы. — С внезапной злостью он обернулся к Тифани Кейс. — Как это вы могли попасться на удочку, вы — глупая сука! Я просто не могу этого понять!

— Черт возьми! — вспыхнула Тифани Кейс. — Мне прислал его АВС, и он работал совершенно нормально. Может быть, вы считаете, что я должна была сказать АВС, чтобы он подыскал себе другого человека? Только я бы никогда этого не сделала! Я знаю свое место! И не воображайте, что вы можете хоть в чем-то упрекнуть меня. И все же… не исключена возможность, что этот парень говорит правду.

Ее сердитые глаза скользнули по нему, и Бонд заметил в них страх за него.

— Мы это и собираемся узнать, и будем вести допрос до тех пор, пока этот парень не заговорит или не умрет… Пусть он не думает, что ему удастся вынести все это… пусть не думает. — Он посмотрел на охрану, стоявшую позади Бонда. — Винт, возьми Кидда и возвращайся с сапогами.

— «Сапогами?» — только одна мысль.

Бонд сидел молча, собирая все свое мужество и

силы. Было бы просто потерей времени спорить с мистером Спенгом или пытаться убежать отсюда. Восемьдесят миль по пустыне! Но он выбирался и из худших ситуаций… Пока он жив, а они вряд ли собираются убирать его. Не следует терять надежды! Существовали еще и Феликс Лейтер, и Эрни Курсо, и, возможно, Тифани Кейс… Он взглянул на нее. Ее голова была опущена, и она внимательно разглядывала свои ногти.

Бонд услышал, как двое подошли и встали позади него.

— Выведите его на платформу, — сказал мистер Спенг, и Бонд увидел, как кончик его языка высунулся изо рта и облизал тонкие губы. — Бруклинский вариант. Восемьдесят процентов. Понятно?

— О'кей, босс!

Этот голос принадлежал Винту, и в нем чувствовалась алчность.

Потом они вышли на платформу и усадили его на скамейку. Двое в капюшонах сели напротив Бонда. Они поставили футбольные бутсы рядом с собой и начали расшнуровывать их…

Глава 20. Пламя из трубы

Черный водолазный костюм плотно облегал тело и сжимал его. Почему, черт возьми, Стрейгвец не согласовал с морским министерством точные размеры костюма? Под водой в море было очень темно, и течение настолько сильное, что его бросало на коралловый риф… Ему придется плыть с большими усилиями, чтобы преодолеть этот риф. Но вот что-то схватило его за руку… Что это, черт возьми?

— Джеймс, ради Бога, Джеймс!

Она отстранилась от его уха и, насколько хватило сил, встряхнула его окровавленные руки. Наконец, глаза Бонда раскрылись, и он, глубоко вздохнув, взглянул на нее.

Она наклонилась над ним, боясь, что он снова ускользнет от нее. Но он, казалось, уже пришел в себя, перевернулся и встал на четвереньки, опустив голову к земле, как раненый зверь.

— Вы можете идти?

— Подождите…

Его собственный голос казался ему незнакомым, и, возможно, она не поняла его.

— Пожалуйста, подождите, — снова сказал он.

Бонд стал изучать свое тело, чтобы установить, что от него осталось. Он ощупал руки и ноги. Он мог двигать головой из стороны в сторону. Он видел полосы лунного света на полу. Он слышал ее. Вероятно, с ним было все в порядке, но он просто не хотел двигаться… Сила воли исчезла, и он просто очень хотел спать, а еще лучше — умереть, чтобы только заглушить боль, которая раздирала все тело. Ему хотелось заглушить воспоминание о паре сапог, кромсающих его ноги, и о реве, доносившемся из-под капюшонов.

И в этот миг он подумал о Спенге и его людях. Желание жить снова появилось в нем, и он простонал:

— О'кей, — а потом снова повторил, чтобы быть уверенным, что она поняла: — О'кей.

— Мы находимся в зале ожидания, — прошептала девушка. — Мы должны добраться до конца станции, выйдя из двери налево. Вы слышите меня, Джеймс?

Она протянула руку и откинула со лба его влажные волосы.

— Надо двигаться, — сказал Бонд, — я пойду за вами.

Девушка поднялась и открыла дверь. Бонд сжал

зубы и выполз на освещенную луной платформу. Когда он увидел на земле темное пятно, злость и жажда мести придали ему силы, и он с трудом поднялся на ноги, покачивая головой, чтобы отогнать круги перед глазами. Тифани Кейс обхватила его руками за талию, и он захромал к концу деревянной платформы, откуда они спустились по ступенькам на землю к блеснувшим рельсам.

Там на одноколейной дороге стояла дрезина. Бонд остановился и взглянул на нее.

— Где бензин? — спросил он.

— Я уже заправила, — прошептала Тифани. — Они пользуются ею для проверки исправности дороги по всей линии. Я умею ею управлять. Я уже убрала подпорки. Торопитесь! Залезайте скорее! Следующая станция — Риолит.

— Боже мой, какая вы чудесная девушка, — прошептал Бонд. — Но будет чертовски много шума, когда мы тронем. Подождите, я кое-что придумал! У вас есть спички?

Он уже наполовину не чувствовал боли. Но дыхание с шумом вырывалось сквозь его сжатые губы, когда он обернулся, чтобы посмотреть на молчаливые деревянные здания Спектрвилла.

На ней были одеты спортивные брюки и блуз-

ка. Она сунула руку в карман и протянула ему зажигалку.

— Что вы придумали? — спросила она. — Мы должны двигаться.

Но Бонд подошел к ряду бочек с бензином, стал открывать их все по очереди и лить содержимое на деревянную платформу и стены вокзала. Он вернулся к Кейс, когда опорожнил шестую бочку.

— Поехали!

Он нагнулся и поднял газету, валявшуюся у рельсов. Раздался шум стартера и застучал мотор.

Бонд щелкнул зажигалкой, газета загорелась, и он бросил ее на платформу. Его чуть не охватило пламя, когда он взбирался на площадку дрезины, но девушка повернула рукоятку, и они тронули с места. Дрезина быстро набирала скорость. Стрелка спидометра дрожала около цифры 30, волосы девушки откинулись назад и развевались перед ним, как золотое пламя.

Бонд оглянулся и посмотрел на зарево, которое они оставили позади себя. Ему казалось, что он слышит треск сухих досок и крики людей, выскакивающих из своих комнат. Если бы только пламя добралось до Винта и Кидда, зажгло бы

краску на пульмановском вагоне и покончило с этой гангстерской шайкой.

Но у них с девушкой были собственные заботы… Который сейчас час? Бонд глотнул ночной воздух и попытался заставить работать свой мозг. Луна висела низко. Четыре часа? Согнувшись от боли, он прошел на платформу, где были сидения из ведер, с трудом перебрался через них и встал рядом с девушкой.

Он положил ей руку на плечо, а она, обернувшись, улыбнулась ему. Потом, стараясь перекричать шум работающего двигателя и перестук колес, сказала:

— Джеймс, это была отличная идея! Как вы себя чувствуете? — она внимательно посмотрела на его разбитое лицо. — Выглядите вы ужасно!

— У меня ничего не сломано, а это главное, — сказал Бонд. — И мне кажется, что для восьмидесяти процентов, которые определил Спенг, совсем неплохо. — Он попробовал улыбнуться. — Все же лучше, когда тебя избивают, чем когда в тебя стреляют.

На лице девушки отразилось восхищение.

— Мне пришлось сидеть там и притворяться, что меня все это совершенно не трогает. Спенг сидел, слушал и внимательно наблюдал за мной.

Потом они проверили веревки и перетащили вас в зал ожидания. А затем довольные отправились спать. Я выждала час в своей комнате, а потом приступила к действию. Самым трудным для меня было заставить вас встать.

Бонд крепко сжал ее плечи.

— Я скажу вам все, что о вас думаю, когда немного поутихнет боль. Но что будет с вами, Тифани? Вам придется нелегко, если они вас поймают. И кто же все-таки эти два человека в капюшонах? Винт и Кидд? Что они собираются делать дальше? Мне бы очень хотелось еще раз увидеться с ними.

Девушка мельком взглянула на разбитые губы Бонда.

— Я никогда не видела их без капюшонов, — искренно проговорила она. — Кажется, они из Детройта. О них ходит множество разных и отвратительных слухов. Они делают работу, требующую применения силы, и выполняют специальные задания. Сейчас они всей своей сворой ринутся за нами, но вы не беспокойтесь обо мне. — Она снова взглянула на него, и ее глаза блестели от счастья. — Первое, что нам необходимо сделать, это доехать до Риолита. Там мы найдем машину и доберемся до Калифорнии.

У меня с собой много денег. Потом мы пойдем к врачу, вы примите ванну, мы купим вам костюм и подумаем, что делать дальше. Я захватила ваш пистолет. Один из помощников Спенга принес его. А я забрала, как только Спенг отправился спать.

Она расстегнула блузку и вытащила пистолет из-за ремня брюк.

Бонд взял у нее свою «Беретту» и почувствовал на металле тепло ее тела. Он вынул магазин, там осталось три патрона. Он вернул его на место и поставил пистолет на предохранитель, затем сунул его за ремень брюк. И тут впервые вспомнил, что пиджак его исчез. Один из рукавов рубашки был полуоторван. Он оторвал его совсем и выбросил. Потом он потянулся за портсигаром, который обычно лежал в правом кармане его брюк, но и он исчез. Зато в левом кармане остались на месте бумажник и паспорт. Он вытащил их и при свете луны сумел разглядеть, что они порядочно измяты. Проверил наличие денег в бумажнике, они были на месте. Он положил обратно в карман и паспорт и бумажник.

Некоторое время они ехали, слыша лишь гул маленького двигателя и стук колеи, которые нарушали тишину ночи. Впереди них тонкая

серебристая линия рельсов тянулась к горизонту, обрываясь лишь в одном месте, где железнодорожная линия поворачивала направо к черной массе гор Спектра. Слева не было ничего, кроме бесконечной пустыни, в которой самые первые отблески зари начали окрашивать верхушки кактусов в голубоватый цвет. В двух милях от поворота металлический блеск луны на рельсах показывал дорогу на Хайвэй, 95. Дрезина пела свою песню, катясь все дальше. На ней не было ручек управления, кроме тормоза и газа, которую Тифани выжала до отказа. Спидометр показывал тридцать миль. Пробегали минуты и мили. Превозмогая боль, Бонд часто поворачивался и рассматривал разгорающееся позади пламя.

Они ехали так уже более часа, когда какой-то тонкий гудящий звук заставил Бонда внимательно прислушаться. Звук на рельсах или в воздухе?.. Он снова взглянул через плечо. В голове у Бонда звенело.

— Вы что-нибудь видите сзади?

Она повернула голову. Потом, ничего не отвечая, выключила двигатель. Некоторое время они внимательно прислушивались… Да, звук шел по рельсам! Мягкая дрожь, не больше, чем отдаленных вздох…

— Это «Тонопах», — нерешительно сказала Тифани.

Она повернула рукоятку, и дрезина снова увеличила скорость.

— Сколько до Риолита?

— Около тридцати.

Некоторое время Бонд молча размышлял.

— Он должен быть недалеко. Точно трудно сказать, какое расстояние отделяет нас от него. Можете выжать что-нибудь еще из этой машины?

— Нет, — мрачно ответила она.

— Все будет хорошо, — сказал Бонд. — Продолжим езду. Может быть они взлетят на воздух или случится еще что-нибудь.

— О, конечно, — ответила она, — или пружина, может быть, ослабнет или он оставил ключ от двигателя дома в кармане пиджака…

В течение пятнадцати минут они ехали молча. Теперь Бонд отчетливо видел свет большого прожектора паровоза, прорезавшего ночь не более чем в пяти милях от них. Из большой трубы вырвался столб огненных искр. Рельсы под дрезиной сильно дрожали, а то, что раньше казалось отдаленным вздохом, теперь перешло в низкий угрожающий звук.

«Может быть, у него не хватит топлива?» — подумал Бонд. И тут же, как бы мимоходом, спросил у девушки:

— Я надеюсь, что у нас достаточно топлива?

— О, да, — ответила Тифани, — я заправила целый бак. Здесь нет индикаторов, но эти машины могут ехать вечно на одном баке.

Почти опережая ее слова и как бы разубеждая ее, двигатель закашлял: пуф, пуф… Потом снова весело застучал.

— О, Боже! — воскликнула Тифани, — Вы слышите?

Бонд ничего не ответил, но почувствовал, что его ладони стали влажными.

И снова: пуф, пуф!

Тифани Кейс осторожно крутила ручку подачи топлива.

— О, дорогая маленькая машинка, — умоляла она. — Прекрасная… умная… маленькая машинка! Пожалуйста, будь доброй с нами!

Пуф! Пуф!.. И дрезина зашипела и замерла. И вдруг она покатилась в тишине. На спидометре мелькали цифры: 25, 20… 15… 10… 5… Последний резкий поворот ручки подачи. Тифани ударила по рукоятке. Они остановились.

— Черт побери! — выругался Бонд.

Превозмогая боль, он прохромал по дрезине к баку с горючим. Вытащив окровавленный платок из кармана брюк, опустил его в бак и дотянулся им до дна. Потом вытащил, понюхал… Никакого запаха…

— Так и есть, — сказал он девушке. — Теперь нам надо хорошенько подумать.

Он огляделся. Налево никакого прикрытия и, по крайней мере, две мили до дороги. Направо, примерно в четверти мили — горы. Они могли бы добраться туда и спрятаться.

Но надолго ли?.. Это был, казалось, наилучший вариант. Земля под ними дрожала. Он взглянул вдоль рельсов на неумолимо приближающийся сверкающий прожектор. Сколько до него? Две мили? Увидит ли Спенг дрезину вовремя? Сможет ли он остановить поезд? Может быть, поезд сойдет с рельсов? Но потом Бонд вспомнил о захватывающем устройстве, которое неминуемо сбросит дрезину с рельсов, как стог сена.

— Пошли, Тифани, — сказал он. — Мы должны добраться до гор. Где же вы?

Он хромал вдоль пути. А она в это время подбежала к нему, задыхаясь.

— Здесь совсем недалеко есть другая ветка, — выдохнула она. — Если бы мы смогли откатить

туда дрезину и перевести проржавевшую стрелку, он, может быть, проехал мимо нас…

— Боже мой, — медленно сказал Бонд, затем с благоговением в голосе добавил. — Может ли быть хоть что-то лучше этого? Дайте мне руку.

Он наклонился и, сжав зубы от боли, стал толкать дрезину.

Когда они сдвинули ее с места, она стала двигаться легко, и им надо было только идти за ней и следить, чтобы она не останавливалась. Так они дошли до стрелки. Бонд продолжал толкать дрезину, пока она не проехала еще ярдов двадцать.

— Какого черта? — задыхаясь спросила Тифани.

— Пошли, — ответил Бонд. Задыхаясь, он побежал обратно к тому месту, где была стрелка. — Мы же собираемся пустить их по этому ответвлению.

— О, Боже! — с почтением воскликнула Тифани.

Потом оба они оказались у стрелки, и мускулы Бонда напряглись, когда он взялся за рукоятку перевода стрелки, а ржавый металл начал медленно подаваться. Эту стрелку переводили впервые за пятьдесят лет. Рельсы передвигались медленно, миллиметр за миллиметром. Когда

все было сделано, Бонд опустился на колени на землю, стараясь побороть боль, которая охватила его.

Но когда вдали показалась вспышка света, Тифани наклонилась к нему, и он снова оказался на ногах. Спотыкаясь, они побежали к дрезине. Все пространство было заполнено грохотом и звоном колокола, когда большое металлическое чудовище, из трубы которого летели искры, приближалось к ним.

— Ложитесь и не двигайтесь! — закричал Бонд.

Он толкнул ее на землю за дрезину, потом быстро прохромал на другую сторону дрезины, вытащил пистолет, держа его наготове. Бонд повернулся лицом к приближающемуся прожектору.

Боже, какая громадина! Сможет ли она повернуть и пойти по другой колее? Не ринется ли она на них?

Поезд приближался.

Пуфф! Что-то впилось в землю рядом с ним, и он увидел в кабине вспышку. Еще одна вспышка и пуля ударила рядом в рельс.

Крек, крек, крек! Это раздалась автоматная очередь, перекрывающая рев двигателя. Сам он не открывал огня. Было слишком мало патро-

нов и поэтому стрелять он имел право только наверняка.

И вот в двадцати ярдах от него быстро мчащийся паровоз вошел в поворот, наклонившись так, что пламя из его труды полыхнуло в сторону Бонда.

Раздался лязг металла. Дым и пламя рванули к небу. В кабине можно было ясно различить фигуру Спенга в се-ребристо-черном костюме. Одной рукой он держался за дверь кабины, а другой пытался передвинуть рукоятку регулятора подачи пара.

Бонд выстрелил три раза подряд. И на мгновение увидел исказившееся побледневшее лицо, а потом большой, черный с золотом, поезд промчался мимо, к темной стене гор Спектра. Луч прожектора все также прорезал темноту, колокол продолжал звонить.

Бонд медленно засунул «беретту» под ремень, и встал, провожая взглядом фоб мистера Спенга. На мгновение показалась луна.

Тифани Кейс подбежала к нему. Стоя рядом, они следили за заревом, полыхающим из высокой трубы, и слушали, как горы отбрасывали эхо удаляющегося паровоза. Девушка схватила его руку, когда поезд внезапно свернул в сторону и

исчез за выступом скалы. Теперь слышался лишь гул в горах и на небе отражались отблески света от стремительно мчащегося паровоза.

Вдруг вспыхнуло огромное пламя, и раздался ужасный грохот, как будто разверзлась земля. Потом до них донеслись отклики эха, появилось большое зарево… Потом шум стих и наступила полная тишина.

Бонд глубоко вздохнул, как будто он только что проснулся. Итак, это был конец одного из Спенгов. Одного из двух жестоких гангстеров, несущих смерть и создавших «Спенг Моб».

— Пошли отсюда, — сказала Тифани. — С меня хватит.

Бонд почувствовал, как проходит напряжение, и боль снова начинает охватывать его тело.

— Да, — кратко сказал он.

Он был рад уйти от воспоминаний и почувствовал в голове какую-то легкость.

— Мы должны добраться до дороги, а идти долго.

— Пошли!

Им понадобилось два часа, чтобы пройти две мили. Когда же они добрались до дороги, Бонд был почти в бреду. Девушка буквально тащила его на себе. Если бы не она, он никогда б не смог

выбраться, бродил среди кактусов и камней до тех пор, пока силы не оставили его окончательно, а солнце не прикончило.

А сейчас они сидели на дороге. Нежно говоря с ним, она вытирала пот с его лица полами своей блузки. Одновременно она не отрывала глаз от бетонной дороги, такой пустынной этим ранним утром.

После часового ожидания она вдруг вскочила на ноги, заправила блузку в брюки и встала посреди дороги. Низкая черная машина показалась со стороны. Лас-Вегаса, быстро приближаясь. Машина остановилась прямо перед ней и лицо, обрамленное копной волос цвета соломы, с пронзительными серыми глазами быстро оглядело ее с головы до ног. Человек в кабине посмотрел на распростертую на обочине фигуру и глаза его снова вернулись к Кейс. Потом шофер проговорил очень дружески с характерным техасским акцентом:

— Феликс Лейтер, мэм, к вашим услугам. Что я могу сделать для вас в это прекрасное утро?

Глава 21. Ничто так не сближает, как близость

— … а когда я приехал в город, но тут же позвонил Эрни Курсо, Джеймс его знает. Его жена была в истерике, а Эрни в госпитале. Сразу поехал к нему, и он все рассказал. Я подумал, что, может быть, Бонд нуждается в помощи. Итак, я вскакиваю на свою угольно-черную кобылу и скачу всю ночь, а когда стал подъезжать к окрестностям Спектрвилла, увидел в небе зарево. Насколько я понял, мистер Спенг заказал для себя праздник, потому что ворога были открыты. Я и решил присоединиться к пиршеству. И вот хотите верьте, хотите нет, но там не было ни одной души, кроме парня с перебитой ногой, сильно контуженного, который ползал по дороге, стараясь куда-нибудь укрыться. Он очень сильно напоминает мне одного типа из Детройта по имени Фрассо. Как мне рассказал Эрни Курсо, он был одним из тех, кто брал Джеймса. Парень был в таком состоянии, что я легко представил себе предшествующие события и решил что мне следует немедленно направляться в Риолит. Я сказал парню, что здесь

скоро будет много парней из пожарной команды, потом дотащил его до ворот и оставил там. Спустя некоторое время вижу девушку, стоящую посреди дороги в таком виде, как будто ею только что выстрелили из пушки. И вот, мы все вместе. Теперь рассказывайте вы.

«Итак, все это не сон, — думал Бонд. — Я лежу на заднем сидении машины, моя голова лежит на коленях Тифани. Это Феликс. И мы едем по дороге в безопасное место, где можно обратиться к врачу, выспаться и поесть»…

Бонд пошевелился и почувствовал руку Тифани у себя на волосах. Ее голос свидетельствовал, что все это наяву и что все хорошо. Он снова замер и молча старался запомнить каждое мгновение, прислушиваясь к голосам в машине и шороху шин по дорогу.

В конце рассказа Тифани, Феликс от удивления присвистнул.

— Да, мэм, — сказал он. — Вы двое, кажется, сделали большую дырку в «Спенг Моб». Что же, черт возьми, будет дальше? В осином гнезде еще очень много ос, и все они не допустят, чтобы с ними так обращались… Они определенно попытаются что-нибудь предпринять…

— Безусловно, — сказала Тифани. — Спенг был

членом синдиката в Лас-Вегасе, а все гангстеры тесно связаны друг с другом. А потом ведь есть еще и Шеди Трик… Чем скорее мы пересечем границу, тем будет лучше!

— Пока мы едем нормально, — сказал Феликс, — и будем в Беате через десять минут. Затем доберемся до пятьдесят восьмой мили и окажемся за границей через два часа. Потом нам придется пересечь Мертвую долину и горы по направлению к Элланча. Там мы окажемся у дороги номер 6. Вот там сможем остановиться и показать Джеймса врачу, дадим ему возможность привести себя в порядок. После этого направимся в Лос-Анджелес. Нам придется чертовски долго ехать, но мы должны попасть туда к ленчу. Там, наконец, мы можем сбросить напряжение. Мне кажется, что вам с Джеймсом необходимо как можно скорее покинуть страну. Эти мальчики постараются приготовить для вас все виды ловушек, и если они засекут, то я не поставлю ни пенни на любого из вас. Необходимо сегодня же вечером успеть к посадке на самолет в Нью-Йорк, и далее завтра утром в Англию. Так для вас будет лучше всего.

— Я думаю, вы правы, — сказала Тифани. — Но кто же все-таки этот Бонд? Каким видом рэкета

он занимается? Он что, осведомитель?

И Бонд услышал осторожный ответ Лейтера:

— Лучше спросите его сами, мэм. Но вам не следует очень беспокоиться по этому поводу. Он сам позаботится о вас.

Бонд улыбнулся про себя, и в долгой тишине, последовавшей за этим разговором, погрузился в тяжелый сон, который длился до тех пор, пока они не проехали половину пути до Калифорнии, и не остановились у белых ворот с табличкой: «Отис Феаплай».

А потом, весь в бинтах, с полосами ртутной мази, вымытый и побритый, чувствующий приятную теплоту в желудке от плотного завтрака, Бонд снова оказался в машине и вернулся полностью в окружающий его мир. К Тифани Кейс возвратились ее прежние манеры. Бонд старался быть хоть чем-нибудь полезен, следя за полицейскими, которые наблюдали, не превышает ли скорость проходящая машина, а Лейтер в это время вел автомобиль со скоростью 80 миль в час по бесконечной дороге к длинной линии облаков, закрывающих вершины высоких Сьерр.

Затем они быстро проехали по бульвару Заходящего солнца среди лип и изумрудных полян. Покрытый пылью «студиллак» выглядел нелепо

среди сверкающих «корветов» и «ягуаров». Наконец, под вечер они оказались в прохладном баре отеля «Беверли Хилл». В холле стояли их новые чемоданы, одеты они были в одежду из Голливуда, и даже разбитое лицо Бонда производило такое впечатление, как будто они только что закончили работу на студии. На столике, рядом с заказанными ими «мартини», стоял телефон. Лейтер заканчивал уже четвертый разговор с Нью-Йорком.

— Все в порядке, — сказал он, кладя трубку. — Мои парни достали для вас билеты на «Элизабет». Корабль был задержан в связи с забастовкой докеров в порту. Он отплывает завтра в восемь вечера. Они встретят вас в Ла Гардия с билетами, и вы сможете попасть на корабль в любое время после полудня. Они забрали твои вещи, оставленные в «Асторе», Джеймс: один небольшой чемодан и знаменитую сумку для гольфа. Парни в Вашингтоне занимаются паспортом для Тифани. В аэропорту будет человек из департамента, и вам обоим придется заполнить кое-какие бланки. Все должен устроить старый знакомый из ЦРУ. Я произвел сенсацию своим рассказом о призрачном городе. Кажется, они еще не обнаружили вашего друга Спенга, и ваши имена вообще

нигде не фигурируют. Мои ребята говорят, что в полицию по поводу вас еще не звонили, но один из наших секретных агентов сообщил, что гангстеры ищут вас по имеющимся у них описаниям вашей внешности. За ваши головы дают по десять тысяч долларов, так что лучше, если на корабль вы взойдете порознь. Постарайтесь незаметно пробраться в свои каюты и оставайтесь там.

— У Пинкертона, кажется, неплохая машина, — с восхищением сказал Бонд. — Но я буду рад, когда мы оба выберемся отсюда. Я всегда представлял себе ваших гангстеров, как группы жирных итальянцев, которые набивают пузо всю неделю пирожками, пивом и спагетти, а по воскресеньям прекращают работу в своих гаражах и аптеках для того, чтобы отправиться на скачки. И это отражается на их доходах.

Тифани Кейс весело рассмеялась.

— Вам надо проветрить голову, — сказала она. — Если мы благополучно доберемся до «Элизабет», — это будет просто чудом. Вот насколько они опасны! Толстяки!

Феликс Лейтер откашлялся.

— Пошли, голубки, — сказал он, посмотрев на часы. — Уже пора. Я должен вернуться в Лас-Вегас сегодня вечером и приступить к поискам скелета

нашего бессловесного друга Ши Смайл. А вам надо торопиться на самолет. Вы вполне сможете продолжить вашу пикировку и на высоте в две тысячи футов, гам у вас будет больше времени. Вы даже сможете попробовать помириться и стать друзьями. Знаете, как это делается? — Лейтер кивнул официанту.

Затем он отвез Джеймса и Кейс в аэропорт и оставил их там вдвоем. Джеймс ощутил комок в горле, когда после теплого прощания долговязая фигура прохромала к своей машине.

— У вас очень хороший друг, — сказала девушка.

Они смотрели, как Лейтер захлопнул дверцу и услышали звук включенного мотора. Машина Лейтера набрала скорость и направилась в обратный путь через пустыню.

— Да, — сказал Бонд. — Феликс — настоящий парень.

Луч луны в последний раз задержался на стальном протезе Лейтера, когда он махнул им на прощание. Потом пыль на дороге улеглась, и металлический голос громкоговорителя оповестил:

«Трансконтинентальная авиалиния. Рейс 93. Сейчас производится посадка на Чикаго и Нью-Йорк через выход номер пять. Просим всех

подняться в самолет».

Они прошли через стеклянные двери и сделали первые шаги в их длинном путешествии через половину земного шара к Лондону.

Новый «Констелейшн-Супер Д» ревел над темным континентом, а Бонд лежал в кресле, ожидая, когда придет сон, который унесет боль, пронизывающую его тело, и думал о Тифани, спавшей в нижнем ярусе.

Он думал о ее милом лице, невинном и беззащитном во сне. Из ее спокойных серых глаз исчезло насмешливое выражение. В уголках ее чувственного рта больше не было иронической усмешки, и Бонд чувствовал, что очень близок к тому, чтобы полюбить Тифани. А как она? И насколько в ней силен протест против мужского пола, родившийся в ту ночь в Сан-Франциско, когда в ее комнату ворвались мужчины? Сможет ли она выйти когда-нибудь из-за баррикады, которую начала строить против всех мужчин в ту ночь? Выйдет ли она когда-нибудь из оболочки, которая становилась все тверже с каждым годом одиночества?

Бонд вспомнил различные моменты, которые возникали в их отношениях за последнее время. Моменты, в которые он чувствовал ответ на

свое движение души. Моменты, когда чуткая страстная девушка проглядывала из-под маски жестокости, скрывающей ее от гангстеров, контрабандистов и крупье. В такие светлые моменты ему так хотелось сказать ей: «Возьми меня за руку, открой дверь, и мы вместе пойдем навстречу рассвету. Не беспокойся ни о чем, я буду идти рядом с тобой. Я всегда жил с мыслью о тебе, но ты не приходила, и я провел жизнь, все время прислушиваясь к чужим шагам»...

«Да, — подумал он, — с этой стороны все будет хорошо». Но был ли он подготовлен к последствиям? Если однажды он возьмет ее за руку, это будет навсегда. Сможет ли он сыграть роль исцелителя, психиатра, которому пациент передаст свою любовь и поверит в излечимость своей болезни? Не должно быть никакой жестокости, а она может проявиться и в том, чтобы отпустить ее руку, доверчиво протянутую ему. Был ли он готов к этому? Бонд пошевелился в своем кресле и отбросил эту проблему в сторону. Было еще слишком рано думать о таком: он двигался слишком быстро. Всему свое время. Он решительно направил все свои мысли на работу, которую ему еще предстояло закончить, на разговор с М. Он стал намечать свои дальнейшие действия

по делу, только после завершения которого он и сможет думать об устройстве личной жизни.

Итак, один из врагов был разбит, но был ли он главой предприятия или хвостом, еще неизвестно. Бонд склонялся к мысли, что Джек Спенг и АВС были истинными, настоящими руководителями всей аферы, и что Серафим управлял лишь завершающим ее этапом. Серафима можно заменить. Тифани — за ненадобностью ликвидировать. Шеди Трик, которого она могла впутать в дело об алмазной контрабанде, сумеет спрятаться до полного успокоения обстановки, если они считают, что Бонд представляет для них опасность. Но как привлечь Джека Спенга или Алмазный дом к этому делу, а единственной ниточкой к АВС был телефонный номер, который нужно было, и как можно скорее, узнать у девушки. Этот номер телефона и все контакты, связанные с ним, мгновенно изменятся, когда станет известно о дезертирстве Тифани. Об исчезновении Бонда, конечно, уже известно. Во всяком случае, об этом знает Шеди Трик. Таким образом, по рассуждениям Бонда, уничтожение его и Тифани было первостепенной целью Джека Спенга, а через него и АВС. Затем оставалось еще начало алмазной трубки в Африке… А к этому можно было

добраться только через АВС… И Бонд перед тем, как заснуть, решил, что его первой задачей будет сообщить М о создавшейся ситуации. И сделать это надо сразу же, как только они попадут на борт «Куин Элизабет». Люди Веленса сразу же приступят к работе. Бонду придется делать не так уж и много, даже тогда, когда они прибудут на место. Придется составлять множество отчетов, все тот же старый, давным-давно заведенный порядок в его учреждении. А по вечерам будет Тифани в его скромной квартире на Кинг-роуд. Ему надо будет послать телеграмму Мей, чтобы все приготовила. Итак проверим: цветы, хвойный концентрат для ванны, проветрить простыни…

Ровно через десять часов после вылета из Лос-Анджелеса они пролетали над Ла Гардия и повернули вблизи моря на длинную взлетно-посадочную полосу.

Было восемь часов утра. Воскресенье. В аэропорту народу было мало, но служащий остановил именно их, когда они шли по гудронированной дороге, и подвел к боковому входу, где их ожидали двое молодых людей от Пинкертона и департамента. Пока они говорили о полетах, принесли багаж. Потом их провели через боковую дверь туда, где уже ждал «понтиак» приятного

каштанового цвета.

А затем у них было несколько свободных часов отдыха, которые они с удовольствием провели в квартире, принадлежащей одному из служащих Пинкертона. А потом по очереди с интервалом около четверти часа поднялись по покрытому цветным ковром трапу на просторную и безопасную палубу «Куин Элизабет» и, наконец, очутились в своих каютах на палубе «М». Цель была достигнута: запертые двери кают надежно отгораживали их от мира.

Им не дано было знать, что когда Тифани, а вслед за ней и Джеймс Бонд поднялись на палубу океанского лайнера, какой-то совсем незаметный человечек быстро прошел к телефонной кабине в здании таможни и набрал номер телефона…

Спустя три часа два солидных американских бизнесмена вышли из черного «седана» на пристань и только успели пройти иммиграционную и таможенную службы, как по радио оповестили, что провожающих просят покинуть корабль, отправляющийся в рейс.

Один из этих бизнесменов выглядел довольно молодо, его внешность не гармонировала с преждевременно поседевшими волосами. На табличке, прикрепленной к его чемодану, было

написано имя: Е. Киттерид.

А другой бизнесмен был высоким и солидным мужчиной, с нервным блеском в маленьких глазках за стеклами очков. У него все время выступал на лице пот, и он постоянно вытирал его большим носовым платком.

Имя его на ярлыке саквояжа было В. Винтер, а под этим именем красными чернилами было написано: «Моя группа крови — Ф».

Глава 22. Любовь и соус «вернез»

Ровно в восемь часов на «Куин Элизабет» прозвучала сирена с такой силой, что в ближайших небоскребах зазвенели стекла. Были отданы швартовы, и лайнер, мягко разрезая воду, медленно двинулся вниз по реке со скоростью пять узлов в час. Затем, в Аббруаз Лейт, лоцман покинул лайнер, и его винты стали взбивать волны моря в густую пену. Наконец, издав прощальный гудок и пройдя по дуге от 45-й к 50-й параллели, лайнер взял курс на Саутгемптон.

Сидя в своей каюте, прислушиваясь к шуму волн и наблюдая, как по столу катался карандаш между расческой и краем паспорта, Бонд вспомнил о днях, когда курс этого лайнера был иным, когда он делал большой зигзаг далеко в Южную Атлантику и играл в прятки с большой группой немецких подводных лодок, направляясь к объятой пламенем Европе. Тогда это было рискованным предприятием, не то, что теперь. «Куин Элизабет», оснащенная радиолокаторами, эхолотами и прочими достижениями современной техники, двигалась с осторожностью восточной

принцессы, имея на борту огромный экипаж и целый маленький город пассажиров. Что касается Бонда, то единственной неприятностью для него могла явиться скука или расстройство желудка.

Он поднял трубку и попросил соединить его с мисс Кейс. Когда она узнала его голос, то издала чисто театральный вздох.

— Матросу море не по душе. Я чувствую, что море меня укачает. Мне уже как-то смутно, а ведь мы плывем еще по реке!

— Все будет нормально, — сказал Бонд. — Оставайтесь в своей каюте и живите на «драмамине» и шампанском. Я буду не в форме два или три дня. Собираюсь вызвать врача и массажиста из турецких бань. Надо попробовать собрать себя по кусочкам. Вообще, нам не повредит, если мы не будем показываться на людях большую часть нашего путешествия. Вполне может быть, что они засекли нас в Нью-Йорке.

— Хорошо, я согласна, если вы обещаете звонить мне каждый день, — сказала Тифани, — и еще обещаете, что сводите меня в ресторан, как только я почувствую, что смогу проглотить хоть немного икры. О'кей?

Бонд засмеялся.

— Если вы так решительно на этом настаива-

ете, — согласился он. — А теперь внимательно послушайте меня. В обмен на это я прошу, чтобы вы припомнили об АВС и лондонском конце этого бизнеса все, абсолютно все. И тот телефонный номер. Может быть, еще что-нибудь. При встрече я расскажу вам, почему в этом так заинтересован. Но пока вы должны поверить мне на слово. Идет.

— О, конечно, — безразлично сказала девушка, как будто эта сторона ее жизни потеряла для нее всякое значение.

В течение десяти минут он задавал ей вопросы, но кроме отдельных незначительных деталей, все ответы были безрезультатными. Она ничего не знала об АВС.

Затем он положил трубку и позвонил стюарду, заказал обед и сел за составление отчета, который должен был закодировать и отправить этой же ночью.

На лайнер тихо опустились сумерки, и маленький город-корабль с тремя тысячами душ продолжал свой пятидневный путь, во время которого здесь могло произойти все, что естественно для любого другого небольшого сообщества людей: кражи, драки, совращения, попойки, надувательство, возможно, роды, самоубийства, сотни

стычек, вероятно, даже убийство…

И в то время, как железный город покачивался на волнах Атлантического океана и мягкий ночной ветер свистел в снастях, дежурный радист начал уже принимать и передавать радиограммы. Ровно в десять часов по Гринвичу он послал радиограмму, адресованную в Лондон: «АВС, Алмазный дом, Хаттон Гарден», в которой говорилось:

«Субъекты обнаружены. Если обстоятельства потребуют, то неизбежно принятие решительных мер. Назначьте стоимость в долларах. Винтер».

Часом позже, в то время, как радист вздыхал при мысли, что ему придется передать пятьсот пятизначных групп цифр, адресованных «Главному директору Универсального экспорта, Риджент Парк, Лондон», радиостанция Партие-хеад передала короткую радиограмму, адресованную Винтеру, пассажиру первого класса, в которой говорилось: — «Желательно аккуратно и быстро убрать Кейс. Повторяю — Кейс. Оплата двадцать тысяч долларов. Другим субъектом займусь сам по прибытии в Лондон. Подтверждаю АВС».

Радист нашел Винтера в списке пассажиров, положил сообщение в конверт и отправил вниз в каюту на палубе «А», находящуюся ниже палубы,

где обосновались Бонд и его спутница. Там двое мужчин заправлялись джином и ромом, и когда стюард покинул каюту, он услышал, как полный мужчина сказал с таинственным видом молодому человеку с седыми волосами.

— Что ты во всем этом понимаешь, болван! Теперь за то, чтобы убрать человека, платят двадцать тысяч долларов. Вот так-то, парень!

Только на третий день путешествия Тифани и Джеймс договорились встретиться, чтобы выпить коктейль в наблюдательном салоне, а попозже пообедать в ресторане на палубе. В полдень погода была совершенно спокойной, а после ленча в своей каюте Бонд получил записку, написанную на корабельной бумаге округлым почерком, в котором безапелляционно говорилось: «Назначьте мне сегодня свидание. Обязательно».

И рука Бонда тотчас же потянулась к телефону.

Они оба страстно желали очутиться рядом друг с другом после трех дней разлуки. Но Тифани опять была неприступна, когда присоединилась к нему, сидящему за угловым столиком коктейль-бара на носу корабля.

— Что это за столик? — саркастически заметила она. — Вы стыдитесь меня или еще что-нибудь в этом роде? Я надела самое модное и самое ши-

карное платье из Голливуда, а вы прячете меня, как будто я мисс Рэйнгольд 1914 года. Я хочу доставить себе немного удовольствия и посмеяться над этим старым пароходом, а вы причете меня в угол, как будто я в чем-то провинилась.

— Что-то в этом роде, — ответил Бонд. — Все, что вы добиваетесь, — это внимания других мужчин.

— А что еще девушка должна делать на «Элизабет»? Ловить рыбку с палубы?

Бонд засмеялся. Он подозвал официанта и заказал два «мартини» с лимоном.

— Я могу предоставить вам только один выбор…

— … милая девушка, — подхватила она, — вы можете прекрасно проводить время с симпатичным англичанином. Только дело в том, Бонд, что этот англичанин, по-моему, охотится за моими фамильными драгоценностями! Что же мне делать? Я полностью принадлежу ему, — она внезапно наклонилась вперед и положила свою руку поверх его. — Послушайте, вы, Бонд! Я счастлива, как сверчок! Мне нравится быть здесь. Мне нравится быть с вами. И мне тоже нравится этот столик в полумраке, где никто не видит, что я держу вас за руку. Не обращайте внимания на

мою болтовню! Я просто не могу скрывать, что я счастлива! Не обращайте внимание на мои глупости. Ладно?

На ней одета блузка из тяжелого шанхайского шелка кремового цвета и черная шерстяная юбка. Нейтральные цвета подчеркивали ее загар. Единственным украшением были квадратные часики на черном ремешке. Короткие ногти на маленькой загорелой руке не были покрыты лаком.

Отраженные лучи солнечного света сверкали на ее золотистых, тяжело падающих волосах, в глубине ее переливающихся серых глаз и на блестящих белых зубах, которые виднелись между полуоткрытых полных губ.

— Нет, — сказал Бонд, — нет, я не против, Тифани. Все, что связано с вами, — прекрасно…

Она взглянула на него и была удовлетворена тем, что увидела. Принесли вино, и она отдернула руку, стала насмешливо смотреть на него поверх своего бокала.

— Теперь ответьте мне на некоторые вопросы, — сказала она. — Прежде всего, чем вы занимаетесь, на кого работаете? Сначала в отеле я подумала, что вы — первоклассный обманщик. Но потом каким-то чутьем поняла, что это не так. Я понимаю, что должна была предостеречь вас от

АВС, и мы бы избежали всего этого… Но я этого не сделала! Ну, рассказывайте, Джеймс!

— Я работаю на правительство. Оно собирается прикрыть навсегда алмазную контрабанду.

— Что-то наподобие секретного агента?

— Просто государственный служащий.

— О'кей! Итак, что же вы собираетесь делать со мной, когда мы прибудем в Лондон? Посадите в тюрьму?

— Да. В свободной комнате моей квартиры.

— Это уже лучше. Я тоже начну служить королеве, как и вы. Мне хотелось бы быть влиятельной фигурой.

— Я думаю, что это мы сможем как-нибудь устроить.

— Вы женаты? — она помолчала. — Или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Время от времени я вступаю в связь.

— Так вы один из тх старомодных мужчин, которым нравится спать с женщинами? Почему же вы не женаты?

— Я считаю, что так смогу жить более самостоятельно. Большинство браков не соединяют двух людей, а наоборот, и одно вытекает из другого.

Тифани Кейс задумалась.

— Может быть, в этом есть смысл, — сказала

она наконец. — Но это зависит также и от того, как вы относитесь к подобным отношениям, хорошо ли относитесь к человеку. Ведь вы сами не можете считать себя совершенством.

— А как вы?

Девушка не очень хотела услышать этот вопрос.

— Может быть, я просто стала бесчувственной, — коротко ответила она. — За кого, черт возьми, я могу выйти замуж? За Шеди Трика?

— Но, должно быть, было и много других?

— Их не было, — сердито ответила она. — Может быть, вы думаете, что я не должна была связываться с этими людьми? Да, понимаю, что выбрала просто неправильный путь. — Вспышка угасла и она жалобно посмотрела на него. — Это случается с людьми, Джеймс, и часто это не их вина.

— Я знаю, Тифани, — сказал он. — Феликс мне немного рассказал о происшедшем. Вот почему я не задавал вам никаких вопросов. Просто не стоит думать об этом. Сейчас мы здесь и должны жить сегодняшним днем, а не вчерашним. — Он переменил тему. — Теперь расскажите мне кое о чем, например, почему вас зовут Тифани и что означает быть сдающей карты в «Тиаре»? Каким

образом вы научились так искусно это делать? Вы превосходно сдаете карты, значит, вы можете делать многое.

— Спасибо, друг, — иронически сказала Тифани. — Что делать? Играть на равных? Меня назвали Тифани потому, что когда я родилась, дорогой папа Кейс был так огорчен, что я не мальчик, что подарил моей матери тысячу долларов и пудреницу из шелкового газа — Тифани, и ушел. Он пошел на флот и вскоре его убили на Имо-Яма. Так что моя мать назвала меня Тифани Кейс и стала зарабатывать на жизнь для нас обеих. Она начала свою деятельность с подбора девушек, вызываемых для мужчин по телефону. Может быть, вас это шокирует?

Она взглянула на него полувызывающе, полувопросительно.

— Это меня просто не волнует, — сухо ответил Бонд. — Вы не были одной из тех девиц?

Она пожала плечами.

— Затем на это дело наложили лапу гангстеры. — Она помолчала и допила свой «мартини». — Я сбежала. Работала на обыкновенной работе, на которой работают девушки. Затем дорога привела меня в Рено: там находилась школа, обучающая, как сдавать карты в азартных играх.

Я записалась туда и стала тренироваться, как дьявол. Прошла полный курс. Специализировалась на игре в кости, рулетке и игре в очко. На сдаче карт можно заработать хорошие деньги. Двести долларов в неделю. Мужчины любят, когда карты сдают девушки, это придает женщине уверенность, а они думают и рассчитывают, что ты будешь доброй по отношению к ним. Мужчины, сдающие карты, пользуются меньшим успехом, но не думайте, что приятно делать это. — Она помолчала, потом улыбнулась ему. — Теперь снова ваша очередь, — сказала она. — Закажите мне еще вина, а потом расскажите, какого типа женщина, по вашему мнению, больше подходит вам?

Бонд сделал официанту заказ. Он закурил и повернулся к ней.

— Кто-нибудь, кто сможет сделать соус «вернез» так же хорошо, как и любить.

— Ужасный человек! Ведь это может быть любая старая глупая ведьма, которая умеет хорошо готовить и лежать на спине!

— О, нет! Она должна обладать всеми хорошими качествами, которые имеются у женщин, — Бонд, внимательно оглядел ее. — Золотые волосы, серые глаза, чувственный рот, идеальная фигура.

Кроме этого, конечно, она должна хорошо говорить, уметь одеваться, играть в карты и тому подобное. Обычные вещи.

— И вы бы женились на такой, если бы нашли ее?

— Не обязательно, — ответил Бонд. — В действительности же я почти состою в брачном союзе. С мужчиной. Его имя начинается на букву «М»>. Мне придется расторгнуть с ним брак прежде, чем я могу жениться на женщине. И я не уверен, что хочу этого. Она будет пичкать меня бутербродами в гостиной, обставленной по ее вкусу, и тому подобное. Так это долго не продлится. Я сбегу от этого. Я сделаю так, чтобы меня послали, например, в Японию… или еще куда-нибудь…

— А как насчет детей?

— Я хотел бы иметь детей, — коротко ответил Бонд. — Но тогда, когда уйду со службы. В противном случае, меня это не устраивает. Моя работа не такая уж безопасная, — он взглянул на свою рюмку и выпил ее до дна. — А как вы, Тифани, по этим же вопросам? — спросил он, чтобы переменить тему разговора.

— Я думаю, что каждой девушке хотелось бы, придя домой, видеть мужскую шляпу на столике в прихожей. Только все дело в том, что я никогда

еще не находила под шляпой хоть что-то стоящее… Может быть, не очень усердно искала? Или искала не там, где надо? Вы знаете, как это бывает, когда попадаешь в канаву? Ты остаешься там, сидишь и бываешь доволен, что можешь не заглядывать за ее края. Именно так и было, когда я работала у Спенга. Всегда знала, откуда подадут еду в следующий раз. Отложила немного денег. Но у девушки не может быть друзей в такой обстановке и в такой компании. Она вполне может даже повесить объявление: «Не входить!». Но кажется, что мне уже вполне достаточно одиночества. Вы знаете, как говорят хористки на Бродвее? Стирка вызывает тоску, если в ней нет мужской рубашки…

Бонд засмеялся. Он лукаво взглянул на нее.

— А как насчет мистера Серафима? Те две спальни в пульмановском вагоне и ужин с шампанским, накрытый на двоих?

Не успел он закончить, как ее глаза вспыхнули, она встала из-за стола и направилась к выходу.

Бонд проклинал самого себя. Он положил деньги на стол и поспешил за ней. Он нагнал ее уже на полпути к каюте на прогулочной палубе.

— Послушайте, Тифани, — начал он.

Она резко оглянулась и посмотрела на него.

— Каким низким вы можете быть! — воскликнула девушка сердито, и слезы блеснули у нее на ресницах. — Зачем вам надо было испортить таким жестоким замечанием все?.. — Она повернулась к иллюминатору, ища платок в сумочке, и поднесла его к глазам. — Вы просто ничего не понимаете.

Бонд обнял ее и прижал к себе.

— Моя дорогая! Я не хотел обидеть вас. Я просто хотел все точно знать. Для меня эта ночь в поезде была очень неприятной, и столик с ужином причинил мне большую боль, чем та, которая последовала позже. Я должен был спросить вас.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Вы действительно имели в виду это? — спросила она, внимательно следя за его лицом. — Вы хотите сказать, что уже тогда любили меня?

Она отвернулась от него и взглянула через иллюминатор на бесконечную синюю поверхность океана и множество ныряющих чаек, которые путешествовали вместе с чрезвычайно щедрым судном. Немного погодя, Кейс спросила:

— Вы когда-нибудь читали «Алису в стране чудес»?

— Много-много лет назад?! — с удивлением ответил Бонд. — А что?

— Там есть строчка, о которой я часто думаю, — сказала она — В ней говорится: «О, мышка, ты знаешь выход из этого моря, моря слез? Я очень устала здесь плавать, о, мышка!» Помните? И вот я подумала, что вы собираетесь указать мне выход. Вместо этого вы толкаете меня в море. Вот почему я расстроилась, — она посмотрела на него. — Но я понимаю, что вы не хотели сделать мне больно.

Бонд молча посмотрел на нее и крепко поцеловал в губы.

Она не ответила, не вырвалась, но глаза ее снова смеялись. Потом она взяла его под руку и подвела к открытой двери лифта.

— Отведите меня вниз, — сказала она, — я должна пойти и привести себя в порядок. Мне потребуется немало времени, чтобы переодеться. — Она немного помолчала, потом приблизила губы к его уху: — Если вас интересует, Джеймс Бонд, — мягко сказала она, — то я никогда в жизни, как это говорится, не спала с мужчиной. — Она потянула его за руку. — А теперь пошли, — решительно проговорила она.

— Вам тоже пора принять теплую ванну…

Бонд проводил ее до каюты, а потом отправился в свою, где принял теплую ванну, а затем холод-

ный душ. После этого он лег на кровать и долго улыбался, вспоминая слова Тифани и думая о ней, лежащей в ванне. При этом она наверняка тоже думала о том, насколько сумасшедшими могут быть эти англичане.

Послышался стук в дверь. Вошел стюард с маленьким подносом, на котором что-то лежало, и поставил его на стол.

— Что это, черт возьми? — спросил Бонд.

— Это только что принесли от шеф-повара, — ответил стюард, после чего вышел из каюты.

Бонд встал с кровати и изучил содержимое подноса. Он улыбнулся во весь рот. На подносе стояла небольшая бутылка «Боллингера», красивая жаровня с четырьмя небольшими бифштексами на поджаренных кусочках хлеба и небольшая соусница. Рядом лежала написанная карандашом записка: «Этот соус «вернез» был приготовлен мисс Т. Кейс без моей помощи». Записка была подписана шеф-поваром.

Бонд наполнил стакан и густо намазал бифштекс соусом «вернез». Тщательно прожевав, он подошел к телефону, стоявшему на маленьком столике.

— Тифани?

Он услышал мягкий и восторженный смех на

другом конце провода.

— Да, вы определенно умеете готовить прекрасный соус «вернез»... — и он повесил трубку.

Глава 23. Работа отходит на второй план

Это всегда бывает самым опьяняющим моментом в любовных отношениях людей, когда впервые в публичном месте, ресторане или театре, мужчина опускает руку и кладет ее на бедро женщины, а ее рука ласково прижимает руку мужчины. Эти два жеста говорят обо всем. Все оговорено. Все соглашения подписаны. Затем наступает длительное молчание, во время которого играет кровь.

Было одиннадцать часов вечера, в ресторане на палубе уже осталось не так много народу. Слышались мерные вздохи освещенного луной океана. Огромный лайнер разрезал своей грудью воды Атлантики, а Бонд и Тифани сидели, тесно прижавшись друг к другу, за столиком ресторана.

Подошел официант со счетом, и их руки приняли нормальное положение. Но теперь все время принадлежало им. В словах и заверениях просто не было никакой необходимости. Официант убрал со стола, и они пошли к выходу. На лице Тифани сияла счастливая улыбка. Они поднялись

на прогулочную палубу.

— А что теперь, Джеймс? — спросила Тифани. — Мне хотелось бы еще кофе и виски с содовой, пока мы будем смотреть аукцион. Я столько слышала о нем и, может быть, нам повезет?

— Хорошо, — сказал Бонд, — все, что ты хочешь.

Он прижал ее руку к себе и они пошли через большой холл, в котором еще играл оркестр, в танцевальный зал, где музыканты настраивали инструменты.

— Но только не заставляй меня покупать номер, — сказал Бонд. — Это чисто азартная игра на выигрыш, пять процентов идет на благотворительные цели. Шансы выиграть здесь так же минимальны, как и в Лас-Вегасе. Но будет весело, если аукцион окажется хорошим. Говорят, что на борту много людей с деньгами.

Зал был почти пустым, и они выбрали себе столик подальше от сцены, на которой главный стюард раскладывал принадлежности аукциониста: коробочку с пронумерованными билетами, молоток и графин с водой.

— В театре это называется подготовкой мизансцены, — заметила Тифани, когда они сели за столик среди множества пустых столиков и

стульев. Но только Бонд успел сделать официанту заказ, как дверь, ведущая в кинотеатр, распахнулась, и в зале оказалось около сотни человек.

Веселый, полный человек с красной гвоздикой в петлице, слегка ударил по своему столику, призывая к тишине. Он объявил: капитан считает, что на следующий день они пройдут расстояние в 720–739 миль, что любое расстояние короче, чем 720 миль, является нижним полем, а любое расстояние больше 739 миль — верхним полем.

— А теперь, леди и джентльмены, — закончил он свое вступление, — посмотрите, сможем ли мы побить рекорд в этом путешествии, рекорд, который равен весьма впечатляющей сумме — две тысячи четыреста в банке!

Раздались аплодисменты.

Стюард предложил коробочку с пронумерованными билетами, свернутыми в трубочку, самой багатой на вид даме, затем поднял вверх бумажку, которую она вынула, и передал ее аукционисту.

— Итак, леди и джентльмены, для начала мы имеем довольно хорошую цифру 738. Точно в самом верхнем пределе, и так как я вижу здесь множество новых лиц, то полагаю, мы все согласимся с тем, что море совершенно спокойно! Леди и джентльмены! Какую цену я могу пред-

ложить за цифру 738? Могу я сказать пятьдесят? Кто-нибудь предложит мне пятьдесят за этот счастливый номер? Вы сказали двадцать, мистер? Кто больше?.. Двадцать пять. Благодарю вас, леди. А вон там тридцать. Вот еще сорок, а сорок пять дает мой друг, мистер Готблат. Спасибо, Чарли! Кто-нибудь даст больше сорока пяти за 738? Пятьдесят! Благодарю вас, мадам, вот мы и опять там, откуда начали! Кто же даст больше? Никто не решается? Кто же даст больше? Высокая цифра, спокойное море. Пятьдесят долларов. Кто-нибудь скажет пятьдесят пять? Идет за пятьдесят. Продается раз! Продается два!

Он поднял молоток и ударил им в третий раз.

— Ну слава богу, он хороший аукционист, — сказал Бонд. — Это хороший номер. И оказался довольно дешевым. Если только такая погода простоит дальше, и никто не упадет за борт. Высокое поле сегодня вечером будет стоить крупную сумму денег. Все будут считать, что мы пройдем больше 739 миль при такой погоде.

— Что ты подразумеваешь под крупной суммой денег? — спросила Тифани.

— Двести фунтов, а может быть, и больше. Я полагаю, что обычные номера будут проданы за сто фунтов. Первый номер всегда бывает намного

дешевле других. Люди еще не успели зажечься. Единственное, что ты можешь ловко проделать в своей игре, это купить первый номер. Любой из них может выиграть, но первый всегда стоит дешевле.

Как только Бонд кончил говорить, следующий номер был продан за 90 фунтов возбужденной девушке, за которую, очевидно, платил ее спутник, седой молодящийся мужчина, видимо, поклонник девушки.

— Купи мне номер, — попросила Тифани. — Ты просто нехорошо ведешь себя по отношению к девушке. Ты посмотри, как этот приятный мужчина относится к своей спутнице. Неужели тебе не стыдно?

— У него уже не тот возраст, — возразил Бонд, — ему, должно быть, около шестидесяти. До сорока лет девушка ничего не стоит, а после сорока ты должен платить деньги или рассказывать о себе интересные истории, — он улыбнулся ей в глаза. — А мне нет и сорока!

— Не будь тщеславным, — сказала Гифани и насмешливо посмотрела на него. — Говорят, что пожилые люди — самые лучшие любовники. А ведь на самом деле ты не скряга. Я прошу тебя об этом, потому что азартные игры запрещены на

больших кораблях.

— Послушай это, — Бонд взял оранжевую карточку на столе и прочитал: «Аукцион — пари на ежедневное расстояние, покрываемое лайнером. Компания считает себя обязанной заявить о том, что она не желает, чтобы стюард данного помещения или кто-либо другой из персонала лайнера принимал активное участие в организации такого пари». — Бонд посмотрел на нее. — Вот видишь, — сказал он, — игра чрезвычайно близка к жизни. И далее: «Компания предлагает, чтобы пассажиры сами избрали комиссию из своей среды для контроля за ходом аукциона. Стюард курительной комнаты может, если его попросят и если это позволяют его служебные обязанности, оказывать содействие в выполнении требований комиссии». Приятное отклонение от ответственности, — заметил Бонд. — «Комиссия должна сдерживать негодование пассажиров, если возникнут недоразумения». А теперь слушай дальше. Вот где зарыта собака, — он прочел: «Компания обращает особое внимание на обеспечение финансовых законов Объединенного королевства в отношении ограничения сделок и ввоза стерлинговых банкнот в Объединенное королевство». И так далее, — сказал он и улыбнулся

Тифани. — Итак, я куплю тебе билет, который продается, и ты выиграешь две тысячи фунтов. Это будет солидная пачка долларов, фунтовых банкнот и чеков. Единственный путь реализовать все это даже если предположить, что чеки будут настоящими, что весьма сомнительно — ввезти их на континент контрабандой под поясом. И, таким образом, мы снова окажемся завязанными в том же старом предприятии, но теперь уже и я буду на одной стороне с дьяволом.

На девушку эти слова не произвели никакого впечатления. Среди гангстеров был один человек по имени Абадаба. Он был горбун с головой в форме яйца и знал ответы на все вопросы. Он выработал свою систему, взвесив все шансы на скачках и цифровых пари. Всю умственную работу он проделывал сам. Его называли «колдуном», а потом убрали за ошибку, которую он однажды допустил. Тифани рассказала об этом Бонду.

— Я думаю, что ты просто второй Абадаба, судя по тому, как откручиваешься от того, чтобы истратить немного денег. Ну, ладно, — она пожала плечами. — Может быть, ты закажешь своей девушке немного виски?

Бонд подал знак официанту. Когда тот отошел от них, она наклонилась к нему так, что ее волосы

коснулись его лица, и сказала:

— Я на самом деле не хочу виски. Выпей ты. Сегодня вечером я хочу оставаться трезвой, как солнечный день, — она выпрямилась. — Что теперь здесь происходит? — спросила она. — Я хочу послушать, что будет дальше.

— Сейчас опять начнется, — ответил Бонд.

Аукционист поднял голову, и в зале наступила тишина.

— А теперь, леди и джентльмены, — выразительно проговорил он, — вопрос ставится уже о шестидесяти четырех тысячах долларов! Кто собирается дать мне сто фунтов за выбор высокого или низкого поля? Мы все уже знаем, что это означает. Можете выбрать высокое поле, которое сегодня вечером будет популярным. Ввиду хорошей погоды. Итак, кто откроет аукцион со ста фунтов за выбор высокого или низкого поля? Благодарю вас, сэр! А вот сто десять… сто двадцать…. сто тридцать… Благодарю вас мадам!

— Сто пятьдесят! — произнес мужской голос недалеко от их столика.

— Сто шестьдесят! — на этот раз это сказала женщина.

Мужской голос монотонно произнес:

— Сто семьдесят!

— Сто восемьдесят! — сказал кто-то.

— Двести фунтов!

Что-то заставило Бонда обернуться и посмотреть на говорившего человека. Это был высокий мужчина. Его бледное лицо блестело от пота. Маленькие холодные темные глаза смотрели в сторону аукционера через очки с двухфокусными линзами. От пота его черные волосы слиплись. Он снял очки, вынул носовой платок и вытер пот круговыми движениями, которые начинались с левой стороны лица и далее вокруг головы к затылку, где он перехватывал платок правой руки и завершал круг на покрытом потом носу.

— Двести пять… двести десять…

Человек наклонил голову и стал обтирать платком свой плотно сжатый рот. Что-то было в нем такое, что заставило Бонда задуматься и попробовать вспомнить… Он смотрел на крупное лицо, припоминая, где он мог его встречать. Лицо? Голос?.. Англия? Америка?

Потом Бонд перевел свой взгляд на другого человека, сидевшего за тем же столиком. И снова та же навязчивая, мысль… Бонд мучительно напрягал мозг. Где он мог видеть этого человека? Необычно деликатные черты молодого лица под седеющими волосами. Мягкие карие глаза под

длинными ресницами. Общее приятное впечатление нарушал мясистый нос над широким ртом с тонкими губами, который был растянут в широкой пустой улыбке, как щель почтового ящика.

— Двести пятьдесят? — механически сказал рослый мужчина.

Бонд повернулся к Тифани.

— Ты когда-нибудь видела этих людей, — спросил ом, и она отметила беспокойство в глубине его глаз.

— Нет, — решительно сказала она, — никогда их не видела. Мне кажется, что они из Бруклина или Гарлема. А что? Они что-нибудь для тебя значат?

Бонд еще раз взглянул на них.

— Не-ет, — с сомнением ответил он.

В зале послышался взрыв аплодисментов. Аукционист постучал по столу.

— Леди и джентльмены, — с триумфом проговорил он. — Все идет просто восхитительно. Триста фунтов дает очаровательная леди в прекрасном розовом вечернем платье. — Все головы повернулись в ее сторону, и все как бы безмолвно спрашивали: «Кто это?» — А теперь, сэр, — он повернул голову к плотному мужчине за столиком, — я могу сказать триста пятьдесят?

— Триста пятьдесят, — произнес плотный мужчина.

— Четыреста! — сказала женщина в розовом.

— Пятьсот! — голос звучал монотонно и безразлично.

Девушка в розовом сердито заговорила со своим спутником. Тот внезапно забеспокоился. Он посмотрел на аукциониста и покачал головой.

— Пятьсот… Кто больше? — спросил аукционист. Теперь он знал, что выжал все, что было можно, из этого дела. — Пятьсот — раз, пятьсот — два. Гонг! Продано джентльмену за крайним столиком, и я думаю, что он заслуживает аплодисментов.

Аукционист первым захлопал в ладоши, и все последовали его примеру, хотя было видно, собравшиеся хотели, чтобы выиграла девушка в розовом.

Полный мужчина приподнялся со своего места на несколько дюймов и потом снова сел. На его лице не было благодарности за аплодисменты. Он продолжал пристально смотреть на аукциониста.

— А теперь мы должны выполнить формальность и спросить у джентльмена, какое поле он предпочитает? Сэр, вы выбираете верхнее или

нижнее поле?

Голос аукциониста звучал иронически, а вопрос был пустой тратой времени.

— Нижнее поле!

В переполненном зале на мгновение наступила мертвая тишина, затем быстро стал нарастать гул неодобрения. Ни у кого не возникло вопроса, всем было ясно, что мужчина выберет верхнее поле. Погода была отличная. «Куин Элизабет» делала, по крайней мере, 30 узлов в час. Может быть, он знал что-нибудь? Подкупил кого-нибудь на мостике? Не приближался ли шторм? Может быть, у кого-нибудь должны вот-вот наступить роды?

Аукционист постучал по столу, призывая к тишине.

— В таком случае, леди и джентльмены, приступим к аукциону верхнего поля. Мадам, — он обратился к девушке в розовом, — не начнете ли вы аукцион?

Бонд повернулся к Тифани.

— Это был очень странный бизнес, — сказал он. — Море спокойное, как стекло. Единственное объяснение — он что-то знает…

Он повернулся, небрежно взглянул на двух мужчин и спокойно отвел от них взгляд.

— Они очень интересуются нами.

Тифани через его плечо посмотрела в их сторону.

— Сейчас они не смотрят на нас, — сказала она. — Мне кажется, что они — пара наркоманов. Парень с белыми волосами выглядит глупым, а полный мужчина сосет свой большой палец. Они пьяны… Сомневаюсь в том, что они вполне понимают, что именно купили. Они просто решили вступить в перепалку.

— Сосет большой палец?.. — спросил Бонд.

Рассеянная память раздражала его и он провел рукой по волосам. Вероятно, если бы Тифани дала ему возможность спокойно проследить за ходом мыслей, он бы и вспомнил… Но она взяла его руку и наклонилась к нему так, что ее волосы коснулись его лица.

— Забудь об этом, Джеймс, — сказала она. — И не думай больше об этих глупых мужчинах. — Внезапно ее глаза стали страстными и требовательными. — Мне здесь надоело. Отведи меня куда-нибудь в другое место!

Не говоря больше ни слова, они поднялись из-за стола и вышли из шумного зала на лестницу. Когда они спускались на нижнюю палубу, рука Бонда нежно обняла талию девушки, а ее голова склонилась к нему на плечо.

Они подошли к двери каюты Тифани, но она мягко подтолкнула его в сторону длинного коридора.

— Я хочу, чтобы все это произошло у тебя, Джеймс!

Бонд не произнес ни слова, пока они не дошли до его каюты и он не открыл ее. Когда он запер дверь, они сплелись в тесном объятии и стояли так, прижавшись друг к другу в середине чудесной маленькой комнаты. Потом он мягко проговорил:

— Моя дорогая… — он запустил пальцы в ее волосы и откинул назад ее голову…

Некоторое время спустя его рука коснулась молнии на ее спине, и не отодвигаясь от него, она шагнула из своего платья, часто дыша между поцелуями.

— Я хочу, чтобы было все, Джеймс, все, что ты когда-либо делал с девушками. Сейчас!

Бонд наклонился, обхватил ее рукой за бедра, приподнял и мягко положил на диван.

Глава 24. Смерть так неумолима

Последнее, что помнил Бонд до того, как зазвонил телефон, была Тифани, наклонившаяся над ним и целующая его со словами: «Ты не должен спать на том боку, где находится сердце. Это вредно для здоровья. Повернись, пожалуйста, на другой бок!»

Он послушался ее и перевернулся, а как только за ней захлопнулась дверь, снова заснул, убаюканный вздохами Атлантики и мягкими покачиванием корабля, держащего его в своих объятиях.

А потом в темной каюте раздался сердитый телефонный звонок, который звенел, не переставая, пока Бонд не взял трубку.

— Простите за беспокойство, сэр, с вами говорит радист корабля. Только что для вас получена шифровка с пометкой «сверхсрочно». Прочесть или послать вам в каюту?

— Пожалуйста, если возможно, пошлите ее мне. Спасибо.

Что, черт возьми, случилось? Вся прелесть и тепло страстной любви были грубо отброшены в

сторону. Он встал с кровати, сильно потряс головой, чтобы отогнать сон, и направился в душ.

В течение целой минуты он лил на себя холодную воду, потом вытерся, поднял с пола брюки, рубашку и надел их.

Получив радиограмму, он сел за стол и угрюмо принялся за работу. По мере того, как группы цифр превращались в слова, глаза его сужались, а кожа покрывалась мурашками.

Радиограмма была от начальника штаба и в ней говорилось:

«Тайное наблюдение за учреждением Сайса перехватило сигнал с «Куин Элизабет», адресованное АВС и подписанное Винтом. Сообщает о вашей поездке на борту вместе с Кейс и запрашивает инструкции, точка. Ответ, подписанный АВС, содержит приказ уничтожить Кейс, цена 20000 долларов. Наше мнение: Руфус В. Сайс является АВС, чему соответствуют его инициалы на французском, точка. Далее: вероятно, встревоженный слежкой, Сайс вчера вылетел в Париж, и теперь по сообщению Интерпола, находится в Дакаре, точка. Это заставляет нам предположить, что алмазы берут начало в Сьерра-Леоне, откуда контрабандой переправляются за границу во Французскую Гвинею. Мы подозреваем члена

интернационального зубоврачебного персонала в Сьерре, за которым следят. Пальф Кембере ждет вашего возвращения для безотлагательного полета завтра ночью в Сьерра-Леоне. Подписано: КОС».

Одно мгновение Бонд сидел, как примерзший к стулу. Внезапно в его голове промелькнула наиболее зловещая строчка из всего послания… Кейс угрожает опасность! Кто-то из шайки «Спенг Моб» находится на борту корабля и путешествует вместе с ним. Кто? Где?

Он схватил телефонную трубку.

— Пожалуйста, мисс Кейс!

Он слышал, как аппарат около ее кровати щелкнул и раздался первый звонок. Второй… третий… Еще один… Он бросил трубку и выбежал, направляясь к ее каюте. Ничего. Пусто. Кровать не тронута. Свет включен. Но ее вечерняя сумочка лежала на ковре около двери и ее содержимое было разбросано на полу… Она вошла. Мужчина стоял за дверью… Вероятно, последовал удар. А что дальше? Иллюминаторы были закрыты. Он заглянул в ванную. Ничего.

Бонд стоял посреди каюты, и его мозг лихорадочно работал. Что бы сделал он, Бонд, в подобной ситуации? Перед тем, как убить, он бы допросил

ее… Выяснил, что она знала, что успела рассказать о них и кто этот человек — Бонд… Он доставил бы ее в свою каюту, где смог беспрепятственно и не торопясь выяснить все это.

Если бы кто-то встретил его, когда он переносил ее к себе, то ему потребовалось бы только подмигнуть и слегка покачать головой: «Чуть-чуть многовато шампанского… Нет, спасибо, я справлюсь с этим сам!» Но где их каюга? Далеко отсюда?

Бонд взглянул на часы и побежал обратно по коридору. Три часа. Она ушла из его каюты после двух. Следует ли позвонить на мостик? Поднять тревогу? Ужасная перспектива объяснений, подозрений, задержек… «Дорогой сэр, это почти невозможно!»… Попытки успокоить его. «Конечно, сэр, мы предпримем все возможное!». Вежливый взгляд сержанта, думающего о попойке и любовных утехах… И даже кто-то, пытающийся задержать лайнер, чтобы выиграть нижнее поле в корабельном аукционе…

Нижнее поле!.. Человек за бортом! Корабль задерживается.

Бонд распахнул дверь своей каюты и схватил список пассажиров. Конечно, Винтер! Вот он! А-49. Палуба, находящаяся под ними. А затем

внезапно мысли стали работать, как вычислительная машина. Винт и Кидд. Два громилы. Он снова взглянул на список пассажиров. Китте-рид тоже в каюте А-49. Седой и полный мужчина в самолете БОАС из Лондона. «Моя группа крови — Ф». Секретный эскорт Тифани. И описание Лейтера: «Он трус и не выносит путешествий. Когда-нибудь эта бородавка на большом пальце выдаст его». Красная бородавка на первой фаланге большого пальца, державшего спуск пистолета над Тинга-лингом Веллом, и слова Тифани: «Они пьяны, полный мужчина сосет свой большой палец»… И двое на аукционе, преуспевающие в смерти, которую они подготавливали. Женщина за бортом… Анонимно поднятая тревога, если строгий страж на корабле упустит ее. Лайнер останавливается, разворачивается, начинает поиск. И три тысячи фунтов — дополнительная оплата убийства…

Винт и Кидд… Громилы из Детройта.

Все эти беспорядочные картинки промелькнули в голове Бонда в то время, как он открывал портфель и извлекал из потайного кармана глушитель. Почти автоматически вынул из кармана пиджака «беретту», прикрепил глушитель, все время взвешивая шансы и планируя свои дей-

ствия.

Потом он отыскал план лайнера, который получил вместе с билетами, и стал изучать его, одновременно надевая носки. Точно под ним. Была ли какая-нибудь возможность просверлить замок двери и взять их раньше, чем они возьмут его? Практически, нет… Они могли забаррикадировать дверь так же, как и запереть ее. Или ему нужно просто взять кого-либо из команды, если бы он смог убедить их в существовании опасности? Опасности для Тифани… И пока будет идти пустая болтовня, они вышвырнут ее за борт через иллюминатор и сделают вид, что невинно читают книги или играют в карты. Они скажут: «Что означает вся эта суета?».

Бонд засунул пистолет за ремень и открыл один из иллюминаторов. Он просунул в него плечи и убедился, что оставалось еще много места. Он наклонился. Два тускло освещенных круга прямо под ним. На каком расстоянии? Около восьми футов? Ночь была абсолютно спокойной, ни ветерка… Он находился на теневой от луны стороне лайнера. Заметят ли его с мостика? Окажется ли открытым у них в каюте один из иллюминаторов?

Бонд спрыгнул на пол своей каюты и сдернул

с кровати простыни. Кровавый узел, так будет надежнее всего. Но ему придется разорвать простыни пополам, чтобы получить достаточную длину. Если он выиграет, ему придется взять простыни из каюты А-49, чтобы возместить утрату своих, а если проиграет, то ничто уже не будет иметь значения.

Бонд изо всех сил потянул за получившуюся веревку. Она должна выдержать. Привязав один конец к петлям иллюминатора, он взглянул на часы. С того момента, когда он прочем радиограмму, потеряно двадцать минут. Но слишком ли много? Он сжал зубы, бросил веревку вниз и головой вперед выбрался из иллюминатора.

Не думать. Не смотреть вниз. Не обращать внимания на узлы. Не думать. Медленно, четко перебирать веревку руками.

Ночной ветерок мягко толкнул и качнул его, и далеко внизу он услышал гул и плеск океана. Откуда-то сверху раздался вдруг протяжный вой ветра в снастях и немного выше звезды медленно закачались вокруг него.

Выдержат ли проклятые простыни? Смогут ли руки выдержать его вес? Не думать об этом. Не думать о громадном корабле, о голодном океане, о больших четырехлопастных винтах, готовых

врезаться в его тело. Ты — мальчик, слезающий с яблони. Это так легко и так безопасно там в саду, где можно мягко упасть на траву.

И Бонд перестал думать. Он только внимательно следил за своими руками. Он чувствовал, как кровь отхлынула от его пальцев, а ноги стали чувствительными, как антенны, когда они стали шарить внизу в поисках иллюминатора.

Вот… Пальцы правой ноги коснулись выступа. Он должен остановиться. Он должен быть спокойным и воспользоваться широко открытым иллюминатором. Потом он почувствовал ногой материю. Занавески были задернуты.

Он еще два раза перехватил руками веревку, и лицо его оказалось на уровне иллюминатора. Теперь он мог взяться руками за металлический выступ рамы и снять часть веса с туго натянутой простыни — веревки. Одна его рука получила блаженный отдых, потом другая. Снимая нагрузку с напряженных мускулов, он собирал силы.

И з каюты доносился приглушенный разговор. Несколько слов произнес мужчина, а затем раздался крик девушки: «нет!»

Затем на мгновение воцарилась тишина, а потом послышался удар. Он прозвучал, как выстрел из пистолета и побудил Бонда прыгнуть

через иллюминатор в каюту. Даже тогда, когда он каким-то образом совершенно беспрепятственно нырнул через трехфутовое круглое отвер-ствие иллюминатора, ему все еще казалось, что он может повредить голову, и он прикрывал ее одной рукой в то время, как другой доставал пистолет.

Удачное падение на чемодан, стоявший под иллюминатором, и прыжок, кувырком, после которого он очутился посередине каюты… Через мгновение он был уже на ногах и его пальцы на рукоятке пистолета побелели от напряжения, вокруг сжатых губ образовалась тонкая белая линия. Сквозь узкие щелки сузившихся ледяных глаз он переводил взгляд из стороны в сторону. Дуло черного пистолета было направлено в центр между двумя мужчинами.

— Все в порядке, — сказал Бонд, выпрямляясь.

Это было констатацией факта. В его руках был контроль, а дуло пистолета говорило за себя.

— Кто послал вас? — спросил полный мужчина. Он произнес это сдержанно, безо всякой паники. В голосе не было даже удивления. — Вы пришли, чтобы быть четвертым в игре?

Он сидел в застегнутой рубашке с длинными рукавами недалеко от туалетного столика, и его маленькие глазки блестели на потном лице. Пе-

ред ним, спиной к Бонду, сидела на стуле Тифани. На ней не было ничего, кроме маленьких штанишек телесного цвета. Ее колени были зажаты коленями крупного мужчины. Ее бледное лицо, покрытое красными пятнами, было повернуто к Бонду. У нее были обезумевшие глаза загнанного животного, и рот от изумления открыт.

Седой мужчина, расслабившись, лежал на одной из кроватей. Теперь он приподнялся на одном локте, а другой рукой потянулся к пистолету. Он с безразличием смотрел на Бонда, и его рот был открыт в квадратной улыбке почтового ящика.

Пистолет Бонда был направлен между двумя мужчинами, в нейтральную точку. Когда он заговорил, голос его звучал низко и строго.

— Тифани, — медленно и четко произнес он. — Опустись на колени. Отойди от этого человека. Держи голову опущенной. Выйди на середину комнаты.

Он не следил за ней. Его глаза продолжали перебегать от одного мужчины к другому, с сидящего на стуле к лежащему на кровати.

Теперь она была вне зоны двух целей.

— Я здесь, Джеймс, — в ее голосе звучали надежда и возбуждение.

— Встань и иди прямо в ванную. Запри дверь.

Заберись в ванну и ляг там.

Его глаза на миг скользнули в ее сторону, чтобы убедиться, что она выполнила его указания. Она стояла и смотрела на него. Он заметил красное пятно на ее белой коже. Затем она выполнила его приказание, и раздался щелчок, когда она заперла за собой дверь ванной.

Теперь она была в безопасности. И не увидит того, что должно было здесь произойти.

Между мужчинами было расстояние в пять футов, и Бонд отметил про себя, что если бы они двинулись, то могли схватить его. С такими людьми, как эти, нужно быть готовым ко всему… Даже в то мгновение, когда он будет убивать одного, второй может вскочить и выстрелить.

— Сорок восемь. Шестьдесят пять. Восемьдесят шесть.

Сочетание одного из американских футбольных сигналов, одна из пятидесяти комбинаций, которые они, вероятно, использовали уже тысячу раз. Эти слова вырвались из уст полного мужчины. Одновременно он скатился на пол, и его руки метнулись к ремню.

Стремительным движением мужчина на кровати расставил ноги в стороны от Бонда так, что его тело отодвинулось, и на прицеле осталась

лишь узкая полоска головы. Бонд быстро вытянул руку вперед.

Бум!

Пистолет Бонда издал глухой звук. Под кипой седых волос образовалась дырка.

Бум! — ответил пистолет мертвого человека, выстреливший от последнего движения пальца, и пуля ушла в кровать под трупом.

Полный мужчина, лежавший на полу, вскрикнул. Его пистолет был на уровне колен Джеймса и бесполезно направлен на белую крошечную дверь за Бондом.

— Бросьте его!

Раздался легкий удар, и пистолет упал на ковер.

— Встаньте!

Полный мужчина встал на ноги. Он стоял, глядя в глаза Бонда, как туберкулезник смотрит на свой платок, с ожиданием и страхом.

— Садитесь!

Была ли вспышка надежды в этих глазах? Бонд не сбрасывал напряжения, как подкрадывающийся кот.

Полный мужчина медленно повернулся. Он поднял руки над головой, хотя Бонд и не приказывал ему это делать. Он сделал два шага обратно

к стулу и медленно повернулся, как бы собираясь сесть.

Он стоял лицом к Бонду и вполне естественно, что руки его опустились. Две расслабленные руки качнулись назад, и правая рука сжалась и рванулась вперед… Как белое пламя из кончиков пальцев вылетел нож.

Бум!

Бесшумная пуля и бесшумный нож пересеклись в воздухе, и глаза обоих мужчин одновременно дрогнули, когда нож и пуля ударили в цель.

Но взгляд полного мужчины померк и глаза закатились, когда, схватившись за сердце, он упал на спину в то время, как глаза Бонда небрежно взглянули на расплывающееся красное пятно на его рубашке и на плоскую рукоятку ножа, свисающую из ее складок.

Раздался треск развалившегося под полным мужчиной стула, а потом удар его тела об пол.

Бонд мимоходом взглянул на него, а затем отвернулся к открытому иллюминатору.

Некоторое время он стоял спиной к каюте, глядя на мягко покачивающиеся занавески. Он глубоко вздохнул и прислушался к чарующим звукам моря, доносившимся из мира за стенами этой каюты, мира, который принадлежал ему и

Тифани, но уже не этим двоим… Очень медленно его тело и нервы расслабились. Затем он вытащил застрявший в рубашке нож и, не взглянув на него, потянулся, откинул занавеску в сторону и выбросил его как можно дальше в темноту. Затем, все еще глядя в спокойную ночь, он поставил «беретту» на предохранитель и рукой, которая показалась ему тяжелой, как свинец, медленно засунул пистолет за пояс брюк.

Почти неохотно обернулся и взглянул на убитых. Он задумчиво осмотрел каюту и машинальным движением вытер руки о бедра, а потом осторожно прошел в ванную комнату и сказал:

— Это я, Тифани, — голос его был тихим и усталым.

Она не слышала его голоса. Она лежала вниз лицом в пустой ванне, зажав руками уши. И когда он приподнял ее и взял на руки, она все еще не могла поверить в то, что произошло. Потом она прижалась к нему, осторожно ощупала его лицо и грудь рукой, чтобы убедиться, что это было правдой.

Она вздрогнула, когда коснулась его раненого ребра, и она отодвинулась от него, чтобы посмотреть на его лицо, а потом на кровь, которой были испачканы ее пальцы, на пятно на рубашке.

— О, Боже, ты ранен! — с ужасом воскликнула она, и все ее ночные кошмары были забыты…

Она сняла с него рубашку и промыла рану мыльной водой, потом перевязала полотенцем, разрезанным на полосы. Полотенце она резала ножом, взятым у одного из убитых.

Она все еще не задавала никаких вопросов, когда Бонд собрал всю ее одежду с пола и отдал ей. Он сказал, чтобы она тщательно вытерла каждый предмет в каюте, к которому она прикасалась, чтобы нигде не осталось следов ее пальцев.

Она все еще стояла и смотрела на него, и глаза ее светились, а когда Бонд поцеловал ее в губы, она так ничего и не сказала.

Бонд многозначительно улыбнулся ей и вышел из ванной комнаты, закрыв за собой дверь. После этого он принялся за дело, проделывая все с очень большой осторожностью, делая паузы перед каждым следующим действием для того чтобы ясно себе представить действия сыщиков, которые появятся в этой каюте в Саутгемптоне.

Прежде всего он обвязал своей рубашкой поднос, чтобы придать ей вес, подошел к иллюминатору и выбросил ее за борт. Смокинги обоих мужчин висели за дверью. Он вынул из внутренних карманов носовые платки, обвязал ими

руки и стал шарить в платяном шкафу, пока не нашел вечерней рубашки седовласого мужчины. Он надел ее на себя и некоторое время стоял в центре каюты, раздумывая о дальнейшем.

Затем с большим трудом, стиснув зубы, он придал трупу полного мужчины вид спящего человека. Потом снял с него рубашку, подошел к иллюминатору, вынул «беретту», приставил ее к небольшому отверстию в рубашке около сердца и выстрелил еще одну пулю через дырку. Вокруг нее образовалась копоть, что придавало выстрелу характерную особенность самоубийства. Он снова надел рубашку на труп, тщательно вытер «беретту» и укрепил ее в руке мертвеца с указательным пальцем на спуске.

После очередной паузы, во время которой он опять стоял посреди каюты, он снял с вешалки смокинг Кидда и надел его на труп. Потом протащил по полу каюты и, обливаясь потом от напряжения, просунул труп через иллюминатор и вытолкнул его за борт.

Затем Бонд оттер иллюминатор, чтобы уничтожить отпечатки своих пальцев, и снова сделал паузу, восстанавливая дыхание и обозревая сцену действия. Подойдя к карточному столику, на котором в беспорядке валялись карты после

прерванной игры, он опрокинул его так, что карты рассыпались по полу. Взял пачку долларов и разбросал по каюте.

Картина должна была произвести жуткое впечатление. Правда, будет немного таинственной та пуля, которую выпустил в кровать умирающий Кидд, но это мог быть эпизод борьбы. Из «беретты» было сделано три выстрела, и три гильзы валялись на полу. Две пули могли быть в теле Кидда, которое теперь находилось в водах Атлантики.

Еще оставалось две простыни, которые ему придется стащить со второй кровати. Их пропажа станет необъяснимой. Но, возможно, они подумают, что Винт завернул в них тело Кидда, как в саван, перед тем, как выкинуть его через иллюминатор. Это будет вполне соответствовать угрызениям совести Винта, которое последовало за огненной схваткой во время азартной игры в карты…

Во всяком случае, все останется здесь до тех пор, пока полиция не прибудет в порт и не поднимется на борт судна, а Тифани и Бонд к тому времени будут уже далеко от лайнера. Единственным следом их пребывания в каюте останется «беретта» Бонда, но на ней так же, как и на всем остальном

оружии секретных агентов, не имелось номера.

Он вздохнул и пожал плечами. Теперь оставалось лишь забрать простыни и доставить Тифани в ее каюту так, чтобы их никто не заметил. Потом надо будет обрезать веревку, свисающую с его иллюминатора, и выбросить ее в океан, вместе с запасными магазинами для «беретты» и кобурой… И вот тогда, наконец, настанет время, когда он сможет уснуть, прижимая ее тело к своему, и навсегда заключить ее в свои объятья…

Навсегда?

Когда он медленно шел по каюте в ванную комнату, чтобы забрать оттуда Тифани, он заметил пустые глаза трупа, сидящего на стуле.

Глаза мужчины, группа крови которого была «Ф», как бы говорили ему:

«Мистер, ничто не вечно. Неизбежна и вечна только смерть. Ничто не вечно в этом мире, кроме того, что вы сделали со мной!».

Глава 25. Алмазная трубка закрывается

Теперь уже не было скорпиона, который жил в корнях большого колючего кустарника, росшего на границе трех африканских государств. Контрабандисту нечем было занять свои мысли.

Было жарко и душно, и мужчина, притаившийся в кустарнике, был полон нетерпения и желания поскорее убраться отсюда. Он пришел на свидание в последний раз. Им теперь придется подыскать кого-нибудь другого. Конечно же, он будет вежливо разговаривать с ними. Он предупредит их, что собирается оставить это дело, и он объяснит причину: новый помощник стоматолога, который был принят в штат, не совсем разбирается в зубоврачебном деле. Этот человек, определенно, был шпионом. Пристальный взгляд, небольшие рыжеватые усики, чистые ногти.

Контрабандист переменил позу. Где же, черт возьми, вертолет?

Боже, наконец, — проворчал он и двинулся кругом кустарника, чтобы взять фонарики, пакет

с алмазами и коробку для инструментов.

На некотором расстоянии большое металлическое ухо звукоуловителя уже прекратило поиск, и оператор тихо назвал получаемые данные группе из трех человек, находившихся в армейском грузовике. Он сказал:

— Тридцать миль от нас, скорость — двадцать, высота — девятьсот футов.

Бонд взглянул на часы.

— Кажется, время свидания назначено на полночь, а он опаздывает примерно на десять минут.

— Похоже на то, — согласился офицер из военного гарнизона Фритауна, стоявший рядом с ним. Он повернулся к третьему мужчине. — Капрал, проверьте, нет ли металлических отблесков через маскировочную сеть. Эта луна может все испортить.

Грузовик стоял под прикрытием живого кустарника и густой маскировочной сети на грязной дороге, пролегающей через пустыню к местечку Телефодаю во Французской Гвинее.

В эту ночь, как только локатор обнаружил звук мотоцикла дантиста, он отъехали от холмов по параллельной дороге. Они ехали без огней и остановились только тогда, когда остановился и

мотоцикл, и больше не было возможности двигаться, потому что шум двигателя обнаружил бы их присутствие. Они накрыли маскировочной сетью грузовик и локатор и стали ждать, не зная точно, что произойдет дальше. Прибудет ли на встречу другой мотоцикл или всадник на коне, или летательный аппарат. Послышался отдаленный шум в воздухе, и Бонд тихо рассмеялся.

— Вертолет, — сказал он. — Больше уже никто не будет принимать участия в таких путешествиях. Когда он появится, приготовьтесь снять сеть. Может быть, нам придется дать предупредительный выстрел. Включен глушитель звука?

— Да, сэр, — сказал капрал, стоявший около локатора. — Вертолет быстро приближается. Через минуту его можно будет увидеть. Смотрите на те приближающиеся огни, сэр. Где-то здесь должна находиться посадочная площадка.

Бонд взглянул на четыре тонких столбика света, поднимающиеся с земли, а потом снова посмотрел на темное африканское небо.

Итак, приближается последний из гангстеров и, вместе с тем, первый, кого он увидел в Хаттон-Гардене. Первый из «Спенг Моб». Гангстер, который так высоко ценится в Вашингтоне. Единственный, кроме безобидного, довольно ми-

лого Шеди Трика, которого следовало оставить в живых. Задание М заключалось в том, чтобы получить от этих людей все необходимые сведения, но все они пытались покончить с Бондом и его друзьями. Насилие было их основным оружием. Насилие и жестокость. Двое мужчин в «шевроле» в Лас-Вегасе стреляли в него и ранили Эрни Курсо. Двое в «ягуаре», избившие Эрни, первыми обратились к оружию, когда дело дошло до схватки. Серафим Спенг, распорядившийся, чтобы Бонда пытали до полусмерти, а позже пытавшийся их уничтожить, когда они ехали на дрезине… Винт и Кидд, которые пытались устранить жокея Велла, а потом Бонда и Тифани. Он сам убил пятерых из семи не потому, что ему хотелось это делать, но кому-то ведь надо было этим заняться, а это выпало на его долю. Но у него было также трое друзей: Феликс, Эрни и Тифани, все хорошие люди, а плохие — мертвы…

И вот теперь сюда приближается последний в этой игре человек, который приговорил к смерти его и Тифани. Тот, кто, по словам М, создал эту контрабандную алмазную корпорацию и руководил делом жестоко и безжалостно в течение многих лет.

Когда М позвонил по телефону в Боскомбо-Тауз,

он был краток. Он поймал Бонда за несколько минут до того, как «Канберра» должна была вылететь в направлении Фритауна. Бонд говорил с ним из кабинета начальника аэропорта, когда уже слышался рев «Канберры», на которой проверялись двигатели.

— Рад, что вы благополучно возвратились.

— Благодарю, сэр.

— Что там в вечерних новостях о двойном убийстве на «Куин Элизабет»? — в голосе М слушалось большее, чем просто подозрение.

— Это убийцы, подосланные гангстерами. Путешествовали под именами Винтер и Киттерид. Мой стюард сказал мне, что они поссорились за картами…

— Вы считаете, что ваш стюард прав?

— Значит вполне правдоподобно, сэр.

Последовала пауза.

— А полиция тоже так думает?

— Я никого из них не видел, сэр.

— Я погорю с Веленсом…

— Да, сэр, — сказал Бонд.

Он изучил стиль разговора М и был уверен, что его шеф, зная, что этих людей убил Бонд, сделает так, что ни Бонд, ни секретная служба не будут упомянуты в связи с этим делом.

— Но что бы там ни было, это пешки. Вы должны теперь взять этого АВС или Руфуса В. Сайса или Джека Спенга, как он там себя называет? Насколько я могу предполагать, он снова направится к концу трубки. Он закрывает ее. И там возможно убийство дантиста. Постарайтесь и возьмите их обоих. Я послал 2804 работать рядом с этим зубным врачом около недели назад, и люди во Фритауне думают, что для них уже достаточно ясна ситуация. Я хочу прикрыть все это дело, хочу, чтобы вы вернулись к своей основной работе.

— Да, сэр, — сказал Бонд.

— А что по поводу девушки? — спросил М. — Я говорил о ней с Веленсом, и он не хочет ничего предпринимать, пока вы сами твердо не решите, что делать, — не был ли голос М слишком безразличным?

Бонд постарался говорить так, чтобы его ответы не выглядели легкомысленными.

— Она мне очень помогла, — сказал он. — Может быть, мы сможем решить этот вопрос, когда я напишу свой окончательный отчет?

— А где она сейчас?

Черная телефонная трубка стала скользкой в руках Бонда.

— Она находится по дороге в Лондон, в Даймлер

Хайл. Я направил ее в мою квартиру. Она хочет жить в свободной комнате. Она очень хорошая хозяйка и сама позаботится о себе, пока я не вернусь. Уверен, что с ней все будет в порядке.

Бонд снова вынул носовой платок и вытер пот с лица.

— И я уверен в этом, — ответил М и в его голосе не было иронии. — Тогда все в порядке. Ну, ладно, желаю удачи! — затем последовала пауза. — Позаботьтесь о себе.

— До свидения, сэр.

Бонд взглянул на звездное небо и подумал об М и о Ти-фани, и у него появилась надежда, что это действительно будет финалом, в котором все произойдет быстро и легко, и скоро он уже будет дома.

Контрабандист стоял и ждал, держа четвертый фонарик в руках. Вот и он, летит, пересекая лунную дорожку. Как всегда, чертовски много шума. Это было еще одной опасностью, от которой он был рад избавиться.

Вертолет опускался, и теперь уже повис в воздухе в двадцати футах над его головой. Высунулась рука и просигналила букву А, а человек, стоявший на земле, в ответ просигналил В и С. Затем лопасти винта замерли, и большое металличе-

ское насекомое мягко опустилось на землю.

Пыль улеглась. Контрабандист алмазов отнял руку от глаз и смотрел, как пилот спускается по маленькой лестнице на землю. На нем были надеты летный шлем и очки. Необычно… И выглядел он выше, чем тот немец. Кто это? Он медленно двинулся навстречу контрабандисту.

— Принес?

Глаза под прямыми черными бровями смотрели на него из-под очков. Они исчезли, когда пилот повернул голову и лунный свет упал на стекла очков. Теперь на их месте были два блестящих черных круга в середине блестящего черного шлема.

— Да, — ответил человек, нервничая. — Но где немец?

— Он больше здесь не работает, — два белых круга снова уставились на контрабандиста. — Я — АВС. Я закрываю алмазную трубку.

Этот голос с американским акцентом звучал жестко, решительно и окончательно.

— О!

Рука контрабандиста автоматически потянулась за пазуху. Он вынул оттуда влажный пакет и протянул его пилоту так, что это выглядело предложением мира. Как и скорпион месяц назад, он

почувствовал над собой поднятый камень.

Подай мне баллон с газом.

Это был голос надзирателя, отдающего приказание рабу, но контрабандист быстро шагнул вперед, повинуясь.

Они работали молча. Потом, когда закончили, то оба опустились на землю.

Контрабандист отчаянно думал. Он услышал голос сильного человека, который знал себе цену и всеми управлял Он оглядывался в темное пятно там, где стоял этот человек, положив руку на лестницу.

— Я обдумал все, и я боюсь…

Затем голос прервался и губы обнажили зубы. И он начал издавать звуки, нечто среднее между рычанием и криком.

Пистолет в руке пилота выстрелил три раза. Контрабандист произнес: «О!» и упал на спину в пыль, дернулся раз и затих.

— Не двигайтесь! — металлический голос прозвучал над пустыней и ему вторило эхо усилителя. — Вы окружены!

Раздался звук запускаемого мотора.

Пилот не собирался раздумывать о происхождении этого голоса. Он метнулся к лестнице. Двери кабины захлопнулись и раздался шум запуска-

емого стартера. Взревел мотор, и лопасти винта стали вращаться и набирать скорость до тех пор, пока не превратились в два серебристых вихря.

Вертолет дрогнул, поднялся в воздух и начал вертикально набирать высоту.

Внизу около кустарника, дернувшись, остановился автомобиль и Бонд рванулся к железным поручням.

— Вверх, капрал! — крикнул он человеку с подъемника. Он наклонился и сосредоточил свое внимание на координатной сетке в то время, как дуло поднималось по направлению к луне. Он взялся за ручку «огонь» и переключил ее с предохранителя. — И десять градусов влево!

— ...я буду подавать вам снаряды, — в руках офицера, стоявшего рядом с Бондом, появился первый, выкрашенный в желтый цвет.

Бонд поставил ногу на педаль пускового устройства, и теперь вертолет был в центре координатной сетки.

— Приготовились! — тихо сказал Бонд.

Бум!

Блестящий трассирующий след рванулся в небо со скоростью звука.

— Ниже и левее!

Капрал осторожно покрутил две ручки.

Бум!

Трассирующий след сделал дугу высоко над поднимающейся машиной.

Бонд наклонился вперед и установил рукоятку на автоматический огонь. Теперь это уже определенно приведет к смертельному исходу.

Ему снова придется делать это…

Бум! Бум! Бум! Бум!

В небе расплылся красный огонь, но вертолет все же продолжал подниматься по направлению к луне и уже поворачивал к северу.

Бум! Бум!

Около хвостового винта показалась вспышка желтого цвета и раздался отдаленный звук взрыва.

— Попали, — сказал офицер. Он взял ночной бинокль.

— Хвостовой винт отсечен, — доложил он, а затем возбужденно воскликнул; — Черт возьми! Кажется, вся кабина крутится с несущим винтом! Пилот как одержимый, хочет во что бы то ни стало уйти.

— Еще? — спросил Бонд, не отводя глаз от крутящейся машины.

— Нет, сэр, — ответил офицер. — Хотелось бы взять его живым, если это удастся, но, кажется…

Он потерял управление. Стремительно падает вниз. Вероятно, что-то произошло с лопастями несущего винта. Вот он!

Бонд оторвал взгляд от координатной сетки и заслонил ладонью глаза от яркого света луны.

— Да. Вот он…

Теперь уже двигатель ревел на высоте тысяча футов, и большие лопасти винта бесполезно вращались, как клубок металла, а вертолет падал, качаясь, как пьяный.

Джек Спенг, который приговорил Бонда к смерти. Который приговорил к смерти Тифани. Человек, которого Бонд видел всего лишь один раз. Мистер Руфус В. Сайс из Алмазного дома. Человек, который играл в гольф в Сеннингделе и раз в месяц посещал Париж. «Образцовый гражданин», как назвал его М. Мистер Спенг из шайки «Спенг Моб», который только что убил человека, последнего из столь многих.

Бонд мог представить себе сцену в узкой кабине: большой мужчина, державшийся одной рукой за рукоятку управления, другой за поручни, и следящий, как стрелка высотомера быстро падает вниз. В глазах появляется ужас, и пакет алмазов стоимостью в сто тысяч долларов становится уже просто мертвым грузом, и пистолет,

которым он так часто пользовался, так же становится бесполезным.

— Он падает прямо на куст! — закричал капрал, стараясь перекричать грохот с неба.

— Теперь он уже конченный человек, — сказал офицер наполовину самому себе.

Они увидели, как машина несколько раз качнулась, а затем у них перехватило дыхание, когда они увидели, как вертолет, дико раскачиваясь из стороны в сторону, в последний раз наклонился вперед, сделал двадцатиярдовую кривую и врезался в куст.

Не успело смолкнуть эхо от падения, как из середины кустарника раздался хлопок, за которым появился шар пламени, который все рос и, поднимаясь в воздух, затмевал луну, и вся пустыня озарилась оранжевой вспышкой.

Первым заговорил офицер.

— Ух! — с чувством произнес он, опустил ночной бинокль и повернулся к Бонду. — Ну, сэр, — как бы снимая с себя ответственность, проговорил он, — кажется, это все... Боюсь, что придется подождать до утра, тогда мы сможем поближе подобраться к этому месту. И, вероятно, пройдет еще несколько часов, прежде чем мы сможем начать осмотр останков. А к этому вре-

мени подойдет французский патруль. К счастью, у нас с ними хорошие отношения, но губернатор еще долго, вероятно, будет спорить с Дакаром.

Офицер видел впереди развертывающуюся перспективу бумажной работы. Это угнетало его больше, чем обычно. Он был лишен фантазии и с него было вполне достаточно событий этого дня.

— Вы не возражаете, сэр, если мы немного поспим?

— Валяйте! — ответил Бонд. Он взглянул на часы. — Лучше забирайтесь под грузовик. Солнце взойдет, примерно через четыре часа. Я не устал. Я буду, на всякий случай, смотреть, чтобы огонь не стал распространяться дальше.

Офицер с любопытством посмотрел на этого тихого загадочного человека, который внезапно появился в протекторате.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он и спрыгнул с грузовика.

Бонд медленно убрал ноги с педали пускового устройства и сел, откинувшись на металлическое сидение. Автоматическим жестом, не отводя взгляда от все еще скачущих языков пламени, он полез рукой в карман рубашки за зажигалкой и сигаретами.

Итак, это был конец алмазной трубки. И по-

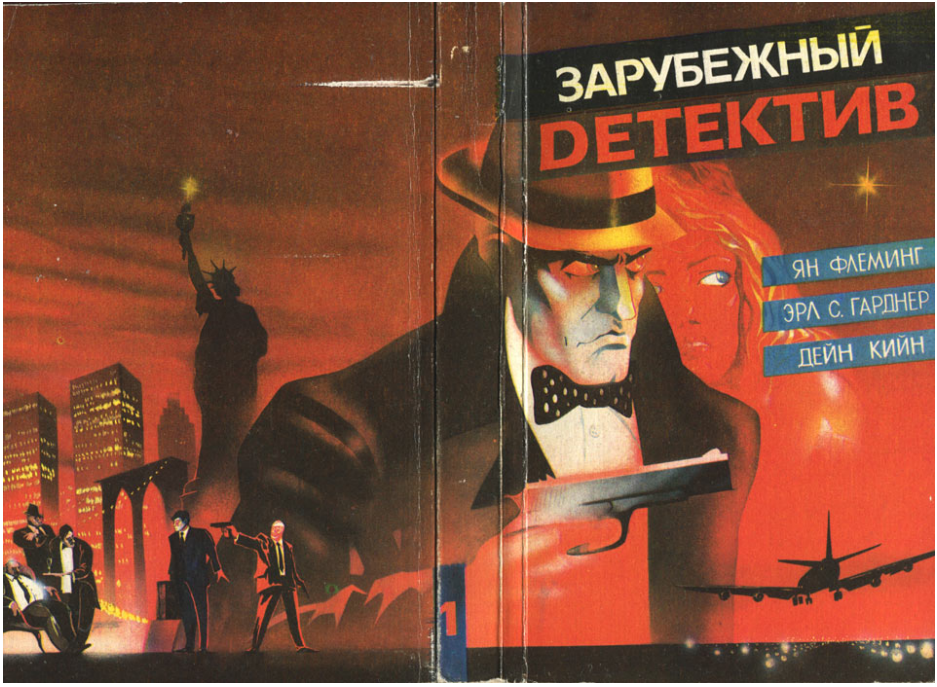
следняя страница в деле. Он глубоко вздохнул и выпустил дым длинным тихим выдохом. Шесть трупов во имя любви. Бонд потянулся и вытер пот со лба. Он откинул прядь волос, и красное пламя осветило суровое худое лицо и блеснуло в усталых глазах.

Итак, это большое красное зарево означало полный конец шайки «Спенг Моб» и конец их легендарной контрабанды алмазов. Но не конец самих алмазов, которые горели в самом центре огня. Они выживут и снова поедут через мир, немного потерявшие свой вид, но не разрушенные, такие же вечные, как и смерть.

Бонд внезапно вспомнил глаза трупа, у которого когда-то была кровь группы «Ф»… Они были не правы… Смерть вечна. Но вечны и алмазы…

Бонд спрыгнул с грузовика и пошел по направлению к пляшущему пламени. Все это дело, связанное с бриллиантами и со смертью, было слишком мрачным. Для Бонда это был конец еще одного рискованного предприятия. Еще одно рискованное дело, для которого эпиграфом могла бы служить фраза, сказанная Тифани Кейс. Он представил себе ее чувственный рот, с иронической усмешкой произносящий:

— Легче сказать, чем сделать!


ЗАРУБЕЖНЫЙ
ДЕТЕКТИВ
ЯН ФЛЕМИНГ
ЭРЛ С. ГАРДНЕР
ДЕЙН КИЙН

РГЖИ «Дэуір». кооператив «Труд»
Алма-Ата 1992 г.

ББК 84.(7США)44
Ф69

Перевод с английского

Флеминг Я., Стенли Э., Кийн Д.
Ф69 Бриллианты вечны/Я. Флеминг. Дело опасной вдовы/ Э. С. Гарднер. Мертвые милашки не болтают /Д. Кийн/Пер. с англ. — Алма-Ата: Кооператив «Труд», 1992. — 432 с. — (Зарубежный детектив. Вып.1.)

ISBN 5-86228-016-2

В книгу включены произведения известных мастеров детективного жанра. Действия захватывающего сюжета относятся к нашему безумно неспокойному времени.

ББК 84. (7США) 44

© Кооператив «Труд». Составление, 1992
© Д. Мухамеджанов. Оформление, 1992

ISBN 5-86228-016-2

Ян Флеминг, Эрл Стенли Гарднер, Дейн Кийн
«ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ»
Том I.

Художественный редактор *Д. А. Мухамеджанов*
Технический редактор *М. Жомартова*
Корректоры *Г. Кудайбергенова, Л. Кобзарь*

Сдано в набор 10.01.92. Подписано в печать 20.03.92. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.-п.л. 22,68 Уч. — изд-л. 26,62. Тираж 100 000 Заказ 3281. Цена договорная

Республиканское газетно-журнальное издательство «Дэуір» *480044, проспект Жибек-Жолы, 50.*